

А. Н. ГЕНКО

АБАЗИНСКИЙ
ЯЗЫК

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. Н. ГЕНКО

АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
НАРЕЧИЯ ТАПАНТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1955

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

К. В. ЛОМГАТИЦЕ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

В работе проф. А. Н. Генко «Абазинский язык», законченной еще в 1934 г., но своевременно не опубликованной, анализируется структура одного из абазинских диалектов — тапантского диалекта, который лежит в основе абазинского литературного языка.

В отдельных случаях у автора приводятся данные и из других абхазско-абазинских диалектов.

Работа проф. А. Н. Генко представляет большой интерес как первый опыт изучения тапантского диалекта и как наиболее полный обзор абазинской речи (т. е. речи тапантинцев); в ней рассмотрены основные вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

Следует отметить, что ряд вопросов, как, например, вопрос об абазинских диалектах, вопрос о делении тапантского диалекта на говоры и т. д., в специальной литературе трактуется и иначе¹. Спорным следует считать положение автора о долготе согласных и об их фонематичности².

Без специального экспериментального исследования трудно разделить положение автора относительно слоговости спирантов и аффрикат и некоторых других согласных. В указанных автором случаях при разделении слов на слоги всегда налицо иррациональный гласный *y*; при отсутствии же *y* число слогов уменьшается, что явствует из примеров, приводимых самим автором, например, *a-t(y)ʃ-a-ra* «выгрызать», но параллельно *at-ʃa/a-ra* и т. д.

В области морфологии трудно согласиться с положением автора о падежности форм имени — определенной (*atшы*), неопределенной

¹ См. K. Bouda. Das Abasinische, eine unbekannte abchasische Mundart. «Zeitschrift d. DMG», В. 94. Leipzig, 1940; К. В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка (с текстами). Тбилиси, 1944; К. В. Ломтатидзе. Ашхарекий диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов (с текстами). Тбилиси, 1954.

² См. К. В. Ломтатидзе. О функциях редупликации в абхазском языке. «Известия ИЯИМЖ», вып. VI—VII. Тбилиси, 1940, стр. 115—135; Ее же. Тапантский диалект абхазского языка, стр. 39—40; Ее же. Некоторые замечания на работы проф. Г. П. Сердюченко по абазинскому языку. «Труды Абхазского научно-исследовательского института», вып. XXIII, 1949, стр. 171.

(*тшы*), единичной (*тшыкI*), отсутствия (*тшыда*) и т. д.¹, а также и с толкованием глагольных категорий переходности, непереходности, побудительности и т. д. как залога и др.

Мы не внесли в работу проф. А. Н. Генко никаких изменений, кроме поправок чисто технического порядка. Отдельные, явно не соответствующие действительному положению толкования языковых фактов, имеющиеся в работе проф. А. Н. Генко, оговорены в наших примечаниях.

¹ См. К. В. Ломтатидзе. К вопросу о склонении в абхазском языке. «Известия ИЯИМК», т. XII. Тбилиси, 1942; Е е же. Тапантский диалект абхазского языка, стр. 78—93, 227—228.

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АБАЗИНАХ И АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Расселение абазин-тапанта¹. На абазинском языке, систематическому обзору основных норм которого посвящается в нижеследующем изложении наше внимание, говорит в настоящее время население 10 аулов, расположенных на северо-западном Кавказе, в бассейне рек Кубани (с ее притоками — Большим и Малым Зеленчуками) и Кумы, на территории преимущественно Черкесской автономной области. Аулы эти следующие: 1) Псыж (абаз. *Псыжэ*, прежнее название Дударуковский, абаз. *Дарыкэвакыт*, современное название кабардинского происхождения и означает «Кубань»), расположен на левом берегу Кубани, против административного центра Черкесской автономной области города Черкесска, бывш. Баталпашинска (в просторечии обычно называвшегося Пашинкой, абаз. *Пашынка* или *Пашынска*), по переписи 1926 г. насчитывал 2010 жит.; 2) Кубина (абаз. *Къыбыйна*, прежнее название Лоовско-Кубанский, абаз. *Къыбыйна Лаукыт*), также на левом берегу Кубани, но выше по течению, против сел. Джигутинского (абаз. *Джыгватэ*), по переписи 1926 г. — 1963 жит.; 3) Красно-восточный (прежнее название Кумско-Лоовский, абаз. *Гыыл Лаукыт*), расположен к юго-востоку от Черкесска, на левом берегу Кумы, недалеко от ее истоков, по переписи 1926 г. насчитывал 2351 жит.; 4) Койдан (абаз. *Къвайдан*), отселок из аула Красно-восточного, расположен в верховьях Абазинки, правого притока Кубани (абаз. *Къвайдан*), по переписи 1926 г. насчитывал 248 жит.; 5) Карапаго (абаз. *Къарапагга*), отселок из аула Кубина, расположен на водоразделе между Кубанью и Малым Зеленчуком к северо-западу от аула Кубина, по переписи 1926 г. насчитывал 308 жит.; 6) Инджик-Чкун (абаз. *Инджыгъ Чкыын*, букв. «Малый Зеленчук», прежнее название Лоовско-Зеленчукский, абаз. *Инджыгъ Лаукыт*), расположен на правом берегу Малого Зеленчука, против кабардинского аула Хабез, бывш. Касаевского, по переписи 1926 г. насчитывал 1457 жит.,

¹ Названия селений и другие географические названия приводятся в написании автора.

7) Эльбурган (абаз. *Албырган*, по имени соседней горы, прежнее название Бибердовский, абаз. *Быйбъркыт*), расположен к северу от Инджикчукуна, также на правом берегу Малого Зеленчука, по переписи 1926 г. насчитывал 1268 жит.; 8) Псауча Даха (абаз. *ПсауычIа дашьа*¹, из кабард. *ПсэукIэ дашьэ*¹ «Красивая жизнь», прежнее название Клычевский, абаз. *Кълычкыт*), расположен к северу от Эльбургана, на левом берегу Малого Зеленчука, население смешанное (кабарданцы и абазин), абазин в 1926 г. насчитывалось 644 жит.; 9) Абазакт (абаз. *Абазакт* «Абазинское селение», прежнее название Егебоковский *Гъабакъдъйкыт*), расположен к северу от Псауча Даха, на левом берегу Малого Зеленчука, население смешанное, абазин в 1926 г. насчитывалось 404 жит.; 10) Абазахабль (абаз. *АбазахIабльа*, из кабардинского *АбадзахIабль*), отселок из сел. Эльбургана и Инджик-Чкуна, расположен на водоразделе между реками Большой Зеленчук и Уруц, к западу от шкараванского сел. Старо-Кувинского, по переписи 1926 г. насчитывал 249 жит.

Абазинское население аулов Псауча Даха и Абазакт (причем в последнем из названных аулов абазинцы Тапанга и Шкарава живут в смешении с кабардинцами, в первом же кабардинское население численно преобладает над абазинским) заметно отделяется от остальных селений преобладанием в быту кабардинского языка.

Расселение абазин-шкарава. К числу абазин в широком смысле слова относятся также жители трех селений, расположенных по течению Большого Зеленчука, к северо-западу от района расположения вышеперечисленных абазинских аулов, а именно следующих населенных пунктов: 1) Апсуа (абаз. *Апсыуа*, прежнее название Шахгиреевский, абаз. *Чагърдъйа*), расположен на правом берегу Большого Зеленчука, по переписи 1926 г. насчитывал 1006 жит.; 2) и 3) Старо-и Ново-Кувинское (абаз. *Хъвыжъы* и *ХъвыжъышIыц*), составлявшие до 1928 г. одно селение, а после указанного года разделившиеся на два. Расположены неподалеку друг от друга и от Апсуа (к югу от последнего) на левом берегу Большого Зеленчука. В 1926 г. сел. Кувинское насчитывало 1707 жит. Причисление жителей названных трех селений к абазинам основывается на чрезвычайной взаимной близости абазинских наречий Тапанга и Шкарава в той разновидности, на которой говорят жители названных трех селений, а также на общности их культурно-исторической судьбы в течение 250—300 лет, прошедших со времени выселения шкараванцев из южных гор. Однако полному их отождествлению препятствует наличие и целого ряда довольно заметных различий, главным образом в языке, а также в бытовом укладе.

В дальнейшем изложении наше внимание будет сосредоточено по преимуществу на характеристике особенностей собственно абазинского языка наречия Тапанга, на котором с 1933 г. существует и развивается национальная абазинская письменность; особенности шкараванского

¹ Автор через *шь* передает кабардинское мягкое *ж*. (Ред.).

(зеленчукского) наречия абазинского языка учтены лишь постольку, поскольку они существенно отступают от норм тапантинских.

Общая численность абазин. Суммируя вышеприведенные цифры населения абазинских аулов по данным переписи 1926 г., мы получаем цифру 13 615 чел., из коих 2713 приходится на шкараванских абазин. Однако эта цифра далеко не соответствует действительному количеству лиц, говорящих на наречиях абазинского языка; она относится к той части абазинского населения, которая живет на Северном Кавказе более или менее сплоченными группами и составляет поэтому более легкий объект статистического учета. Перепись 1926 г., помимо вышеуказанных, отметила ряд пунктов, населенных другими национальностями (черкесами, кабардинцами и др.), в которых также живут абазинцы, составляя меньшинство. Таковы, например: 1) в Черкесской автономной области совхоз «Красный горец» (13 абазин), Новохумаринский аул (6 абазин), выселок в бывш. Лоовско-Зеленчукском сельсовете (6 абазин); 2) в Адыгейской автономной области аул Кошехабль (284 абазина), аул Джиджи-Хабль (160 абазин), аул Тауй-Хабль (127 абазин), аул Джамбочи (302 абазина), аул Шагаи Черпахабль (121 абазин) (см. «Поселенные итоги переписи 1926 г.», Изд-во Северо-Кавказского краевого статистического управления. Ростов-на-Дону, 1928). Но и эти дополнительные данные далеко не исчерпывают абазинского населения не только в той его части, которая по разным причинам утратила до Великой Октябрьской социалистической революции родной язык, но и в той, где родной язык сохраняется, ограничиваемый, правда, узкими рамками лишь спорадического, внутрисемейного бытового общения. Так, например, во многих аулах Адыгеи и Большой Кабарды имеются абазинские группы, сохраняющие родной язык; осуществить сколько-нибудь точный учет численности этих разбросанных групп абазинского населения не представляется в настоящее время возможным. Примерная общая цифра абазин Северного Кавказа, сохраняющих до настоящего момента в той или иной степени родной язык, колеблется, повидимому, от 20 до 25 тысяч.

Различные наименования абазин. Абазины сами называют себя в настоящее время абазинами (*Аб̄аза*) лишь под влиянием русского и кабардинского словоупотребления. Термин *Аб̄адзэ* или *Аб̄аза* очень давнего происхождения (первые его упоминания относятся ко времени, близкому к началу н. э., встречались уже примерно 1800 лет назад) и имеет собирательное значение: так назывались представителями черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая сюда и исчезнувшую ныне на Кавказе народность убыхов), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья (нынешние Туапсинский и Сочи́нский районы, а также Абхазская АССР). На основе этого-то черкесского термина — *Абаза* (суммарно равнозначающего такому современному определению: западнокавказский горец не черкесско-адыгского языка и культуры) возник

и с XVIII в. упрочился русский термин — абазины (абазинцы) в специальном значении абхазоязычных племен Северного Кавказа. Соответствующее русскому «абазин» национальное самоназвание Тапанта (*Tianpanta*) — иранского (осетинского) происхождения означает «равнинный житель», и прилагалось, повидимому, первоначально древнейшим иранским населением бассейна верхней Кубани к той части абхазцев, которая примерно в XII—XIII вв. н. э. спустилась в северокавказские предгорья и отделилась, таким образом, от основной массы абхазов, продолжавших оставаться «горцами». В связи с этим следует отметить, что первое положительное указание на наличие абхазо-абазинских поселений на Северном Кавказе относится к самому концу XIV в.

Противоположного значения Тапанта термин Шкарава (*Щхаръау*), т. е. «горец», прилагается в настоящее время абазинами Тапанта к своим родичам, составляющим ныне население аулов Апуа и Кувиинского; термин указывает на сравнительно недавнее пребывание предков этого населения в горах, отчасти в бассейнах верхнего течения впадающих в Черное море рек: Мдымта, Псоу и Бзыб, отчасти на верховьях притоков Кубани — Урупа, Большой и Малой Лабы. В течение XVII в. жившие здесь горные племена продвинулись заметно на север и оказались, подобно абазинам-тапанта, жителями равнины. Многие особенности, ныне уже почти изгладившиеся, как устройство аулов, отдельного дома с прилегающей к нему усадебной территорией, отличали в недалеком прошлом новых переселенцев с гор от их соотечественников — Тапанта.

Соответствующими абазино-абхазским терминам Тапанта и Шкарава кабардинскими названиями служили: Басхяг (кабард. *Басхъагъ* = абаз. *Tianpanta*) и Кушхажане (кабард. *Къыщхъа-жъанэ* = абаз. *Щхаръау*); в последнем из этих названий, имеющем не совсем ясное этимологическое происхождение, мы имеем также (в первой его части) указание на недавнее происхождение соответствующего населения с гор (*Къыщхъа* значит «гора»). В популярной и научной литературе часто встречается также погайское название абазин — Алты Кесек Абаза (а ранее — Беш Кесек Абаза), ведущее свое происхождение от счета населения по числу феодальных родов, распоряжавшихся судьбами подвластных им соответственных частей абазинского народа. Таких родов (или отдельных ветвей династии местных князьков, ведущей свое происхождение по одной версии предания от одного общего родоначальника) насчитывалось первоначально — до XVIII в. — пять (отсюда Беш Кесек — «пять частей», — т. е., подразумевается, абазинский народ), впоследствии шесть (отсюда Алты Кесек — «шесть частей»).

Абхазцы, живущие на юге от Главного Кавказского хребта, на берегу Черного моря, называют северокавказскую равнину особым термином: *Ашвэ* или *Ашвадвэ*, абазин соответственно называют *Аш-вдыаа* (ср. выражения *Ашвэжъа дцэйтI*¹ «он отправился на Северный

¹ Обычная форма *дцэйтI*. (Ред.).

Кавказ», *АшвйтIв дайтI* «он прибыл с Северного Кавказа»). Слово *АшвйтI* восходит к той эпохе, когда абазинского населения на Северном Кавказе еще не существовало, и имеет в виду древнейшее (а впоследствии, во времена, непосредственно предшествующие появлению там абазин, определяемое как осетино-иранское) население бассейна Кубани и ее притоков; таким образом абазины унаследовали с уст своих абхазских соотечественников наименование, первоначально с ними никак не связанное. Правда, абхазцам известно и национально-абазинское самоназвание Тапанта, но в значении ослабленном и смутном. Желая отметить несообразность чьего-либо поведения, абхазцы спрашивают: *TIпантатIв уайIма?* «ты пришел из Тапанта?» (прибл. соответствует русскому «что ты, с неба упал что ли?»).

Взаимоотношения абазин и абхазцев. Оценивая в этой связи вообще степень интенсивности и частоты культурных взаимоотношений закавказских абхазцев и абазин, приходится отметить, не взирая на только что приведенное абхазское выражение, свидетельствующее о крайней неопределенности представления, связываемого абхазцами со словом Тапанта, что абхазцы в общем всегда лучше знали абазин, чем абазины абхазцев, и чаще бывали на Северном Кавказе. Объяснялось это в дореволюционное время тем, что многих абхазцев к абазинам влекла экономическая заинтересованность. Существовали целые группы абхазцев, систематически, из года в год посещавших абазинские аулы, знакомившихся с их жизнью и бытом попутно, при совершении своих торговых операций по закупке скота и кубанского хлеба.

Такая почти полная оторванность абазин от Абхазии служит достаточно хорошим объяснением тех особенностей абазинского языка, которые дают основание, как мы увидим ниже, противопоставлять абазинские наречия и говоры в качестве самостоятельного языка всей остальной массе абазинских наречий, с которыми они в отдаленном прошлом составляли единый в языковом отношении коллектив, взаимопонимание в пределах которого было гораздо легче достижимо, чем в настоящее время.

Историческое прошлое абазин. Восстановить в деталях историю абазинского народа за время, протекшее от его обособления от остальной массы абхазских племен до момента расселения по существующим в настоящее время аулам, нелегко. Весьма характерным признаком малоблагоприятных в прошлом условий существования абазинского народа, в частности по отношению к возможности развития своей самобытной культуры, служит, наряду с некоторыми другими моментами, и то, что абазины почти лишены сколько-нибудь оригинального фольклора, обнаруженные до настоящего момента образцы абазинского песнетворчества не превышают двух-трех, притом фрагментарно сохранившихся, номеров.

Скудость и противоречивость наших источников, где главное внимание уделено не абазинам, а экономически, политически и культурно господствовавшим над ними кабардинским феодалам, в сочетании

с чрезвычайной подвижностью кабардинского и абазинского населения (в связи с полукочевым-полуоседлым характером его хозяйственного быта), испытавшего к тому же все превратности судьбы, вроде частых насильственных массовых переселений, в зависимости от случайного оборота во взаимоотношениях вечно враждовавших между собой и с соседями владельцев, лишает нас возможности восстановить во всех подробностях судьбу отдельных частей абазинского народа, на которые он распадался до самого последнего времени. Между тем восстановление этой судьбы могло бы, вероятно, во многом разъяснить некоторые подробности диалектического дробления абазинского языка на говоры, наблюдаемые нами в настоящее время.

Отдельные части абазинского народа носили названия по именам своих владельцев: *Дарыкъва, Лау, Джьантаймыр, Быйбард, Къаче, Кълыч.*

Родовой состав абазинских селений. Однородным по родовому составу своему не является, конечно, в настоящее время ни один из существующих населенных пунктов. Интересные данные, позволяющие в известной мере судить о чрезвычайной пестроте состава и смешанности всех ветвей абазинского народа между собой и с иноплеменниками, собрал в 1883 г. Е. Д. Фелицини. Эти данные были в свое время опубликованы в «Сборнике сведений о Кавказе», изданном Кавказским статистическим комитетом в Тифлисе¹.

В указанном году племенной состав населения девяти из вышеперечисленных аулов (остальные возникли лишь в следующие за Великой Октябрьской социалистической революцией годы) представлялся в следующем виде: 1) Псыж (Дударуковский) — Тапанта-Даруко (1312 жит.); 2) Кубина (Лоовско-Кубанский) — Тапанта Басхяг (1000 жит.); 3) Красно-восточный (Кумско-Лоовский) — Тапанта Басхяг (1089 жит.), Тапанта Кяч (15 жит.), Тапанта Клыч (5 жит.), Бракий (4 жит.), представители разных черкесских племен (34 жит.), представители тюркских народов (30 жит.), 4) Инджик-Чкун (Лоовско-Зеленчукский) — Тапанта Лоу (540 жит.), Тапанта Бибсрд (7 жит.), Тапанта Даруко (10 жит.), Мыссылпара Башильбай (74 жит.), Бракий (12 жит.), Шегерай (11 жит.), Там (13 жит.), Кизилбек (10 жит.), представители разных черкесских племен (60 жит.); 5) Эльбурган (Бибсрдовский) — Тапанта Басхяг (735 жит.), Мыссылпара Башильбай (19 жит.), Кизилбек (11 жит.), представители разных черкесских племен (119 жит.); 6) Псавуча Даха (Клычевский) — Тапанта Клыч (86 жит.), Тапанта Лоу (97 жит.), Тапанта Джантемир (45 жит.), Тапанта Басхяг (37 жит.), Тапанта Бибсрд (9 жит.), Мыссылпара Башильбай (59 жит.), Кизилбек (6 жит.), кабардинцы (254 жит.), прочие черкесы (79 жит.), тюрки (6 жит.); 7) Абазакыт (Егибоковский) — Тапанта Кяч (30 жит.), Тапанта Басхяг (8 жит.), Мыссылпара Башильбай (45 жит.), Медозюй (7 жит.), Шегерай (5 жит.), представители различных черкесских пле-

¹ «Сборник сведений о Кавказе», т. IX. Тифлис, 1885, стр. 51—99.

мен (45 жит.), крымские татары (26 жит.); 8) Апсуа (Шахгиреевский) — Шегерай (530 жит.), Кизилбек (154 жит.), Бракий (44 жит.), Баг (11 жит.), кабардинцы (3 жит.); 9) Кувинский — Там (416 жит.), Кизильбек (231 жит.), Медозой (391 жит.), Бракий (7 жит.), Шегерай (79 жит.), Мыссылпара Башильбай (53 жит.), Тапанта Басхяг (17 жит.), Тапанта Клым (14 жит.). Приведенные данные требуют разъяснения в части племенных терминов: Тапанта Басхяг по недоразумению противопоставляются другим подразделениям Тапанта (для Эльбургана это по преимуществу Тапанта Биберд, для Кубины — Тапанта Лоу, для Красно-восточного — Тапанта Лоу); прочие названия (Мыссылпара Башильбай, Бракий, Там и т. д.) означают различные подразделения ныне более не существующих северокавказских абхазских племен.

Следует отметить, что данные Е. Д. Фелицина в известной мере имели значение для существующей группировки селений по говорам.

Большое количество абазин и северных абхазцев рассеялось по разным черкесским, ногайским и другим аулам. Тапанта были представлены мелкими группами, по сведениям Фелицина, в тогдашних селениях Блечесин, Кошехабль, Ходзь, Бжедуг Хабль, Уляб, Абата Хабль (Эрсакопский), Тхазартукай, Хатавжукай, Кассай Хабль, Хагундукай, Тохтамышевском, Балтинском, Баташевском, Тебердинском, Докшуковском, Мансуровском, Хумаринском, Маринском, Джегутинском, Карт Джюрте, Шабазовском, Урунском. Шкарава — в Уляб (где они составляли 775 жит. из общего числа 1648; остальные жит. в большинстве черкесы, главным образом бесленевского племени), Блечесин, Ходз, Пшиж Хабль, Унароко Хабль, Хакурино Хабль, Кош Хабль, Хатавжукай, Абата Хабль, Хагундукай, Апхошехуаж, Тхазартукай, Кассай Хабль, Кургокай, Джегутинском, Тебердинском, Маринском, Урунском, Тохтамышевском, Докшуковском.

Всего в Кубанской области абазин-тапанта насчитывалось 5872 чел., абазин-шкарава — 3878 чел. Населенные преимущественно тапантинцами и шкараванцами аулы дали за время с 1871 по 1884 г. весьма значительный процент выселенцев в Турцию (всего из девяти названных селений ушло за это время около 2 тысяч жит. из общего числа на всю Кубанскую область около 135 тысяч).

История существующих селений. Каждый из существующих абазинских аулов имеет свою историю, сохраняемую в устных источниках. Большинство из них существует на том месте, где мы их видим сейчас, со времени окончания так называемой Кавказской войны, т. е. все они не древнее 60-х годов прошлого столетия (за единственным исключением селений Псыж, Дударуковского, существующего на нынешнем месте, по преданию, с конца XVIII в., 1782 г.; все остальные хорошо помнят обстоятельства своего поселения на том месте, где они ныне существуют). Предание гласит, что Красно-восточный (Кумско-Лоовский) аул находится там, где он сейчас, с 1861 г., до этого он находился ниже по течению Кумы, в районе станицы Бекешевской; Кубина (Кубано-Лоовский) существует с 1862 г., до этого он был на

месте селения Джегутинского; Инджикчкун (Зеленчукско-Лоовский) существует с 1861 г., до этого был расположен на реке *Учыккыыл* (русск. назв. Учкурка, приток Кубани с правой стороны выше Джигуты); Эльбурган (Бибердовский) до 1865 г. был расположен на Кубани, в местности *Джъанатацъы*, где ныне селение Ново-Георгиевское, и т. д. Из зеленчукских селений Апсуа существует там, где оно находится сейчас, также с 1861 г.; до этого оно было в разных местах (на реке Ходзь и др.); Кувинское на нынешнем месте с 1867 г., до этого в течение трех лет — на Урупе (около станицы Передовой) и т. д.

Классификация языков и наречий «абаза». Как уже сказано выше, многовековая обособленность абазин от остальной части абхазцев служит главным основанием обособленному, самостоятельному положению абазинского языка *Тапанта бызива* или *Абаза бызива* среди других наречий абхазского языка. Классифицируя все разновидности абазинского языка (в первоначальном смысле термина «абаза», о котором сказано выше), как они существуют на территории СССР, мы можем представить группировку языков и наречий народов Абаза в следующей схеме:

I. Абазинский язык *Тапанта* распадается на говоры:

1) Дударуновско-Бибердовский (сюда же Клыч и, повидимому, Абазахабль);

2) Лоовско-Кубанский и Зеленчукский (сюда же Каранаго);

3) Кумско-Лоовский (сюда же Койдан);

сюда же относится, повидимому,

4) Егибоковский (смешанный тапанта-шкараванский) говор.

II. Абазинский язык *Шкарава* (зеленчукское наречие абазинского языка) представлен говорами расположенных на Большом Зеленчуке селений Апсуа, Кувинского и отчасти Абазакыт (говор Егибоковский. Шкарава стоит на грани между наречиями абхазского языка и языком абазинским Тапанта и служит, таким образом, связующим звеном между крайними представителями группы языков Абаза.

III. Абхазский язык распадается на два основных наречия:

1) Кодорское (или «южно-абхазское» наречие)¹, в его разновидностях — говорах Абжуйском и Самурзаканском (различаются незначительными особенностями произношения и главным образом по словарному запасу).

На этом наречии с конца прошлого века начал развиваться абхазский литературный язык, получивший благоприятные условия для своего существования лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Распространено в абхазских селениях к югу от нижнего течения реки Кодор, впадающей в Черное море;

2) Бзыбское (или «североабхазское» наречие) распространено в абхазских селениях к югу от нижнего течения реки Бзыб, также впадающей в Черное море.

¹ То же самое абжуйское наречие. (Ред.).

Примеры звуковых и морфологических соответствий. Предлагаемая схема обосновывается следующим рядом звуковых и морфологических соответствий. Приводим по одному примеру каждого соответствия:

1) абаз. дудар. *уычIвә* (шипящий аффрикат *чIв*), лоовск. *уычIвә* (свистящий аффрикат *чIв*), кумск. *уышIа*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *уытIва* «садись» (кувинск. *уытIа*);

2) абаз. дудар. (*а*)*чвә* (шипящий аффрикат *чв*), лоовск. (*а*)*чвә* (свистящий аффрикат *чв*), кумск. *атишә*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *атвә* «сено» (кувинск. *атә*);

3) абаз. дудар. *джены* (шипящий аффрикат *джв*), лоовск. *джены* (свистящий аффрикат *джв*), кумск. *джны*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *адны* «в поле, снаружи». (кувинск. *аднә*);

4) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дыган* (*дәган*); абх., кодорск. бзыбск., абаз. зеленч. *дыкган* «он был»;

5) абаз. дудар., лоовск., кумск. адзара; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *авара* «реберная часть»;

6) абаз. дудар., лоовск., кумск. (*а*)*цIа*; абх. кодорск., бзыбск. *апIа* (*авә*) (sic! *Ред.*), абаз. зеленч. (*а*)*фIа* «тонкий»;

7) абаз. дудар., лоовск., кумск. *цба*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *фба* «шесть»;

8) абаз. дудар., лоовск., кумск. *шыкIва*; абх., кодорск., бзыбск. *акъаква*, абаз. зеленч. *шыкIва* (палатализованное *ш*) «жеребец»;

9) абаз. дудар., лоовск., кумск. *шывьйтIра*¹; абх., кодорск., бзыбск. *дыкыйтIра*; абаз. зеленч. *шывьйтIра* «свобода»;

10) абаз. дудар., лоовск., кумск. *агIдйIра*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *адйIра* «приходить»;

11) абаз. дудар., лоовск., кумск. *хIыла*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *хIала* «наш глаз»;

12) абаз. дудар., лоовск., кумск. *йысымаб*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *йысымаупI* «я имею»;

13) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дцад*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *дцайтI* (кувинск. *дцә(ә)тI*) «он пошел»;

14) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дцыйд*; абх., кодорск. *дцуэйтI* (*дцуойтI*, *дцойтI*), бзыбск. *дцавдйтI* (*дцавдйтI* и т. д.), абаз. зеленч. *дцүйтI*, кувинск. *дцө(тI)*, *дцавдй(тI)* «он идет»;

15) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дгьыгам* (*дгьагам*); абх., кодорск., бзыбск. *дыкгам*, абаз. зеленч. *дгьыкгам* «его нет»;

16) абаз. дудар., лоовск., кумск. *дцата* (*дцәцта*) *йыбад*; абх. кодорск., бзыбск. *дцаны* *йыбайтI*, абаз., зеленч. (*дцәцта*) *дцаны* (*йыбай(тI)*) «он, пойдя, увидел»;

17) абаз. дудар., лоовск., кумск. (*а*)*хә*; абх., кодорск. *ахы*, бзыбск. *ахы* (фарингальное *х*), абаз. зеленч. (*а*)*хә* «голова»;

¹ Автор через *шы* передает заимствованный из кабардинского языка в абазинской речи лабиализованный спирант *ш* (*Ред.*).

18) абаз. дудар. *ажэ* (твердый или мягкий шипящий спирант *жэ*), лоовск. *ажэ* (свистящий спирант *жэ*), кумск. *аж*; абх., кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *ажэ* (твердый шипящий спирант *жэ*) «старый»;

19) абаз. дудар. *ажэ* (твердый или мягкий шипящий спирант *жэ*), лоовск. *ажэ* (мягкий шипящий спирант *жэ*), кумск. *аж*; абх. кодорск. *ажэ* (твердый шипящий спирант *жэ*), бзыбск., абаз. зеленч. *ажэ* (мягкий шипящий спирант *жэ*) «корова»;

20) абаз. дудар. *шварà* (твердый или мягкий шипящий спирант *шэ*), лоовск. *шварà* (свистящий спирант *шэ*), кумск. *шарà*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *шварà* (твердый шипящий спирант *шэ*) «бояться»;

21) абаз. дудар. *шварà* (твердый или мягкий шипящий спирант *шэ*), лоовск. *шварà* (мягкий шипящий спирант *шэ*), кумск. *шарà*; абх. кодорск. *шварà* (твердый шипящий спирант *шэ*), бзыбск., абаз. зеленч. *шварà* (мягкий шипящий спирант *шэ*) «вы»;

22) абаз. дудар., лоовск. *аджэы* (*заджэы*) (шипящий аффрикат *джэ*), кумск. *аджэ*; абх. кодорск. бзыбск., абаз. зеленч. *аджэы* (свистящий или шипящий аффрикат *джэ*) «один»;

23) абаз. дудар., лоовск. *ачэ* (шипящий аффрикат *чэ*), кумск. *ати*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *ачэ* (свистящий или шипящий аффрикат *чэ*) «бык»;

24) абаз. дудар., лоовск. *ачIвà* (шипящий аффрикат *чIвэ*), кумск. *ашIа*; абх. кодорск., бзыбск., абаз. зеленч. *ачIвà* (свистящий или шипящий аффрикат *чIвэ*) «яблоко»;

25) абаз. дудар., лоовск., кумск. *ацарà* (свистящий аффрикат *ц*); абх. кодорск. *ацарà* (свистящий аффрикат *ц*), бзыбск. *ацарà* (шипящий аффрикат *ц*), абаз. зеленч. *ацарà* (свистящий аффрикат *ц*) «идти»;

26) абаз. дудар., лоовск., кумск. *адзын* (свистящий аффрикат *дз*); абх. кодорск. *адзын* (свистящий аффрикат *дз*), бзыбск. *адзын* (шипящий аффрикат *дз*), абаз. зеленч. *адзын* (свистящий аффрикат *дз*) «зима (абх.), осень (абаз.)»;

27) абаз. дудар., лоовск., кумск. *ацIабырг* (свистящий аффрикат *цI*); абх. кодорск. *ацIабырг* (свистящий аффрикат *цI*), бзыбск. *ацIабырг* (шипящий аффрикат *цI*), абаз. зеленч. *ацIабырг* (свистящий аффрикат *цI*) «истинный»;

28) абаз. дудар., лоовск., кумск. *асыс* (свистящий спирант *с*); абх. кодорск. *асыс* (свистящий спирант *с*), бзыбск. *асыс* (шипящий спирант *с*), абаз. зеленч. *асыс* (свистящий спирант *с*) «ягненок»;

29) абаз. дудар., лоовск., кумск. *аз* (*агъаз*) (свистящий спирант *з*); абх. кодорск. *азы* (свистящий спирант *з*), бзыбск. *азы* (шипящий спирант *з*), абаз. зеленч. *азы* (свистящий спирант *з*) «дья».

Различия в словаре. Иллюстрированное вышеприведенными примерами соотношение абазинского и абхазского языков в их главных паречиях имеет в виду, как нетрудно заметить, преимущественно звуковые (фонетические) особенности этих языков и наречий, лишь в меньшей степени особенности грамматические (морфологические), к последним относятся в той или иной мере примеры 3, 12, 16, 29; словарные

(лексические) расхождения игнорированы совершенно. Между тем, с точки зрения практических интересов взаимопонимания, наиболее важными по своим последствиям оказываются (как показывает опыт абазино-абхазских взаимоотношений) различия в словаре, понимая под ними не только и не столько разницу в словоупотреблении абсолютную (т. е. использование совсем различных слов, как, например, абаз. *арый зачлвййа?* «это что такое?» = абх. *арый закIвй(за)й?*), сколько относительную (т. е. употребление одинаковых слов в разных, иногда весьма тонко различающихся смысловых оттенках, как, например, абаз. *ачанара* «делать (всякую, преимущественно физическую, работу)» = абх. *ачанара* «мастерить, специально формовать, подковывать»; абаз. *аурд* «вызывать благоприятное действие, соглашаться» = абх. *аурд* «делать (вообще)» и т. п.). Однако, при всей чисто практической важности словарных различий, служить целям отчетливой научной классификации они не могут по той причине, что словарные особенности отличаются своей единичностью и в области словаря более чем в какой-либо другой заметна непрерывная постепенность перехода от тождества до прямой противоположности значения отдельных языковых фактов.

Различия в грамматике. Различия морфологического порядка отличаются несколько большим единообразием и потому легче поддаются систематизации. Тем не менее было бы ошибочно думать, что здесь не имеет также места несоответствие границ распространения одной грамматической особенности с границами какой-либо другой аналогичной особенности. Иначе говоря, наречия могут быть противопоставляемы друг другу не в отдельных чертах, а как совокупность известных черт, в разных пропорциях представленных в разных наречиях. В дальнейшем изложении мы увидим примеры весьма сложных грамматических взаимоотношений наречий: здесь можно привести для примера указанную выше форму глагола изъявительного наклонения законченного прошедшего времени, представляющую в абхазском два типа образования: 1) тип краткий, имеющий окончанием *-mI*, и 2) тип распространенный, имеющий окончанием *-йmI*; ср. примеры типа абаз. *дгIай(x)θ* = абх. *дайmI* (т. е. *дай + mI*) «он пришел» (здесь основа *аай*) сравнительно с примерами типа абаз. *дца(x)θ* = абх. *дцайmI* (т. е. *дца + йmI*) «он ушел» (здесь основа *ца*).

Первый тип образования данной глагольной формы — общий для всех абазинских говоров наречия Тапанта и совпадает в абазинском со вторым: в абхазском и абазинском Шкарава мы имеем обе формы, точное распределение которых по наречиям не легко осуществить. Преимущественно в бзыбском наречии существуют такие формы на *-mI*, как *далагmI* «он начал», *далгmI* «он кончил» и т. п.; однако и в других наречиях, не исключая литературного абхазского языка, встречаем эти краткие формы для прошедшего законченного, и потому попытка классификации абхазских наречий по этому признаку не может быть вполне отчетливой.

В этом же смысле весьма характерен суффиксальный элемент *x*, поставленный в приведенных примерах в скобки и наличный во всех наречиях (и абазинских и абхазских); установить точные границы распространения этих форм с полным сохранением их основного значения — значения вида повторительного — чрезвычайно трудно на материале абазинском, тогда как в абхазском соответствующие формы (в данном случае *дайхтI* или *дайхйтI* и *дцəх(ый)тI*) не вызывают никаких затруднений в этом отношении (для названных примеров значение соответственно: «он снова, вторично пришел» или «он снова, вторично ушел»).

Различия в фонетике. Таким образом, остаются различия фонетические, как отличающиеся наибольшей общностью и регулярностью, вследствие чего они по преимуществу и служат для целей классификации.

Не следует думать, что устанавливаемые на этой основе группировки только указываемыми здесь фонетическими признаками и отличаются друг от друга. Различия фонетические свидетельствуют прежде всего о различиях условий существования группы и ее языковой традиции вообще, со всеми вытекающими отсюда последствиями и для остальных элементов языка — грамматической структуры и словаря, и тем самым дают наиболее легкую возможность несколько ориентироваться в сложной картине, представляемой всей массой диалектических единиц в ее целом.

Общая характеристика взаимоотношений языков «абаза». Вышеприведенные примеры сводятся в основном к следующим общим формулам:

1) Абазинский язык (наречие Тапанта) утратил различие характерных губо-зубных вибрантов *де, те, тIе*, заменив их лабиализованными зубными аффрикатами типа *дже, че, чeI* (примеры 1, 2, 3).

2) Абазинский язык заменяет в корневых словах абхазские смычно-гортанные *кь* и *е* — посредством *э* и *дэ* (примеры 4, 5).

3) Абазинский язык сохраняет в словах кабардино-черкесского происхождения звуки *шь* и *шьв*, заменяемые в абхазском посредством *кь* и *кв* (примеры 8, 9).

4) Абазинский язык сохраняет гортанный звук *гI*, тогда как абхазский его утратил; абазинский язык сохраняет также гортанный звук *хI* в сочетаниях с обоими гласными *ы* и *а* (примеры 10, 11), тогда как абхазский избегает сочетания *хI+ы*.

5) Абазинский язык заменяет в глагольных формах изъявительного наклонения абхазские смычногортанные *пI* и *тI* посредством *б* и *д* (примеры 12, 13, 14).

6) Абазинский язык имеет отличную от абхазского форму изъявительно-отрицательного наклонения (пример 15).

7) Абазинский язык утратил способ образования отглагольных форм наречного (модального) значения (депричастий) посредством форманта *ны*, заменив его по аналогии отыменных наречий другим формантом — *цта* (пример 16).

8) Абазинский язык сохраняет различие двух мягконёбных (велярных) звуков, утраченное литературным наречием абхазского языка (пример 17).

9) Абазинский язык сохраняет (в части говоров) различие двух видов лабиализованных альвеолярных спирантов (типа *жв, шв*), утраченное литературным наречием абхазского языка (примеры 18, 19, 20, 21).

10) Абазинский язык заменяет преобладающий в абхазских наречиях тип свистящих лабиализованных зубных аффрикат соответствующими шипящими (примеры 22, 23, 24).

11) Абазинский язык, так же как и большинство абхазских наречий, не знает различия зубных спирантов и аффрикат свистящих и шипящих (известных кабардино-черкесским языкам по противоположению *с ~ ш*, *з ~ жь*), имеющегося в бзыбском наречии абхазского языка (примеры 25, 26, 27, 28, 29).

12) Абазинский язык имеет существенно отличную от абхазской систему образования основных глагольных форм изъявительного наклонения.

Дальнейшие задачи развития абазинского литературного языка. Не останавливаясь далее на других многочисленных подробностях взаимоотношений языков и наречий Абаза (необходимо тут же заметить, что и внутри установленных выше группировок наблюдается дробление на более мелкие единицы; так, например, Дударуковский подговор отстает кое в чем от Бибердовского и Клычевского, Кувинский от Апсуа и Абазакыта и др.), так как приведенного достаточно для подтверждения предложенной классификации, и, отсылая в отношении некоторых дальнейших частных к следующим главам, нам следует сделать в заключение несколько практических выводов из установленных выше фактов.

В основу абазинского алфавита и письменности, существующей с 1933 г., положены звуковые нормы, характеризующие лишь один говор абазинского языка Тапанта, выше названный нами Дударуко-Бибердовским. Это обстоятельство ни в какой мере не должно и не может влиять на дальнейшее развитие абазинского литературного языка и школьного строительства. Принятый алфавит предопределяет лишь одну сторону дела — звуковую, так как выраженными на письме особыми начертаниями оказываются лишь те различия, которые известны в этом говоре абазинского языка; между тем практическая значимость звуковых различий, при условии их типичности (а этому условию фонетические взаимоотношения абазинских наречий и говоров отвечают вполне), обратно пропорциональна их теоретической важности для целей систематизации и классификации. Единжды четко осознанные и усвоенные, нормы фонетических взаимоотношений наречий и говоров устраняют фактически, по повседневному опыту общения и путем сознательно автоматизированных подстановок недостающих звуков, всякие сколько-нибудь существенные затруднения во взаимопонимании. Несколько более сложными, в силу их меньшей определенности, оказываются расхождения формально грамматического порядка. В задачу правильно осуществле-

мого преподавания школьной грамматики родного языка входит в качестве ответственного раздела систематический учет важнейших особенностей этого рода в различных говорах и наречиях абазинского языка. Следует признать, что некоторые компромиссные начертания, практикуемые в настоящее время, как, например, замена ташантинских звонких *б* и *д* шкараванскими смычногортанными *пI* и *тI* в окончаниях глагольных форм (ср. приведенные выше примеры 12, 13, 14), будучи безвредными и в качестве таковых не вызывая возражений, не являются вместе с тем и сколько-нибудь существенным шагом в деле сближения соответствующих грамматических форм, каковое сближение достижимо, естественно, лишь постепенно на основе авторитетной и развитой литературной практики.

Наибольшие затруднения, согласно вышесказанному, представляют в данное время различия идиоматики и словаря. В рамках школьного обучения сколько-нибудь законченное усвоение этих различий не может быть достигнуто без ущерба для основной цели обучения родному языку, по крайней мере сейчас, когда отсутствует необходимая предпосылка такого обучения — подробный диалектологический словарь абазинского языка. Составление такого словаря и является первой и насущнейшей задачей научного изучения абазинского языка на ближайшие годы. Неотложным представляется сейчас лишь составление в самом ближайшем будущем небольшого параллельного ташантино-шкараванского словарика, который включал бы все важнейшие лексические расхождения этих двух диалектов и тем облегчил повседневную работу педагогов, переводчиков и авторов.

Глава II

ЗВУКИ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Звуки речи и звуки языка (фонемы). Всякий язык представляет собою нечто неизмеримо большее, чем то, что в нем можно только услышать; он представляет собою гармоническую систему слышимого (а следовательно, и произносимого) и понимаемого (соответственно и выражаемого). Звуки и их сочетания неотделимы от смысла, с ними связываемого, и потому правильный анализ и оценка звуков речи невозможны без полного понимания того, что она собою выражает.

Установить, сколькими и какими именно самостоятельными звуковыми единицами речи (т. е. влияющими на изменение значения типами звуков, называемыми обычно в лингвистической литературе фонемами) обладает абазинский язык (принимая этот термин здесь, и по мере надобности в дальнейшем изложении, в широком смысле, как собственно наречия абазинского языка Тапанта, так и ближайшего к нему зеленчукского наречия Шкарава), возможно только путем сопоставления отдельных сходных слов и форм слов, с постоянным учетом тех изменений значения (реального или формального), которые сопутствуют малейшему изменению произношения. Это необходимо иметь в виду в особенности и потому, что сами говорящие на абазинском языке (как, разумеется, и говорящие на любом другом языке) могут случайно, по тем или иным причинам, обратить внимание на мелочи и различать несущественные (не влияющие на изменение смысла речи, а потому «лишенные фонематического значения») оттенки произношения тех или иных звуков своего языка.

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВОЙ (ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ) СИСТЕМЫ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА

Ограниченное количество гласных звуков. Для того чтобы рассматривать звуковой состав абазинского языка под углом зрения возможного недоразличения значимых в языке звуков-фонем, охарактеризуем предварительно основные особенности звуковой системы

абазинского языка в отличие от большинства других языков. Первой особенностью абазинской системы звуков, заслуживающей того, чтобы ее отметить, служит исключительная ограниченность количества гласных звуковых оттенков, используемых для целей реально и формально смыслового различения звукосочетаний. Противоположение такого рода, как, например, *сыжвий* ~ *сыжвй* «год», *аудса* «так» ~ *аудс* «дело», *агас* «гость» ~ *асис* «ягнёнок», *ракI* «орех» ~ *рыкI* «войско», *анайра* «(при)ходить туда» ~ *анбайра* «случаться»; *асд* «било» (ткацкое) ~ *аси* «ткань», является, по существу, единственным возможным типом противоположения. В силу особенностей способов слогообразования в абазинском языке, о котором см. далее, этот же тип представлен замаскированно и в таких примерах, как: *алагара* «начинать» ~ *агара* «кончать», *амза* «свеча» ~ *амз* «месяц», *абза* «живой» ~ *абз* «язык», *апий* «ветер» ~ *апи* «подобный тому», *адзарà* «воровать» ~ *адзrà* «теряться», *азьrà* «стынуть» ~ *азьrà* «рожать» и т. п.

Таким образом, абазинский язык обладает всего-навсего двумя, а если учесть некоторые особенности гласного *ы*, позволяющие считать его факультативным гласным субститутотом сонантической (слоγοобразующей) разновидности согласных, то быть может и одной гласной фонемой. В практике абазинской письменности, под влиянием плохо дифференцированного произносительно-акустического эффекта, производимого известными звукосочетаниями, применяются, правда, начертания *э(е)* и *о, и и у*, служащие, как известно, для изображения гласных звуков. Но как эта практика, так и факт действительного существования в речи подобных звуков не могут повлиять на наше суждение о количестве самостоятельных гласных фонем абазинской языковой системы.

Дело в том, что оба ряда примеров, в которых мы встречаем гласные иные, чем признанные нами за фонемы *а* и *ы*, относятся к категории различений, неспособных, иначе как случайно, создавать различия смысловые, и потому должны быть признаны не самостоятельными, а вторичными звукообразованиями, лишенными фонематического значения. Если мы имеем в русском языке: «лань» (животное), «лунь» (рыба), «лунь» (птица), или «бал» — «бил» — «бел», или, наконец, «мал» — «мосл» — «мел» — «мил» — «мул» — «мыл», то фонематическая роль такого рода противопоставлений гласных оттенков очевидна. Однако чего-либо подобного этим русским примерам абазинский язык не знает. Очевидно, что по мере обогащения абазинского языка терминами различного (интернационального или русского) происхождения, произносимыми с соблюдением подобных гласных оттенков, наступит момент, когда абазинский язык обогатится дополнительными гласными фонемами, в коренных абазинских словах не выражаемыми. По наблюдениям, производившимся нами над словарем заимствуемых терминов, такой момент пока еще в полной мере не наступил, и потому нам приходится оценивать те предположительно допустимые единичные случаи, когда возможна фонематическая роль каких-либо гласных, кроме *а* и *ы*, как

пограничные случаи между новой фонемой и комбинаторным вариантом одной из двух существующих гласных. Многочисленные факты словаря свидетельствуют о том сопротивлении, которое оказывалось до недавнего времени абазинской языковой системой всяким новообразованиям в этом направлении (ср. такие примеры, как *асталба* из русск. «столб»; *ткван* «лавка» из тур. *дукан*; *дыундй* «мир, вселенная» из тур. *дунья* и т. п.).

Значительное количество согласных звуков. Второй особенностью, несомненно стоящей в связи с первой, оказывается чрезвычайное количественное богатство фонематических различий согласных. Легко видеть, как ограниченность выразительных средств языка в области гласных естественно толкала развитие его в сторону создания иных, заменяющих и уравнивающих этот недостаток средств, представляемых богатейшей системой согласных.

Мы видим поэтому, что по сравнению с русским и другими сходными с ним языками абазинский язык обладает склонностью к расширению типичных мест артикуляции (произношения) согласных, с одной стороны, вглубь полости рта, широкое использование для звукообразования как мягкого нёба, так и гортани (сюда относится до 16 фонем, а именно, такие звуки, как *кэ, кьэ, кьэв, хэ, хьэв, х, хь, хэ, гь, гьэ, г, хI, хIэ, гI, гIэ*).

Мы имеем, с другой стороны, ряд различий типов шипящих спирантов и аффрикат, прежде всего мягкой и твердой разновидностей, локализуемых в области переднего твердого нёба шипящих спирантов во всех говорах и диалектах (сюда относится противопоставление *и* — *иш, жь* — *жш*), затем свистящих и шипящих лабиализованных спирантов той же примерно локализации (в ряде говоров и диалектов противопоставление двух видов *жэ* и *шэ*), наконец, свистящих и шипящих лабиализованных аффрикатов (в некоторых говорах различие двух *чIэ*, двух *джэ* и двух *чэ*).

Даже сам по себе, независимо от диалектических детальных различий, ряд лабиализованных спирантов и аффрикат (*жэ, шэ, джэ, чIэ, чэ*) является весьма редким типом фонеморазличения и может считаться весьма характерной и своеобразной особенностью абазинского языка, имеющей на Кавказе аналогии только в абхазском, черкесском, убыхском и, отчасти, табасаранском языках.

В некоторой связи с различием двух типов лабиализованных спирантов стоит еще одна интересная деталь звуковой системы абазинского языка — различие (вероятно вторичного происхождения) двух заметно противопоставленных типов лабиализации — нормальной, округло-выступающей, и редкой, продолговато-оттянутой (см. ниже). В говорах, не различающих двух названных видов спирантов, хотя и менее отчетливо, но все же наблюдаются два типа лабиализации (лабиализационный тип спирантов и передненебных аффрикат отличается от соответствующего типа смычных и спирантов более глубокой локализацией).

Той же цели обогащения консонантического (т. е. касающегося согласных) состава языка призвана служить гортань не только сама по себе, как основное место артикуляции, но и в роли орудия создания дополнительных условий звукообразования. Наряду с имеющимися повсеместно рядами глухих (образующихся при помощи свободно открытой голосовой щели) и звонких (характеризуемых участием в образовании звука голосовых связок) абазинский знает, по примеру огромного большинства яфетических языков Кавказа¹, ряд так называемых смычногортанных, акустически и артикуляционно занимающих промежуточное положение между глухими и звонкими (сюда относятся целый ряд звуков: *цI, фI, чI, кI, кIь, кIе, гI, пI, кэ, кэь, кэв, тI, чIв, шI*).

Абазинский диалект шкарава использует в ряду своих фонем еще один тип звукообразования, совершенно исключительный не только с точки зрения таких языков, как русский, но и в кругу фонетически богатых языков Кавказа. Это зубо-губные аффрикаты *де, тIе, те*. Крайнее своеобразие этого типа звуков повлекло за собою их утрату всеми абазинскими говорами наречия Ташанта.

Мы сталкиваемся, далее, с редким примером исключительно последовательно проведенной через длинный ряд более глубоких по месту своей артикуляции звукообразований системой смыслового противопоставления трех видов звуков: простого, палатализованного (смягченного) и лабиализованного (огубленного); сюда относятся: *г, гь, гв; кI, кIь, кIв; к, кь, ке; кэ, кэь, кэв; гь, гьь, гьв; х, хь, хе; хь (хьь, гIь, хIь* отсутствуют, см. об этом ниже), *хэ; гI, гIв; хI, хIв*. Помимо своей последовательности, эта особенность абазинского языка заслуживает внимания еще и потому, что данное явление палатализации, сущность которого сводится к осложнению основной артикуляции поднятием передней части спинки языка по направлению к твердому нёбу с прижиманием краев языка к коренным зубам, при пассивном положении кончика языка, в качестве дополнительного момента, осложняющему основную артикуляцию весьма отчетливым в акустическом отношении образом, распространяясь на глубокие, локализованные у мягкого нёба типы звукообразования, представляет собою большую редкость и трудность для иноязычно воспитанных лиц. Трудность заключается главным образом в том, что при необходимости, в интересах основной артикуляции, оттягивать язык назад нелегко сохранить в передней части языка достаточную для создания четкого, различительного акустического эффекта интенсивность палатализационного положения. Это оказывается достижимым, тем не менее, в отношении звуков *кэь, хь, гьь*. Отсутствие *хэь* вызвано, возможно, случайностью. Что же касается типов *гI* и *хI*, то артикуляционно акустическое различие вариантов палатализованного и непалатализованного имеет здесь

¹ Для иберийско-кавказских языков у автора наряду с термином «яфетические языки Кавказа» встречается также «кавказские языки». (Ред.).

место вне границ фонеморазличения, а не внутри какого-либо одного говора, а именно — абазинским непалатализованным *gIe* и *xIe* противостоят заметно палатализованные абхазские *gIe* и *xIe*.

К числу особенностей абазинской звуковой системы следует отнести также частоту появления, в большинстве случаев в сочетании отдельных морфем (т. е. самостоятельно значимых частей слов) — долгих, «геминированных» согласных. Из числа этих согласных некоторые имеют самостоятельную фонематическую значимость (сюда относятся главным образом свистящие и шипящие спиранты и аффрикаты, а именно: *сс*, *шш*, *щщ*, *швш*, *хх*, *гггг*, *ххх*, *ггггг*, *ххх*, *ггггг*, *тштш*, *джджж*, *чIчIe* и др.). Сущность этой долготы сводится у длительных к примерно двойной, сравнительно с нормальной, продолжительности звука, у мгновенных (и аффрикат) — к соответствующей длительности затвора.

Факультативно при мгновенных и аффрикатах наблюдается явление настоящей геминации, когда полное образование звука (со взрывом) производится дважды (ср. *джджжэрта* ~ *джв(ы)джжэрта* «прачечная», *ачыкIвкIвэра* ~ *ачыкIв(ы)кIвэра* «выдергивать» и т. п.).

Кабардинское влияние на абазинскую фонетику. Сложная сама по себе звуковая система абазинского языка оказалась осложненной еще более в результате сильного языкового влияния, испытанного абазинами со стороны кабардинцев и бесленеевцев. В результате этого влияния получилось, во-первых, заметное увеличение количества латеральных звуков — фонем абазинского языка — с одного до четырех (*л*, *ль*, *тл*, *лI*, из них последний — относительно редкий звук и в кабардинском), во-вторых, осложнение числа спирантов среднеязычными *шь* и *шьв* (артикуляционно представленных в различных наречиях в двух разновидностях — пассивно палатальной и активно палатализованной, ср. типы немецкого *sch* и *ich Laut'ov*), в-третьих, введение в число фонем смычногортанного *фI* (редкий звук, в зеленчукском наречии существовавший, повидимому, независимо от кабардинского влияния) и, наконец, частое факультативное пользование простым и смычно-гортанным свистяще-шипящим альвеолярными спирантами (кабардинские *ц* и *жь*, из них последний нередко заменяет в произношении «кабардинизированных» абазин абазинскую фонему того же начертания).

АБАЗИНСКИЙ АЛФАВИТ

Абазинский алфавит в том виде, как он применяется с середины 1938 г., после реформы созданного в 1933 г. первого абазинского алфавита на латинской основе, содержит 32 буквы русского алфавита и один дополнительный знак I, а именно: *Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъъ, Ыы, Ьы, Ээ, Юю, Яя, I*.

Фонетическое значение этих букв, как увидим далее, практически почти совпадает со значением их в русском алфавите, за исключением, быть может, *у*, *х*, *ц*, *ъ*, имеющих значение: *у* — губо-губного сонор-

ного согласного, *x* — задне-небного хрипящего глухого спиранта, *ц* — передне-небного мягкого глухого спиранта и *ъ* — гортанного взрывного. Буквы *е, и, о, э, ю* и *я* ограничены в употреблении словами, усвоенными абазинской письменностью из других языков. Наблюдаемое в учебной литературе применение этих букв в коренных абазинских словах отражает недостаточно отчетливое или прямо ошибочное понимание фонетической системы языка. Так как 33 знаков недостаточно для передачи всех самостоятельных (фонемичных) звуков абазинского языка, использование знаков производится по двум принципам: 1) принципу однобуквенности, 2) принципу сочетания двух (трех) букв для выражения специфических звуков абазинского языка. В сочетании с дополнительным знаком *I* употребляется 10 букв: *п, т, к, ц, ч, ш, ф, л, г* и *х* для выражения смычногортанных звуков — *пI, тI, кI, цI, чI, шI, фI, лI* и эпиглоттальных *гI* и *хI*.

В сочетании с не имеющим самостоятельного значения мягким знаком *ь* употребляется 5 букв: *л, ж, х, г, к* для выражения палатализованных звуков *лъ, жь, хь, гь, къ*, а также 3 парных сочетания букв: *кI, гь, къ* для выражения палатализованных звуков *кIь, гьь* и *къь*.

В сочетании с имеющим самостоятельное значение твердым знаком (*э*) употребляются 3 буквы: *г, к, х* для выражения задне-небных звуков *гэ, кэ* и *хэ*.

В сочетании с имеющей самостоятельное значение губного звонкого спиранта буквой «в» употребляется 6 букв: *ж, ш, х, г, к, ч* для выражения лабиализованных звуков *жв, шв, хв, гв, кв* и *чв*, а также 8 парных сочетаний букв: *гэ, къ, хэ, гI, хI, кI, чI* и *дж* для выражения лабиализованных звуков *гэв, къв, хэв, гIв, хIв, кIв, чIв* и *джв*.

Парные сочетания: *дж, дэ, тш, тл* выражают единые абазинские звуки — самостоятельные фонемы: первые три — аффрикаты и последний — глухой латеральный спирант.

В дополнение к принятым в учебной литературе по абазинскому языку буквосочетаниям, в тексте настоящего очерка применяются следующие: *шь* — в значении средне-небного глухого спиранта (выражается в учебной литературе сочетанием *х* с последующим гласным *я*), *шьв* — в значении лабиализованной разновидности *шь* (в учебной литературе не отличается от соответствующего задне-небного, выраженного *хв*) и *джь* — в значении передне-небного звонкого мягкого аффриката (выражается в учебной литературе так же, как и соответствующий твердый аффрикат, сочетанием *дж*).

Гласные фонемы абазинского языка

Отличие гласных от согласных. Гласными звуками называются вообще такие звуки, главное отличие которых от согласных состоит в относительной открытости полости рта при произнесении этих звуков; никакой иной принципиальной разницы сравнительно с согласными в них, по существу, не имеется. Благодаря отсутствию каких-либо препятствий, стесняющих идущую из легких струю воздуха, глас-

ные имеют чистый тон (отсутствующий в согласных вследствие того шума, который образуют преграды, созданные во рту для произнесения согласных). На гласных лежит основная роль в образовании того комплекса звуков, который называется слогом; при всяком сочетании гласного с согласным максимум звучности приходится, естественно, на гласный. Однако в абазинском языке, как увидим далее, в силу особого характера гласного *ы* наблюдаются случаи перемещения максимума звучности (а также и главной силы выдоха) с гласного на сочетющийся с ним согласный, и в этом случае гласный уступает свою слогаобразующую роль согласному, устранившись или совершенно (при длительных сонорных, спирантах и аффрикатах) или сокращаясь до едва заметной на слух короткости и неотчетливости (при мгновенных согласных). Основных, имеющих полное фонематическое значение гласных в абазинском языке, как указано было выше, имеется всего два — *а* и *ы*, оба кратких.

Гласный а. Гласный *а* произносится в наиболее открытом из встречающихся положений рта (в абазинском произношении). От русского звука «а» он отличается нормально несколько более передним положением языка и более отчетливо выраженной краткостью. С этой точки зрения интересно отметить, что в словах, заимствованных из кабардинского языка, содержащих краткое *э* (произносимое очень открыто, почти как *ä*), абазины не видят разницы со своим *а* и передают его этим звуком (например: *хIäблэ* «квартал, аул», *уарäд* «песня», *тIäпэд* «чулок», *тIäпкга* «корень», *шIыуна* «погреб» и т. п.). Ударение не оказывает, в силу принципиальной краткости фонемы *а*, заметного влияния на качество этого гласного, так что он звучит совершенно одинаково и под ударением и при отсутствии такового.

Тем не менее имеются, повидимому, следы существовавшего некогда влияния ударения, в смысле сильного сокращения неударного *а*, которое повлекло за собою в ряде случаев полное исчезновение его. Сюда можно отнести такие случаи, как чередование: *агIäгга* «приносить», *анäгга* «относить» из **агIäггара*, **анäггара* (ср. *агарä* «нести»); *агыIра* «вставать» из **агыIрара* (ср. *дгыIлаб* «стоит»), *ййхIед* «он сказал ему» = *ййхIяд*; *ахIыста* «нож» = *äхIваспа*; *ашевыр* «плод» из *ашевыра* (ср. *ашврä* «зреть»); *хIампIладжь* «ступка» из *хIампIладжь* (ср. *хIампIал* «род кушанья»); *мыара* ~ *мыра* формант деепричастия (= в то время, как); *йäкI-ваб* — *йäкIеб* «имеется»; ср. еще *напсаргвыцIа* — *напсыргвыцIа* «ладонь».

Иногда чередование вызвано очевидно причинами другого порядка, как, например, в случаях типа *дыган* ~ *дäган* «он был», *ауыга* ~ *ауäга* «там» (где гласный под ударением, ср. абх. *уакэа* «там», *дыкзан* «был»). Изменение здесь вызвано соседством согласного *г*, оказывающего в данном случае ту же деформирующую произношение гласного роль, что и *хI* (ср. ниже). Неясно соотношение гласных в таких примерах, как *ашевыр* «зверь» при *шварäцра* «ходить на охоту», *шварäх* «зверь», спец. «тур» и др. Примеры на *а*: *сарä* «я», *уарä* «ты», *дарä* «они», *алäга* «глупый», *äмза* «свеча, лампа», *агIäгга* «приносить», *ауäга* «там», *ачей*

«кожа, сено», *шварà* «вы», *шларà* «мы». Мы видим, таким образом, что *a* может встречаться как в начале, так и в середине и в конце слова, независимо от места ударения.

Комбинаторные изменения гласного *a*. Весьма существенным комбинаторным, т. е. возникающим при звукосочетании, изменением этого гласного служит постоянный переход его в *y* под влиянием следующих за ним согласных звуков *й* и *у*, когда *a* оказывается в морфологических или синтаксических сочетаниях в составе одного с ними слога.

Наиболее типичными примерами «морфологических» сочетаний этого рода могут служить следующие:

1) Сочетание глагольной основы, оканчивающейся на *a*, с окончанием настоящего времени изъявительного наклонения: *дцыйт* «идет» (от основы *ца* «идти»); *йызбыйд* «я вижу» (от основы *ба* «видеть»); *сычыйд* «я засыпаю» (от основы *чва* «спать»); *сцалыйд* «я постоянно хожу» (от основы *цала* «постоянно ходить»); *дыбзыйхийд* «он становится хорошим» (основа *бзыйха* «становиться хорошим») и т. п.

2) Сочетание глагольной основы на *a* с окончаниями: прошедшего недавнего (незаконченного), будущего неопределенного изъявительного наклонения, соответствующих этим временам форм других наклонений; настоящего времени отрицательно-изъявительного, вопросительного и вопросительно-отрицательного наклонений: *дцун* «он шел», *дцунид* «он пойдет», *дыгьцунызд* «он не шел, не ходил», *дыгьцунушым* «он не пойдет», *дцунзма* «шел ли он?», *дцунима* «пойдет ли он?» и т. д., далее, *дыгьцунум* «он не идет», *дцунума* «идет ли он?», *дыгьмцунума* «не идет ли он?» и т. д.

3) Сочетание именной или глагольной основы на *a* с окончанием отглагольных имен (причастий) настоящего времени: *йызмду* «имеющий» (основа *ма* «иметь»); *шыздзгачIвну* (*адзы*) «река, на берегу которой мы живем» (основа *дзгачIва* «сидеть рядом»); *йыгылыу* «стоящий» (основа *гыла* «стоять»); *йытыу* «находящийся внутри» (основа *та* «находиться внутри») и т. п.

4) Сочетание глагольных форм всех времен и наклонений, образуемых от глаголов сложно-составных (т. е. имеющих модифицирующие основное значение корня или формы глагола префиксы) с местоименными показателями имени действующего лица 2-го и 3-го лица ед. числа муж. рода, например, *йышпйчпыуш* «как ты сделаешь?», *йышпйчпыуш* «как он сделает?» (основа *шпа+чпа* «как+делать»), ср. *йышпачпыуш* «как я сделаю?»; *йалыумцIан* «не вкладывай» (основа *ла+цIа* «вкладывать»).

Передко, однако, в формах последнего рода наблюдается сохранение *a*, вызванное, как приходится думать, интересами сохранения требуемого формой смысла, меняющегося при изменении гласного.

Мы имеем здесь, таким образом, пример исключения из действия определенного фонетического закона по мотивам семасиологического (смыслового) порядка. Ср. *тшыйзыйнайрхад* «он обратился к нему» (вместо ожидавшегося **тшыйзыйнайрхад*, что значило бы «он заставил себя

поработать в его пользу»; основа *тшы + на + рха* «обращаться в ту сторону»); *йыцIауIхIвййд* «он запрягает» (вместо ожидавшегося **йыцIыцIхIвййд*, что значило бы примерно: «он вытащил что-то из-под чего-то»; основа *цIа + хIва* «запрягать») и т. п.

Наиболее типичными примерами «синтаксических» сочетаний этого рода могут служить:

1) Сочетание имени с последующим союзом *и*: *уарйй сарйй* «ты и я» (основы *уарй + й*, *сарй + й*); *уасйй джмйй* «овца и коза» (основы *уасй + й*, *джмй + й*); *анхачвйй ауйт ртгIачваквйй* «крестьяне и их семьи» (основы *анхачва + й*, *ртгIачвакwa + й*) и т. п.

2) Сочетание имени определяющего муж. рода с именем определяемым, образующее нормально атрибутивное словосочетание — синтагму: *кйныйуарад* «песня о Кына» (муж. собств. имя) (основа *кына + й*); *кйныйхIа* «дочь Кына»; *мусыйхгыла* «шапка Мусы» (муж. собств. имя) (основа *муса + й*); ср. далее *йарыйхгъхъаз* «он о себе самом» (основа *йара + й*); далее *хъа + ахъаз* и т. п.

3) Сочетание (стоящее на грани между сочетаниями морфологическими и синтаксическими) имени с различными глагольными суффиксами, как, например: *бригъдййпхъадза* «каждая бригада» (основа *бригада + йпхъадза*); *ажвййпхъадза* «каждое слово» (основа *ажва + йпхъадза*); *ауыйжътара* «после этого» (вероятно из **ауа + йыжътара*, ср. аналогичное образование от глагольной основы *ца* — *сцййжътара* «с тех пор, как я пошел») и т. п.

Обусловленность перехода гласного *а* в гласный *ы* только положением перед звуками *и* и *у* одного с ним слога доказывается сопоставлением с некоторыми из вышеприведенных других, почти синонимических (однозначных) форм, как, например, *дцауан* «он шел» (ср. выше *дцун*); *дыгъцауамызд* «он не шел» (ср. выше *дыгъццйымызд*); *йызбайа* «что он увидел?»¹ (ср. выше *йызбйид*); далее, такие примеры, как *гвалыхра йймаб* «он разбирается, понимает» (ср. выше *бригъдййпхъадза*); *анылауыла* «там и сям» (ср. выше *йымйу*) и т. п.

Дифтонги *ей* и *оу*. Совершенно другая судьба постигает звук *а* в таких сочетаниях в пределах одного слога, с согласными *и* и *у*, которые восходят к эпохе формирования наличного в абазинском языке корнеслова, т. е. того запаса слов-корней, который является в значительной мере общим для абазинского и абхазского языков, а также в тех сочетаниях морфологического порядка, о которых сказано, как об исключении из правила, выше, в пункте четвертом. К категории старых абазино-абхазских слов-корней относятся, например: *цIаула* «глубокий» (абх. *ацIауыла*), *квайчIва* «черный» (абх. *айквачIва*²), *майрйа* «простой» (абх. *амарйа* «легкий»), *райша* «прямой» (абх. *айаша*, ср. *арйашара* «выпрямлять») и т. п., ко второй категории — *андйра* «идти туда», *дайрйтхмид* «он его учит», *пша гIвнаурйсыума* «проветриваешь ли ты?» и т. п. Кроме того, здесь следует отметить группу глагольных

¹ Следовало: «что я увидел?» (Ред.).

² Следовало: *айквачIва*. (Ред.).

и именных основ, оканчивающихся на *ай* (в произношении слышится *ей*), как *ацIхэ́йра* «разводить огонь», *агвэ́жвэйра* «падать духом», *тшырйчI-вайра* «потягиваться», *цIай* «ребенок» и др.

В сочетаниях этого рода звук *а* частично уподобляется следующему за ним согласному звуку, переходя последовательно в *е* (перед *и*) или *о* (перед *у*), сливаясь с ними в дифтонгообразные долгие гласные *ей* и *оу*, утрачивающие иногда в беглом, недостаточно отчетливом произношении вторые элементы дифтонгов и превращающиеся таким образом в несколько более длительные, чем бывают обыкновенно гласные в абазинском языке, простые гласные звуки *е* и *о*. В результате создающегося в таких условиях акустического впечатления от этих звуков и отчасти не без влияния русских графических навыков (где *е* и *о* представляются обычными, вполне заурядными гласными фонемами), появляется в абазинской письменности тенденция писать попросту *цIола́*, *кве(и)чIва*, *мерй*, *рёша*, *нёма* (вм. *на́йма* «ходил ли?»¹), *дерйпхыйд*, *гIвнорысыума* и т. п. Такого рода орфографическая практика должна быть признана несостоятельной по двум причинам: 1) написание в этих случаях простых *е* и *о* затемняет иногда до чрезвычайности морфологический состав слова, к большому ущербу, в частности, для интересов школьного грамматического, а соответственно и смыслового анализа; 2) простые начертания *е* и *о* отражают заведомо недостаточно точно действительное произношение соответствующих звуков, при всяком произношении сохраняющих ненормальную долготу, а чаще и дифтонгообразный характер (*ей*, *оу*).

Влияние иноязычной фонетики на абазинский вокализм. Дело осложняется еще одним привходящим обстоятельством, заслуживающим внимания. В результате проникновения в современную абазинскую речь и письменность весьма значительного количества иноязычных терминов — главным поставщиком таких слов служит, естественно, русский язык, — содержащих в себе целый ряд гласных звуков, чуждых звуковой системе абазинского языка, получается любопытное столкновение двух принципиально отличных систем вокализма: с одной стороны, чрезвычайно узкой, двугласной, системы абазинской, с другой же стороны, относительно развитой, шестигласной системы русской. Звуковые оттенки, представляемые обычными гласными звуками, акустически легко различаются и не дают особого повода к артикуляционным затруднениям для воспроизведения их лицами, сколько-нибудь развитыми в лингвистическом отношении.

Та естественная лингвистическая школа, которую с давних пор проходили абазины в силу почти обязательного для взрослого двуязычия (говорили на родном и кабардинском языках), а в отдельных случаях многоязычия (ногайский, адыгейско-черкесский, осетинский и другие языки), устраняла ту естественную неподатливость произносительных органов, которую они проявляют по отношению ко всем артикуляциям,

¹ Скорее: «пришел ли (туда)». (Ред.).

отсутствующим в родном языке говорящего. Это давнее влияние иноязычной школы сочеталось с тем, что комбинаторные варианты гласных фонем в самом абазинском языке, как мы видели, сами толкали в сторону осложнения слишком элементарной системы новыми звуками. В результате мы наблюдаем в настоящее время приближающийся к концу процесс создания гласных фонем *e* и *o* и, как увидим далее, также *и* и *у*. Тем не менее, осмысляя звуковую систему языка в ее доминирующих элементах, мы должны признать *e* и *o* звуками, находящимися в абазинском языке лишь на правах инородных, заимствуемых вместе с новыми словами, новых гласных фонем. Интересы сохранения за той частью новой терминологии, которая имеет интернациональное значение, по возможности той графической и звуковой формы, которую они имеют в том языке-источнике, откуда они заимствуются, приводят нас к допущению, чтобы все термины не абазинского происхождения, получающие сейчас права гражданства в новой письменности, писались через *e* и *o* там, где они пишутся в соответствующих языках. В отношении же абазинских слов и форм предпочтительна, как кажется, система сохранения дифтонгов *ай* и *ау* в их морфологических правах.

Большое количество примеров на *e* и *o* дают в особенности собственные имена, в частности такие собственные имена (мужчин) различного иноязычного (арабского, турецкого и т. п.) происхождения, как, например, Осман, Исмель, Джамбок, Бестлан и т. д.

Г л а с н ы й ы. Гласный *ы* является по сравнению с гласным *a* более закрытым, что получается вследствие более высокого положения языка. Акустически наиболее близким к нему по впечатлению гласным русского языка служит *ы*, с той существенной разницей, что русское «*ы*» артикуляционно-акустически более определенный звук; вместе с тем русское *ы* более задний и более закрытый (по положению языка). Так же, как и у *a*, краткость *ы* и в положении под ударением выражена весьма отчетливо.

В отличие от *a*, безусловно самостоятельного звука абазинского языка, *ы* приходится считать стоящим на грани между самостоятельной фонемой и лишенным самостоятельного смыслового значения звуковым оттенком. Дело в том, что в абазинском языке, так же как и в абхазском и в кабардинском, наблюдается та интереснейшая особенность, что сочетание в слове какого-либо согласного с гласным *ы* фонематически, т. е. с точки зрения реального или формально-грамматического смысла сочетания, тождественно одному данному согласному, и потому не встречается ни одного примера, когда бы такое сочетание согласного с гласным *ы*, противопоставленное одному данному согласному, в каком-либо отношении влияло на изменение значения; мы оставляем, естественно, в стороне такие примеры, где дифференцирующую роль играет ударение, имеющее в абазинском языке функцию дополнительного средства осмысления и восполняющее недостатки существующей звуковой системы (в таких примерах, как *а́лхра* «вычитание, вычитать» ~ *а́лхрa* «различение, различать», *двѣ́мнѣк* «два дня» ~ *двѣ́мнѣк*

«хороший человек» и т. п.). Эта особенность звука *ы* стоит в известной связи с тем, что система слогообразования, действующая в абазинском языке, исключает возможность открытого слога типа «долгий согласный (или аффрикат) + *ы*», если на данном слоге не лежит ударения. Иначе формулированная, особенность эта сводится к тому, что *ы* представляет собой возникающий вторично в слоге под ударением вариант нуля звука в слоге, не имеющем ударения.

Другим вполне закономерным проявлением и результатом несамостоятельной или недостаточно самостоятельной роли этого звука в абазинском языке служит невозможность для него стоять в начале слова.

Таким образом, мы имеем *ы*, как правило, только в двух положениях: 1) в открытом (оканчивающемся на гласный) слоге, в тех случаях, когда на этом слоге лежит ударение, например, *адзы* «вода», (*йы*)*сымаб* «я имею», *чыы* «бык», *ацIыхъва* «хвост, конец», *мывы* «медведь», *сасы* «гость», *агыларта* «место остановки, стоянка»; 2) в закрытом (оканчивающемся на согласный) слоге, например: *дымхIа* «ух», *дыгыгъ* «козел», *агыт* «селение», *пхIыс* «женщина», *дыу* «большой», *бзый* «хороший», *абыларъ* «гореть», *аурыше* «русский», *мышкIы* «однажды», *адзын* «осень», *апын* «лето», *гIымыкI* «2 месяца». Гласный *ы* открытого слога, попадая в безударное положение, или исчезает совершенно, ср. *адзы*, но *адзквэ* «воды» (из *адзы* + *квэ*); *чыы*, но *аче* «бык» (из *а* + *чыы*), *ачквэ* «быки» (из *а* + *чыы* + *квэ*); *мывы*, но *амше* «медведь» (из *а* + *мывы*), *амшеквэ* «медведи» (из *а* + *мыва* + *квэ*); *амыта* «сыром», но *аме* «сыр» (из *а* + *мывы*); или, исчезнув, стремится обнаружить свое прежнее присутствие в слоговости предшествующего согласного, например, *аннэ* «у, при (том)», но *ап-нгый* (знаком дефиса выражена здесь слоговость согласного *н*); иногда эта слоговость согласного переходит в более резко выраженную форму, и тогда перед согласным развивается снова гласный *ы* полного образования (например, *апынгый*) «и при (том)»; *мывы*, но *м-шехIыс* (*мышехIыс*) «медвежонок»; *зны* «однажды», но *з-нлэ* (*зынлэ*) «сразу»; *мышы* «дрова», но *м-шIквэ* (или *мышIквэ*) «дрова», *м-шIбжъа* (или *мышIбжъа*) «охапка дров»; *бжъгIвы* «семь (разумных существ)», но *бжъгIехъачвакI* «семь мужчин» (или *бжъгIехъачвакI*); *агъвы* «доска», но *аклэс-гъв* (или *аклэсыгъв*) «классная доска»; *абжъы* «звук», но *аб-жъквэ* (или *абыжъквэ*) «звуки»; *цIы* «ночь», но *цI-ххъчIвэчIва* (или *цIыххъчIвэчIва*) «холодная ночь»; *цI-хлащъара* (или *цIыхлащъара*) «темная ночь» и т. п.

Попадая в результате морфемосочетания в закрытое положение, утраченное *ы* восстанавливается: *длапы* (из *а* + *ла* + *пыы*) «взгляд», но *лапыдымеIва* «путь для взора»; *амш* (из *а* + *мышы*) «день», но *амшыркъваръ* «шутить»; *тышдыургIыма* (из *тышдыургIыма*) «записался ли ты?», но *тышдыургIыд* «я записался»; *бзый* (из **бзыйы*) «хороший», но *ышпдб-зыйыз* «как оно было хорошо»; *гIайра* «приходить», но *ушыгIайыз* «(что) ты пришел».

Благодаря наличию чередований *ы* и *0* (нуль) в конце морфемы, мы получаем важный признак различения морфем с точки зрения их роли

в предложении: формы на *ы* характеризуют синтаксически самостоятельные морфемы-слова и противоплагаются формам с нулем звука, как синтаксически несамостоятельным, т. е. входящим в состав сложной синтаксической единицы.

Устанавливаемая нами строгая норма исчезновения неударного *ы* в открытом слоге представляет собою особенность абазинского языка, отличающую его от абхазского, в котором проявление аналогичной тенденции сведения *ы* в указанном положении к нулю часто нарушается противодействующими интересами морфологии. Особенно ярким образчиком этого рода нарушения нормы служат в абхазском языке весьма многочисленные формы местного падежа, наречия и деепричастия, оканчивающиеся на *ны*, как-то: *йыбзыйаны* «хорошо», *йакIвны* «будучи», *акытакны* «в селении», *йыгIвычаны* «будучи украшен» и т. п.

В некотором противоречии с сформулированными правилами стоят, повидимому, единичные случаи написания типа *хыкIы* «сметана», *тыдзы* «дом», *йыдзыцыйд* «плавает», *йаглагIыкыйд* «они им (инструментом) пилят» и т. п., где мы видим примеры сохранения *ы* в открытом слоге в неударном положении. Действительное произношение и способ слогаобразования в этих примерах различны, в зависимости от качества предшествующего гласному *ы* согласного: при мгновенных имеет место сохранение минимального, переходного к следующему согласному звука (типа *ы*), длительные (сонорные, спиранты и аффрикаты) принимают на себя функцию слогаобразования, или сливаются в один слог с последующим. В некоторых особых случаях противоречия сформулированным правилам имеет место столкновение фонетических норм с интересами смысловыми, как-то: *йадгылаб* «стоит вплотную около чего-либо», *йыдглаб* «стоит около чего-либо»¹, *далагылаб* «стоит внутри чего-либо» и т. п. (вм. ожидаемого **йадглаб*, **йыдгылаб* и т. п.); приведенные формы ассоциируются с *дылаб* «он стоит», *дагылаб* «он стоит внутри чего-либо» и т. п. В произношении *далагылаб* и т. п. замечается смысловое дополнительное ударение на гласном *ы* (следовательно, получается два ударения *далагылаб*), ведущее нас к сложной проблеме законов абазинской акцентуации (ср. ниже).

Примеры на *ы*: *хымы* «шуба», *тыны* «лошадь», *жыы* «корова», *агъны* «зима», *дымыд* «он стоит»², *апсыца* «сел. Апсуа», *гычкIвры* «воришка», *уыс* «дело», *арымдза* «скамья», *дынхыйд* «он работает».

Комбинаторные изменения гласного *ы*. Подобно *а*, *и* и *у* испытывает на себе известное комбинаторное влияние *и* и *у* одного с ним слога, с тем существенным отличием, что получаемые звуковые оттенки лишены в первичной звуковой системе языка фонематического значения (тогда как переход *а* в *ы* под влиянием соседства с *и* и *у* может осмысляться как изменение значения, ср., например, *андыра* «приходить» ~ *аныйра* «случаться»).

¹ Следует: «стоит около мужчины». (Ред.).

² Следует: «становится, встает». (Ред.).

Попадая в сочетание с последующим *и* в слове под ударением, *ы* подвергается прогрессивной ассимиляции со стороны звука *и* и образует с ним в произношении долгий дифтонгообразный гласный *и^д*, например, *ары* + *й* дает *арий* (пишется *ари*) «этот здесь»; *аны* + *й* дает *аний* (пишется *ани*) «этот там»; *ажы* + *й* дает *ажый* (пишется *ажый*) «кузнец»; *йырхы* + *й*д дает *йырхыйд* (пишется *йырхыйтI*) «они доят» и т. п. Особенно благоприятным условием перехода *ы* в *и* (гласную) служит палатальный характер предшествующего ему согласного, как, например, приведенные только что *ажый*, *йырхыйд*. Ср. еще *иагычыйд* > *иагычийд* «оно (животное) ворует», *гыи* «и» (союз) (пишется всегда *гыи*), *закIгыый* *гыийлыумыд* > *закIгий* *гыийлыумыд* «он ничего не мог».

Попадая в сочетание с предшествующим *й* в слове под ударением, *ы* сохраняет в отчетливом произношении свой основной характер открытого неопределенного гласного *йымаб* «он имеет», *йыт* «дай ему», *йымIеа* «его путь», *ыжыив* «его лекарство» и т. п. В сочетании с *и* в слогах без ударения *ы* исчезает в произношении, передавая свою функцию слогообразующего звука согласному *й*, как, например, *й-хIей* «скажи», *деIай-й*д (> *деIайыид*) «он приходит».

Влияние следующего за *ы* согласного *й* сказывается нередко даже и в том случае, когда *й* не образует с *ы* одного слога, а относится к следующему; в ряде случаев мы имеем уподобление *ы* и переход его в *и*, как, например, *зачIы* + *йа* дает *зачIейа* «что такое?» или *ыжыйыйд* дает *и(ы)жыйиид* «они куют» (пишут вместо этого *ижыйитI*; в *ы+жый+иид* на второе *ы* действует одновременно палатальность предшествующего *жы* и последующего *и*).

Действие *и* парализуется обратным действием *у* в сочетаниях типа *уи*, например, *ауий* «тот» (пишут *ауи*), *иууитыид* «он дает тебе (тот предмет)» и т. п.

Сочетания с *у* оказывают аналогичное прогрессивно-ассимилирующее влияние; *уу* под ударением звучит, как долгий дифтонгообразный гласный *у^д*, например, *дыу* «большой» дает *ду^д* (пишут *ду*), *йалуу* «образующий единство» дает *йалу^д* (пишут *йалу*) и т. п.; *уи* под ударением сохраняет, подобно *иы*, характер сочетания согласного *у* с неопределенным гласным *ы*, например *уыли* «твой глаз», *уыс* «дело», *ауыла* «так», *уымава* «твой живот» и т. п. Как *уу*, так и *уи* в слогах без ударения переходят в слогообразующее *у*, например, *у-мцан* «не ходи», *ал-у* «жернов».

Влияние иноязычной фонетики на абазинский вокализм. Наряду с возникающими в контексте речи и не имеющими самостоятельного значения дифтонгообразными гласными *и^д* и *у^д*, в абазинский язык проникает, по мере обогащения его иноязычными терминами, содержащими в своем звуковом составе простые гласные *и* и *у*, новые фонемы, положение которых совершенно тождественно положению иноязычных *е* и *о*, о которых сказано выше.

Примеры на *и*: *акIнига* «книга», *акIальидор* «коридор», *хIисап* «счет», *фабрика* «фабрика», *бригада* «бригада», *машйна* «машина».

Примеры на *y*: *удәрник* «ударник», *револьўца* «революция», *кўульаи-сийз* (*кўульесиз*) «бедняк» (из ногайск.), *ударёна* «ударение», *сурат* «рисунок, изображение, портрет».

Согласные фонемы абазинского языка

Классификация согласных звуков. Согласными звуками называются, в отличие от гласных, такие звуки языка, которые образуются в результате столкновения струи выдыхаемого воздуха с препятствиями, создаваемыми языком и некоторыми другими органами (губами, гортанью, язычком) на пути прохождения этой струи в полости рта (или носоглоточного пространства). В зависимости от характера препятствия, которое приходится преодолевать струе выдыхаемого воздуха, согласные могут быть разделены на три основные категории: сонорные (плавные), спиранты и взрывные (смычные); особое положение занимают сочетающие в себе свойства взрывных и спирантов аффрикаты. Основная функция согласных в звукосочетании — сопутствовать гласному, объединяющему соседящие с ним согласные в некую единицу выдоха, которая именуется слогом. Как мы видели выше, характерной особенностью абазинской системы звуков служит то, что в ней эта слогообразующая роль гласных чрезвычайно часто переходит на согласные.

Сонорные фонемы абазинского языка

Общая характеристика сонорных согласных. Группа сонорных, состоящая из шести звуков-фонем *й*, *y*, *м*, *н*, *р*, *л*, объединяет в себе разнородные по месту и способу образования звуки, характеризующиеся в отличие от родственных им спирантов относительной чистотой тона и ослабленностью того шума, который сопутствует всем остальным согласным, а также своей принципиальной звонкостью, подобной звонкости гласных: звонкими являются все звуки, при образовании которых воздух, идущий из легких, сотрясает напряженные голосовые связки гортани и тем самым вызывает дополнительный звуковой оттенок, примешивающийся к основному звуку. Это их свойство стоит в зависимости от характера той щели, через которую пропускается струя воздуха: она шире, чем у других согласных, и потому сонорные звуки ближе других согласных подходят к гласным. Наиболее близки к гласным фонемы *й* и *y*, стоящие на грани между этими последними и согласными: их можно объединить под названием полугласных. Затем идут плавные *л* и *р*; из них первая образуется языком, упирающимся своим концом в нёбо и пропускающим воздух по бокам (так называемый латеральный звук), вторая образуется дрожащим кончиком языка (вибрантный звук). Наконец, мы имеем две носовые: *м* и *н*, при которых воздух проходит через носоглотку при одновременном смыке в полости рта. Ближе, чем другие согласные, с перечисленными группами сонорных сближаются четыре звука: *х*, *хә*, *гә*, *гәв*, относимые нами к категории задне-мягко-нёбных спирантов. Некоторые факультативные

варианты сонорных должны быть, как увидим ниже, отнесены также к спирнтам.

Фонема *й*. Фонема *й* образуется путем поднятия массы языка по направлению к твердому нёбу и создания узкой щели между ним и языком; она является, таким образом, средне-нёбным сонорным. Она сохраняет в акустически-артикуляционном отношении свой согласный характер в полной мере лишь в слогах, имеющих в качестве слогаобразующего звука гласный *а*, как, например, *йа* или *йарà* «он» (сам), *йаб* «его отец», *йырхàйа* «что они сделали?», *уамдйгггган* «не надейся», *айсра* «ссориться», *агIайра* «приходить», *адундй* «вселенная» и т. п. Разница между такой неслогообразующей согласной *й* и гласным *й* заключается только в степени открытости образующей звук щели, более узкой при *й* согласном и более широкой при *й* гласном; согласное *й* требует вместе с тем большего расходования выдыхаемого воздуха сравнительно с *й* гласным. Естественно поэтому то колебание между гласным и согласным характером этой фонемы, которое возникает в условиях нахождения ее в соседстве с неопределенным гласным *ы*: достаточно малейшего перемещения слогового максимума выдоха, и сонантическое *й* переходит на положение гласного *й* и по своей функции в словосочетании и по акустическому впечатлению. Следует отметить, что по временам, в произношении особенно сильно кабардинизированных абазин, можно наблюдать подстановку на место абазинской полугласной фонемы *й* особого гортанного (типа украинского «г») звонкого, палатализованного спирнта. В этом случае мы имеем дело с фактом прямого заимствования родственной по акустическому впечатлению фонемы чужого языка.

Важным в грамматическом отношении обстоятельством служит невозможность сочетания двух *й* рядом, прежде всего в пределах одного слога: всякая форма, в которой по грамматическим (морфологическим) соображениям должны встретиться сочетания *ййы*, *ййа* или *ййй*, *айй*, упрощается путем исчезновения одного из *й*; так, например, ожидаемое **й(ы)йймаб* «он то имеет» превращается в *йймаб* (ср. *ййлымаб* «она имеет то», *ййсымаб* «я имею то», *ййууымаб* «ты имеешь то» и т. д.); *йййцтацыйд* «они идут вслед за ним» (вм. **й(ы)йййцтацыйд*); *йахIе* «скажи ему» (вм. **й(ы)ййахIе*, ср. *ййлахIе* «скажи ей»); *йййцынхыйд* «они вместе с ним работают» (вм. *ййййцынхыйд*, ср. *ййййцынхыйд* «они вместе с ней работают»); *ййхIвауà* «то, что он говорит» (вм. *ййййхIвауà*) и т. п. Действие этого закона парализуется в тех случаях сочетания *йы*, в качестве местоименного притяжательного префикса 3-го лица ед. числа муж. рода, с именными (или в качестве местоименного префикса общей формы с глагольными) основами, начинающимися на *й*, когда упрощение могло бы повести к полному искажению смысла, например, *ййййахIа* «принадлежащий ему петушиный гребень», *ййййхыйд* «она заживает» (о ране) и т. п.

Действием этого фонетического закона нарушается стройность системы личных местоименных глагольных префиксов, о которой нам

придется говорить далее. В этой же связи стоит, возможно, частичная утрата абазинским языком глагольного форманта взаимного залога *ай* путем замены его посредством *йа* с последующей затем утратой *й*, в результате осмысления его, как личного префикса 3-го лица мн. числа. (Так, повидимому, **ййабадырыйд* «они знают друг друга» от первоначальной основы взаимного залога *йабадыр* давало закономерно *йабадырыйд*, откуда, по аналогии форм типа *йыцыйд* «они идут» ~ *хIцыйд* «мы идем», получались формы типа *хIабадырыйд* «мы знаем друг друга» и отглагольное имя *абадырра* «знать друг друга»).

Фонема у. Фонема согласного *у* стоит в таком же отношении к гласному *у*, в каком согласное *и* к гласному *й*. По месту образования она является губным сонорным, образуемым при участии обеих губ; язык поднят выше, чем при образовании гласного *у*, и потому щель уже. Подобно *й*, *у* сохраняет свой вполне согласный характер лишь в слогах с гласным *а*: *уа* «эй», *уарá* «ты», *уаб* «твой отец», *йыцауý* «идущий», *áура* «длина», *аурам* «улица», *аунáшва* «совет», *чачпáу* «род женского украшения» и т. п. При сочетании *у* с гласным *ы* в одном слоге *у* имеет тенденцию переходить, как мы видели выше, на положение гласного. В произношении кабардинизированных лиц согласный — сонорный губо-губной — *у* может факультативно (по усмотрению) подменяться гортанным звонким лабиализованным спирантом (кабардинская фонема *с*).

Так же как и сочетание двух *й* в одном слоге, по возможности устраняется и непосредственное сочетание двух *у*, например: *йыгáууým* «не годится» дает *йыгáуým*, **йáууýшид* «пригодится» дает *йáуýшид* **йыгýйáууám* «он не получает» (тот предмет) дает *йыгýйáуám*, *дгырууým* «они его не принимают» (в компанию) дает *дгыруým*, *дымáуа* «не находя его» в м. *дымáуаа* и т. п. Аналогичную судьбу постигает в обычном произношении и сочетание *у* с предшествующим лабиализованным согласным; ср. такие примеры, как *йыжсгIвáш* «то, что вы будете писать» в м. **йыжсгIвúш*, *йаныргIвá* «когда они пишут» в м. **йаныгIвúй*, *йыгIáйквыш* «следующие» в м. **йыгIáйквыш* и т. п. Интересы сохранения морфологической ясности формы и ее должного смысла противодействуют в известных случаях и здесь действию этой фонетической тенденции, например, *йуууýсым* «то, что не является твоим делом», *уууýуыйд* «ты (как собака) воешь» и т. п.

Фонема л. Фонема *л* представляет в артикуляционно-акустическом отношении точное соответствие русскому твердому «л» в таких случаях, как «лапа», «лук» и т. д.; она образуется, следовательно, концом языка при дополнительном так называемом веларизационном поднятии задней части языка по направлению к мягкому небу, отличаясь этим от звука *л* большинства европейских и кавказских языков.

Примеры: *ла* «собака», *ларá* «она», *алыг* «крестьянин», *нашырла*¹ «входить», *хIампáл* «род кушанья», *áлыу* «жернов», *гIалáл* «приставшая овца».

¹ Следует: *нашырла*. (Ред.).

Попадая в окружение глухих звуков, *л* может утрачивать свою звонкость и становится глухим, например: *удкыа* «ложись» (на что-либо), *дджэдыкыахд* «отправился» и т. п.

Фонема *р*. Фонема *р* образуется всегда с помощью кончика языка, приведенного в колебание струей выдыхаемого воздуха, и ничем не отличается от русского «р». Она встречается во всех положениях, в том числе и в начале слов, чем отличается от *р* кабардинского, занимающего это положение только в заимствованных из других языков словах. Примеры: *ра* «орех», *рашварà* «полоть», *ар* «войско», *арый рыб* «это войско», *рымòза* «скамья».

Подобно *л*, *р* комбинаторно, в соседстве с глухими, утрачивает звонкость и становится глухим, например: *йыкырыцлад* «они положили» (на что-либо), *акыршвара* «набрасывать» и т. п.

Фонема *м*. Фонема *м* образуется сжатием губ и выходом части воздуха через нос, вполне соответствует русскому «м». Примеры: *ма* «на, возьми», *мама* «мама», *мама* «солнце», *амз* «луна», *йымйна* «эпидемия», *мыгьва* «несчастней», *йысымам* «пе имсю».

Фонема *н*. Фонема *н* образуется смычком, образуемым кончиком языка у верхних зубов или альвеол (т. е. у выступа десны в месте основания верхних зубов) с одновременным выходом части воздуха через нос; соответствует русскому «н». Примеры: *анага* «там», *ан* «мать», *лына* «мама, тетка», *нхарà* «работать» (где-либо), *агIан* «в то время», *агIанын* «весна», *аный* «тот».

Долгие сонанты. Долгие *ла, рр, мм, нн* возникают лишь в отчетливо анализируемых морфологических и синтаксических сочетаниях и не имеют потому фонематического значения: Например, *лаба* «ее палка», *аррымIва* «воинская дорога», *арра* «поход», *йаннада* «когда оно достигло» и т. п. Полудолгие *ла, рр, мм, нн* возникают иногда при эмфатическом (усиленном) произношении в начале слога под ударением, как, например, *нына* «тетя», *мыма* «мама» и т. п. Такие удлинения также, конечно, не влияют на изменение смысла и не составляют потому самостоятельных звуков-фонем.

Спирантные фонемы абазинского языка

Классификация спирантных фонем. Спирантами называются звуки, образуемые шумом от трения струи воздуха, проходящего через щель, созданную подвижными органами речи (губами, языком, гортанью) в полости рта или гортани. Все эти звуки длительные и могут быть протягиваемы по усмотрению, в чем и заключается существенное отличие их от мгновенных. Спиранты абазинского языка классифицируются по месту и способу образования на следующие группы: 1) по месту образования — губные, зубные, альвеолярные, передне-твердонебные, задне-твердонебные, мягконебные и гортанные; 2) по способу образования — звонкие, смычногортанные и глухие. Вторая классификация дополняет и уточняет первую, отличая звуки одинакового места

образования по характеру сопутствующей основной артикуляции работы гортани. Некоторые виды спирантов стоят близко к сонорным (ср. сказанное выше по поводу *з*, *хз*, *гз*, *гзв* и латеральных *ль*, *тл*), другие находятся на грани с аффрикатами (*фI*, *лI*, факультативное кабардинское *чIe*).

Губные спиранты. Губных (точнее губо-зубных) спирантов насчитывается три: *е*, *ф* и *фI*.

Звонкая губная фонема *е* возникла в современном абазинском языке вторично, при заимствовании слов из кабардинского и русского языков; в коренных абазинских словах она не встречается. Соответствует русскому «в» и кабардинскому *в*. Примеры: *власт* «власть», *совет* «совет, советский», *валъута* «валюта».

Глухая губная фонема *ф* соответствует русскому «ф» и кабардинскому *ф* (незначительное отличие абазинского и кабардинского *е* и *ф* от русских «в» и «ф» заключается в более энергичном смыкании нижней губы с краями верхних зубов). Примеры: *фарà* «есть, кушать», *фсидà* «выгода», *фгIев* «запах», *фарьчIе* «щеголь», *абыгIеныйфа* «провизия на дорогу», *ачьыфра* «отъесть».

Смычногортанная губная фонема *фI* представляет в абазинском языке весьма редкий звук, встречаемый в немногих словах кабардинского происхождения, как, например, *фIей* «грязный». Образуется этот звук особо напряженным сближением нижней губы с верхними зубами; взрыв производится силой того запаса выдыхаемого воздуха, который находится в полости рта над сомкнутой гортанью. Смычка гортани происходит постепенно и длится, повидимому, дольше губо-зубного сближения, что находит нередко свое отражение в следующем за губным звуком звуке характерного постепенного размыкания голосовых связок. В произношении отдельных лиц приходилось наблюдать, в отличие от кабардинского звука, нечто вроде *пIфI*, что приближает спирант *фI* к аффрикатам.

Независимо от кабардинского языка происхождения спирант *фI* в единственной морфеме шараванского наречия *фIа* «тонкий», в абхазском звучащей *пIа* (впрочем, в некоторых говорах кодорского наречия встречается и *фIа*). Произношение этого звука в этом случае ничем не отличается от только что описанного произношения *фI* в кабардинских словах.

Зубные спиранты. Зубными спирантами абазинского языка являются *з*, *с*, *ль*, *тл* и *лI*. Из них первые два — коренные абазинские звуки, остальные заимствованы из фонетической системы кабардинского языка.

Звонкая зубная фонема *з* образуется кончиком языка, помещаемым в соседстве с верхними зубами; соответствует русскому «з» и отчасти кабардинскому *з* (образуемому спинкой языка). Примеры: *закIи* «один», *зны* «однажды», *нъза* «кривой», *зъза* «медлительный», *жъзыз* «одинадцать», *зымгIеà* «все», *абъзара* «жить».

В сочетаниях морфем нередко возникает долгое *з*, передаваемое

в письме двумя *зз*, как, например, *айззара* «собрание», *ахъаглырта зэлыз ахIарф* «буква, на которую приходилось ударение», *йыззхъайцIара* «которому он бы (мог) поверить» и т. п. Противопоставление в производных словах долгого *зз* простому *з* не встречается.

Глухая зубная фонема *с* стоит с *з* в парном сочетании, отличаясь от нее только отсутствием звонкости; соответствует русскому «с» и кабардинскому *с*. Примеры: *сарà* «я», *а́сра* «бить», *асьс* «теленок», *псыла* «жирный», *ась* «рубашка».

Комбинаторно, в соседстве с звонкими согласными, *с* чередуется с *з*, например, в формах 1-го лица ед. числа глаголов переходного класса, как, например, **йызбийд* вм. *йысбийд* «я вижу» (тот предмет), *йызуйд* вм. **йысуйд* «я согласился», *сарà тшы́аджэджэвийд* вм. **сарà тшы́сджэджэвийд* «я умываюсь» и т. п.; в других случаях стечения *с* с последующим звонким, когда действию этой фонетической тенденции противостоят интересы смысла, *с* сохраняется. Например: *йысгъалан* «я думал»; *с* всегда сохраняется в зачине слова, как, например, *сгъыгъыйд* «я надеюсь», *слабà* «моя палка» и т. п.

Действием аналогии объясняются, очевидно, такие примеры подстановки звонкого *з* на место *с*, когда соответствующий звонкий звук отделен от *с* гласным *ы*, как, например: *йыгъымуыйд* «я не согласился» (вм. **йыгъсымуыйд*), *дыгъымбàд* «я его не видел» (вм. **дыгъсымбàд*); здесь *с* отделено от последующего звонкого гласным *ы* полного образования (ср. произношение *дыгъз-мбàд*, где *з* соседит со слогаобразующим *м*).

В отличие от долгого *зз* долгое *сс* имеет самостоятельное фонематическое значение: в таких словах, как *асрà* «брить» (ср. *асрà* «ткать»); *са* «било (ткацкого станка)» (ср. *сса* «мелкий»), *ассарà* «дробить» (ср. *асарà* «кроить»); *анссарà* «стругать» (ср. *ансарà* «местить»), мы имеем в долгом *сс* звуковой оттенок, противопоставленный в смысловом отношении простому *с*, что дает основание считать долгое *сс* особой фонемой абазинского языка.

Звонкая губная латеральная фонема *ль* встречается в словах, заимствованных из кабардинского и (что реже) других языков (в последнем случае при вероятном посредничестве кабардинцев). Примеры: *Лъаб* «Лаба» (название реки), *блъын* «стена», *кIалъиддэр* «коридор», *бель* «лопата», *бийддль* «сени, прихожая».

Глухая зубная латеральная фонема *тл* соответствует звонкой *ль* и встречается только в словах кабардинского происхождения, как-то: *тлапд* «чулок», *тлапкъ* «корень, происхождение», *пIаттла* «срок». В абхазских наречиях эта фонема в словах кабардино-черкесского происхождения передается через сочетание *кл*, как, например, *аклапд* «чулок, поговица» (= *тлапд*).

Смычногортанная зубная латеральная фонема *лI* встречается весьма редко в единичных словах, заимствованных из кабардинского языка, как, например: *лIакъващàуа* «крестьянин», *лIыгъаба* «вдовец», *лIакъвалIац* «знатный человек» (кабард. сословно-феодалный термин) и т. п. В про-

в произношении некоторых лиц приходилось наблюдать произношение этого звука как бы *mI*, в каком-то случае *л* переходит из разряда спирантов в разряд аффрикат.

Альвеолярные спиранты. Группу альвеолярных спирантов абазинского языка составляют фонемы *жв* и *шв*. Обе фонемы характеризованы дополнительной лабиализацией особого типа (губы растянуты, нижняя может несколько выступать вперед, благодаря чему струя воздуха выходит не прямо, а по направлению кверху, тогда как при лабиализации господствующего типа обе губы активно участвуют в артикуляции звука, выступая более энергично вперед и образуя почти круглое отверстие). В произношении этих двух парных фонем наблюдается значительное колебание по говорам (иногда и вполне индивидуальное), вызываемое различным положением языка и степенью активности лабиализации. В сел. Псыж и Эльбурган обычно язык образует своей плоско-растянутой спинкой шепелявый звук, по акустическому впечатлению средний между русскими *з* и *ж* или *с* и *ш* (типа кабард. *ц* и *жь*), с преобладанием шипящего оттенка мягкого типа. В говоре сел. Красно-восточного и Койдан наблюдается заметная ослабленность лабиализационной работы губ и перемещение основной артикуляции несколько вглубь (получаемый акустический эффект весьма близок к звукам, выражаемым на письме посредством *ж* и *ш*).

В сел. Кубина и Инджикчкун единой фонеме *жв* формирующегося литературного языка соответствуют две различные фонемы, из коих одну можно условно обозначить *жв'*, и единой фонеме *шв* также две, из коих одну обозначим *шв'*. Различие между *жв'* и *шв'*, с одной стороны, и *жв* и *шв*, с другой, заключается: 1) в основной артикуляции, именно в положении языка, находящегося при *жв'* и *шв'* против верхних зубов, т. е. в положении, сходном с тем, какое он занимает при произнесении *с* (отличие от *с* состоит, повидимому, в более пассивном положении кончика языка при образовании *жв'* и *шв'*); 2) в губной работе, при *жв'* и *шв'* активной билабиальной (двухгубной), с лабиализацией округлого типа, тогда как при *жв* и *шв* она по преимуществу монолабиальна, одногубна (верхняя губа пассивна, выходное отверстие, образуемое нижней губой, продолговато — растянутое к краям рта). Значительная активность губной работы при произнесении *жв'* и *шв'* нередко создает акустическое впечатление, весьма близкое к *в* и *ф*. Различение двух пар фонем (*жв'* и *жв*, *шв'* и *шв*) в этом одном (условно называемом нами левским) говоре абазинского языка поддерживается аналогичным различением, существующим в шкараванском и североабхазском (бзыбском) наречии абхазского языка. Не входя во все детали многообразных колебаний в произношении этих звуков, заслуживающих специального фонетического исследования, следует отметить, что шкараванский, в частности, характеризуется преобладанием особо активной губной работы в звуках *жв'* и *шв'* и факультативным переходом от типа шипящего твердого спиранта к типу спиранта губо-губного (последний оттенок можно условно обозначить *в'* и *ф'*).

Примеры на звонкий спирант *жэ*: *ажэа* «слово», *жэы* «корова», *ажэ-вынтахъа* «старость», *ажэларэ* «народ», *жэшыс* «телка», *жэба* «девять», *жэбэ* «десять», *ажэжэ* «старик».

Звонкое *жэ* представлено также разновидностью долгого *жэжэ*, как, например, *йыжэжэйд* «вы пьете», *элажэжэжэвара* «рвать» (например, волосы на голове от отчаяния), *жэжэжэга* «борона» и т. д. Примеров противопоставления в непроезженных основах долгого *жэжэ* простому, повидимому, не имеется.

Примеры на глухой спирант *шэ*: *ашэ* «дверь», *шэжы* «сотня», *шэварэ* «вы», *шэварэ* «бояться, мерить», *хэшысы* «порошок», *ашэвэ* «сыр», *мышы* «медведь», *ашэжэа* «письмо», *шэжынджэжэвара* «сундук», *ашэжэма* «хозяин».

Геминированный (долгий) звук *шэшэ* служит самостоятельной фонемой в таких примерах, как *шэшэра* «свистеть», (ср. *шэра* «зреть»), *ташэшэварэ* «падать внутрь» (о многих мелких предметах), ср. *ташэварэ* «падать внутрь» (об одном предмете) и т. п.

Звук *шэ* чередуется с *жэ* в известных условиях, аналогичных условиям чередования с и з (т. е. преимущественно в глагольных формах 2-го лица мн. числа, например: *йыжэшэйд*, «вы видите тот предмет» (вм. **йышэшэйд*), *йыжэшэйд* «вы согласились» (вм. **йышэшэйд*) и т. п.

Лишенными самостоятельного значения в абазинском языке звуками являются существующие в кабардинском языке альвеолярные шипящие спиранты *жэ* (глухой), *чэ* (смычногортанный) и *джэ* (звонкий); лишь в аффецированном произношении некоторых лиц кабардинские слова сохраняют свою первоначальную звуковую форму. Нормальным субститутом соответствующих кабардинских звуков служат абазинские *шэ*, *чэ* и *жэ*; значительно реже в той же роли выступают *шэ*, *жэ* (вм. *шэ*, *жэ*). Отдельные слова-термины, проникшие из черкесских языков в тапантипский и шкараванский, представляют значительное разнообразие в способах передачи этих звуков, отсутствующих в системе абазинского языка (ср., например, с одной стороны, нормальное *гэаджэ* «курятник» = кабард. *гэдежэ*, с другой стороны, *хэламач* «загон для скота» = кабард. *хэламежэ*). Единичные примеры своей звуковой формой свидетельствуют об усвоении соответствующих слов не из кабардинского, а из нижнечеркесского; ср. *чэжэба* (или *шэжэба*) «вдова», (кабард. *фэжэба*, адыг. *шэжэба*); *чэахэджэ* «скирд сена» (кабард. *хэлажэ*, адыг. *хэладжэ*) и др.

Переднеязычные спиранты. Переднеязычными мягкими шипящими спирантами являются *жэ* и *шэ*. По акустическому впечатлению они значительно мягче русских «ш» и «ж» (занимающих вообще некое среднее положение между «щ», «жэ» и «шэ», «жэ») и образуются, в отличие от названных русских звуков, не кончиком языка, а передней частью его спинки.

Примеры на звонкий мягкий шипящий спирант *жэ*: *ажэа* «заяц», *ажэжэ* «мясо», *бжэа* «охашка, мяжка», *бжэварэ* «обучать», *йыжэшэйд* «они ковали», *нджэра* «оставлять», *бжэжэ* «звук, голос», *элажэжэ* «желтый».

Примеры на глухой мягкой шипящей спирант: *цаны* «нога», *аццыхра* «мазать», *ацта* «след», *аццә* «сестра», *лаццәра* «темный», *ацә* «брат», *гIаццыц* «барсу́к».

Подобно ряду других спирантов, *щ* представлено в языке также долгой (геминированной) разновидностью *щц*, имеющей самостоятельное фонематическое значение, как, например, *щцра* «гладить» (ср. *цра* «убивать»), *ащцә(хIва)* «тихо, 'бесшумно» (ср. *ацә* «брат») и т. п.

Сочетанием *щц* передается в заимствованных из русского языка словах звук «щ» (ср. *помещицк* «помещик»).

Переднеязычными твердыми шипящими спирантами являются *ж* и *ш*. Как уже указывалось, противопоставление твердых и мягких шипящих не имеет аналогии в русском языке; отсутствует оно и в кабардинском, за исключением бесленеевского паречья и также языка адыгейского, в которых мы находим совершенно аналогичную парность мягких и твердых спирантов. Разница акустического впечатления, производимого этими звуками, зависит не столько от места основной артикуляции, сколько от большей вогнутости средней части языка при твердых и меньшей при мягких разновидностях.

Звонкая твердая шипящая фонема *ж* представляет собой сравнительно редкий звук. Примеры: *жәкIва* «борода», *бжа* «половина», *бжын* «копна, куча», *мажә* «межа», *жахIварә* «жевать», *бжарә* «проводить время», *йыжәйд* «он копает». Долгая разновидность *жж* представлена в таких словах, как, например, *хәйжжера* «переливаться».

Глухая твердая шипящая фонема *ш* встречается значительно чаще соответствующей ей звонкой. Примеры: *шарә* «делить», *ашыла* «мука», *шашыхе* «узор», *аршарә* «кипятить», *шкытыцу* «все», *хәшшә* «седей». Долгий (геминированный) вид шипящего спиранта *шш* должен быть признаваем самостоятельной фонемой, ср. *шшра* «плести, жаловаться» (ср. *шра* «кипеть, паять»), *йышшә* «принадлежащее ему сало» (ср. *йышә* «доля») и т. п.

Заднеязычные спиранты. Кабардинского происхождения задне-(твердо)язычный глухой спирант *шь*, встречающийся только в немногих кабардинских словах, как то: *шьабза* «обычай, адат», *шьаква* «жеребец», *шгмыа* «справедливый» и др., так же как и соответствующий лабиализованный *шьь*, например: *шьамышьь* «негодный, лентяй»; *нартышьь* «кукуруза»; *шьытныгә* «свобода»; *шьабыж* «очень, сильно» (чаще произносится *фабыж*); *шьварашьяк ва* «породистый жеребец» и т. д. Неясного происхождения *шьь* в таком слове, как *шьырчх ва* «быстро».

Имеющийся в кабардинском языке соответствующий глухому *шь* звонкий (в кабардинском алфавите передается посредством *г*), весьма редкий звук и в самом кабардинском, в абазинской системе не представлен.

В словах, пропавших в паречья абхазского языка из языков черкесских, звук *шь* заменен посредством *кь* (в таких словах, как *кьабз* из *шьабза*, *кьакIва* из *шьакIва*, *кьыа* из *шьәй*, *кьагърыа*

«проводник» из *шьэчъэрэй* и т. д.), звук *шьэ* посредством *кэ* (например, *акъыйтра* из *шъут*).

Мягконебные спиранты. Категория мягконебных спирантов состоит из шести фонем, различаемых по признаку звонкости и дополнительным признакам палатализации и лабиализации: *гъь*, *хъ*, *гъь*, *х*, *гъь*, *хь*. Дополнительная характеристика влияет на место артикуляции в том смысле, что палатализованные образуются несколько ближе, а лабиализованные несколько глубже, чем простые.

Как уже указывалось выше, мягконебные спиранты по своему акустическому характеру приближаются в известной мере к сонорным; участие в их образовании дрожащего язычка сближает эти звуки, в частности, с *р*. Мягконебные звуки существенно отличают систему абазинских звуков от русской и ей подобных фонетических систем, чуждых звуков столь глубокой локализации.

Звонкий палатализованный (смягченный) мягконебный спирант *гъь* образуется на грани твердого и мягкого неба. Примеры: *агъьма* «правый», *дудъгъьыб* «он лучше тебя», *абыгъь* «козел», *алагъь* «юг», *багъьара* «условие», *бгъьы* «лист», *агъьра* «ругать». Геминированная разновидность этого спиранта представляет собой самостоятельную фонему, ср. *гъьгъьара* «царапать» (ср. *гъьара* «срастаться, заживать»). Глухим соответствием звонкого *гъь* служит глухой *хъ*. Примеры: *ахъра* «стынуть», *джыхъ*¹ «источник», *хыпхыра* «ухаживать», *ахъьсра* «прикасаться», *ахъьы* «имя», *ахъара* «донтъ», *аръхъ* «сюда», *анъхъ* «впереди», *ахъIала* «в том направлении», *апхъара* «читать, учиться».

Звонкий мягконебный *гъ* представлен в таких примерах, как *агъа* «враг», *агъны* «зима», *гъаб* «грыжа», *гърджы* «мелкий дождь», *абгъа* «поясница», *абыгъра* «чесаться», *агъьцIара* «угол». Противоположение в производных основах простому *гъ* геминированного *гъгъ* наблюдается в слове *агъгъра* «рычать» (ср. *агъра* «пестрый»).

Глухой мягконебный *х* имеется, например, в *хара* «делать», *хын* «трижды», *уадырхана* «в третий раз», *ахра* «толоочь», *апсăхра* «менять», *ахъхара* «прясть», *хы* «пуля», *мхы* «поле» (просяное), *пхты* «короста». Долгий спирант *хх* представляет собой самостоятельную фонему абазинского языка, например: *ххра* «кудахтать, резать» (ср. *хра* «косить, жать»); *адыхыра* «подбежать» (ср. *адыра* «толкнуть»); *алаххра* «вбежать» (во что-либо) (ср. *алахра* «находиться в чем-либо и т. п.»).

Звонкий лабиализованный мягконебный *гъь* имеется, например в *агъьы* «доска», *ачIвагъьара* «черта», *мыгъьра* «матица».

Геминированный (долгий) спирант *гъьгъь* имеем, например, *агъьгъьара* «икать».

Соответствующий звонкому спиранту *гъь* глухой *хь* наблюдается, например, в словах: *хьа* «ручка», *хьыцI* (sic! Ред.) «маленький», *анъхьара* «братъ», *хьара* «ранить», *хьырта* «рана», *хьба* «пять». Долгое *хьхь*, противопоставленное краткому *хь*, имеем в таких примерах, как *рхьхьара*

¹ Не *дыхъ* ли? (Ред.).

«буравить», (ср. *рыхэра* «заставить просеивать»), *мышхэвд* «ожерелье» (ср. *мышэ* «возьми!» (sic! Ред.).

Гортанные спиранты. Группа гортанных спирантов состоит из четырех фонем: простых *gI* и *xI* и лабиализованных *gIɐ* и *xIɐ*. В образовании этих звуков наисущественнейшую роль играет надгортанник, создающий для воздуха, выдыхаемого из легких, то препятствие, которое придает этим звукам их специфическое акустическое свойство. Таким образом, эти звуки правильнее было бы называть не гортанными (в собств. смысле), а надгортанниковыми.

Звонкий спирант *gI* представляет в различных говорах абазинского языка существенные колебания в степени резкости, с какой слышится трение струи воздуха о надгортанник. С наибольшей силой это трение слышится в говоре сел. Псыж, где легко по первому впечатлению смешать звук *gI* со звуком *gɐ*. Более слабо слышится этот звук в остальных абазинских аулах, теряясь почти совершенно в говорах шараванского наречия, так что звуко сочетание *gIa* слышится в этих последних, как долгое *ā*, едва заметно окрашенное уже чисто гортанным звонким придыханием. Как упомянуто выше, утрата надгортанникового *gI* характеризует в различной степени и абхазские наречия кодорское и бзыбское. При артикуляции *gI* наблюдается факультативное явление палатализации как самого *gI*, так и соседящих с ним гласных звуков.

Звонкий надгортанный *gI*, например: *agIà* «ремень», *amgIà* «ручка», *agIàjra* «приходить», *agIbà* «восемь», *gIgarà* «воспитывать», *agIɣlaɣIɐ* «едва, с трудом», *àgIɣrbara* «оставить в покое», *àgIbàra* «быть в покое». Долгая разновидность этого звука представлена в слове *gIgIra* «мычать».

Особенностью звука *gI* является нередко сопутствующая ему слоговость, что выражается в развитии в его зачине вторичного беглого гласного, открытого, близкого к *a* типа образования; например, *sgIa* «мелкий» звучит зачастую, как *s(a)gIà*, *àlbgIàdàra* «проглотить» слышится, как *àlб(a)glàdàra*, *ɣIgIarà* «спрашивать» слышится *ɣI(a)gIarà* и т. п. В очевидной связи с этой особенностью стоит и тот факт, что в ряде говоров наблюдается стремление заменить сочетание *gIɐ* или *mgI* соответственно *gIa* или *agI*; редкость примеров сочетания *gI* с *ɐ* в абазинском имеет свою аналогию и в судьбе сочетаний *xIɐ* ~ *ɣxI*, совершенно нетерпимых, как указано выше, в абхазском языке и единичных — в абазинском.

Глухой надгортанниковый *xI*, например: *xIa* «груша», *xIɣbàzɣɣɣd* «мы живем», *àxIbàra* «старшинство», *xIaxIra* «жрать». Звук *xI* соответствует аналогичному звуку в кабардинской звуковой системе. В тех же условиях, в каких с чередуется с *z*, и *ɣɐ* с *ɣɣɐ*, т. е. в известных формах глаголов переходного класса (именно формах 1-го лица мн. числа), находим чередование глухого *xI* со звонким *gI*: *ɣɣgIbɣɣɣd* «мы видим» (вм. **ɣɣxIbɣɣɣd*); *ɣɣgIɣɣɣd* «мы согласились» (вм. **ɣɣxIɣɣɣd*) и т. п. Совсем иное историческое чередование звуков *gI* и *xI* имеем в таких примерах, как: *agIarà* «слышать» (ср. абх. *axIarà*); *xIaɣIvàsà* «круглый ремешок» (ср. *agIà* «кусочек ремня») и др. Сюда же относится,

Звонкое *б*, например: *барà* «ты» (женщина), *абыб*, «мелкая пыль», *баба* «пушистый», *амба́та* «кучка сена», *а́рба* «петух», *абабарà* «видеться друг с другом», *абыла́* «гореть». Долгое *бб* встречается в морфологических сочетаниях, например: *ббаб* «ты (женщина) увидишь».

Смычногортанное *пI*, например: *пIàтла* «срок», *пIапIыйна* «чуб, остроконечная шапка», *напIы* «рука», *пIу́ла* «ус», *тлàпIа* «великий», *пIыйпIый* «название птицы». Звук *пI* довольно редкий звук в абазинском языке, так же как и соответствующий смычногортанный зубной *тI*. В принятой системе орфографии *пI* служит графической заменой произносимого в действительности *б* в окончаниях некоторых глагольных форм (ср. выше).

Глухое *п*, например: *па* «сын», *парà* «плести» (шнур), *пýнцIа* «нос», *апàх* «вперед», *а́рпыз* (sic! Ред.) «малчик», *пýза* «вожак», *а́лыпха* «плоть», *а́ласта* «щенок».

Зубные взрывные. Зубных фонем имеется также три: *д*, *тI* и *т*. Образуются они спинкой языка, прижимаемой к задней поверхности верхних зубов.

Звонкое *д*, например: *да* «жила», *да́ра* «очень, весьма», *ады́на* «нечто, что-либо», *адыдра́* «греметь» (о громае), *дадыргы́* «верстено», *дцад* «он пошел», *да́да* «мама, дядя». Долгое *дд* имеем в сочетаниях, например, *дда́гвыб* «он глухой».

Смычногортанное *тI*, например: *тIàтIа* «мягкий», *тIапIанта* «абазин», *атIра́* «открывать», *артIла́ра* «распарывать», *ты́гв* «обух», *тIе́гыш* «сера», *лымтI* «грязь» (на теле).

Глухое *т*, например: *та́ба* «сковорода», *та́ра* «футляр», *артра́* «стаять», *ты* «барае», *тыл* «шалаш», *тыутын* «табак», *а́лхарта* «школа», *а́сыт* «дай мне».

Передне-небные взрывные. Передне (или твердо) небными фонемами являются *гь*, *кIь*, *кь*, *г*, *кI*, *к*, *гв*, *кIв*, *кв*. Различие между типами *гь*, *г* и *гв* заключается в дополнительных артикуляциях: палатализации при *гь*, лабиализации при *гв* и связанном с ними незначительном перемещении места смыка вперед (при палатализации) и назад (при лабиализации) сравнительно с местом образования простого *г*.

Звонкий палатализованный *гь*, например: *гьа́гьара* «круг, окружность», *гьажьы́* «круглый», *агьыйн* «и так далее», *мыджьгьы́лц* «нитка, продаваемая в ушко иглы», *уады́на* «колокольчик».

Звонкий *г*, например: *агара́* «люлька», *ган* «ширина», *гьларта* «стоянка», *гы́ррасà* «большой орех», *а́гхара* «недоставать», *а́гIа́г* «принеси».

Звонкий лабиализованный *гв*, например: *гвы* «сердце», *гва́ра* «забор», *гва́дэ* «пшеница», *мгва* «живот», *цгвы* «кошка», *гIа́лгьгв* «выпуклый», *гьыбэ́гьгва* «рассудительность, смышленость».

Смычногортанный палатализованный *кIь*, например: *кIа́уа* «кузнецик», *кIа́кIа́ра* «верхушка», *кIа́на* «курдюк», *кIа́дара́* «подарок», *мачкIа́с* «палец», *цIынкIа́ра* «бородавка», *жа́кIа* «борода». Долгое *кIькIь* имеем в слове *акIа́кIа́ра* «ржать».

Смычногортанный *кI*, например: *акIакIана* «грецкий орех», *акIрә* «держать», *акIыкIа* «грудь, сосок», *акIылакIра* «втыкать», *чкIашварә* «выпасть» (из рук), *шкIы* «сотня», *мызкIы* «один месяц», *кIыркIылаш* «чечевица». Фонематическое значение имеет противопоставление долгого и краткого *кI*, например, в *кIкIара* «блестеть»; ср. *кIара* «нитка толстая» (шерстяная).

Смычногортанный лабиализованный *кIе*, например: *әкIеа* «пазуха», *шкIеәкIеа* «белый», *кIеымжы* «черкесска», *акIеыррә* «полати», *кIетыу* «курица». Долгий (геминированный) вариант *кIекIе* представлен, например, в слове *чыкIекIерә* «выщипывать, выдергивать».

Глухой палатализованный *кь*, например: *акьәл* «хижина», *акьрә* «вздохнуть», *ласарәкь* «моток шерсти», *кьым* «волчок», *цкьа* «чистый», *шакь* «ружье», *акьынды* «5 часов пополудни».

Глухой *к*, например: *кәмса* «лохматый», *лактә* «лицо», *кыт* «селение», *кшарә* «бить», *кыб* «напильник», *пыка* «мягкий».

Глухой лабиализованный *кв*, например: *ква* «дождь», *кватән* «плуг», *квынцI* «внутренность», *квыс* «сноп», *аквцIарә* «положить на что-либо», *шквәтыу* «все», *пыкв* «губа».

Палатализованные *гь*, *кIь* и *кь* встречаются часто в заимствованных из кабардинского языка словах; в настоящее время в самом кабардинском эти звуки произносятся в зависимости от говора или как *гь*, *кIь*, *кь*, или как аффрикаты *джь*, *чI*, *ч*. (Последнее произношение является господствующим.)

Заднеязычные взрывные. Задне(или мягко)язычными фонемами являются: *кьэ*, *кь*, *кье*, *хь*, *хьэ*. Из них *кьэ* палатализованное отличается более передним местом образования сравнительно с *кь* и *хь*. Последний звук в свою очередь характеризуется той особенностью, что при произношении его (равно как и соответствующего лабиализованного *хьэ*) язык совершает в момент взрыва движение назад, напоминающее движение, которое бывает при глотании.

Палатализованный смычногортанный *кьэ*, например: *кьэарә* «махать», *кьэы* «навоз», *хIакьэа* «плоский камень», *кьэәкьэра* «плоскость», *цIкьэарә* «подкладывать, бить шерсть», *бацIкьэа* «плетень».

Смычногортанный *кь*, например: *кьәма* «кинжал», *кьәкьрә* «дробить» (зубами), *кьәзәкь* «казак», *лакьырд* «насмешка», *джьанIкь* «стебель», *пIкьы* «поясница».

Смычногортанный лабиализованный *кьэ*, например: *кьэал* «мальчик», *әкьэакьэа* «спина», *кьэырмакьәй* «кадык», *кьэыш* «умный», *анкьэәкьэри* «соревнование», *нйкьэгара* «таскать на себе», *пIкьэвыл* «боченок, кадушка».

Глухой *хь*, например: *хьа* «голова», *хьарә* «далеко», *хьыбра* «крыша», *хьымпа* «шапка», *хьыпара* «перешагнуть»¹, *анхьә* «впереди», *ахьтIр* «открывать», *блахь* «лопатка для мамалыги».

Глухой лабиализованный *хьэ*, например: *хьэахьэа* «кривой», *хьэарар* «душить», *хьэы* «доля, пай», *хьэыц* «волос», *абхьэ* «скала», *әнхьэа* «теща свекровь», *хьэлапнй* «вечером», *махьышIә* «запястье» (руки).

¹ Точнее «перепрыгнуть». (Ред.).

Гортанный взрывной. Гортанной смычной (взрывной) фонемой является *э*; образуется этот звук путем взрыва смыка плотно сомкнутыми голосовыми связками гортани. Примеры: *дыгаб* «он существует», *ауага* «там», *азыга* «способный», *шега* «книга», *цэга* «сошка», *зэга* «мастер», *йагыгыу* «там, где оно находится», *дыгыума* «существует ли он?». Необходимо отметить редкость сочетания *эы* и склонность к замене сочетания *эз* посредством *аз*; это явление имеет свою аналогию в явлениях, наблюдаемых в сочетаниях неопределенного гласного *ы* с надгортанными звуками *гI* и *хI*, о чем ср. выше.

Аффрикатные фонемы абазинского языка

Общая характеристика аффрикат. Аффрикатами называются звуки, представляющие собой такое тесное сочетание смычного с близким к нему по месту образования спирантом, что данное сочетание представляет собой единый звук, неразложимый, с точки зрения говорящего, на свои составные элементы. Сравнивая, например, такие слова, как *цIа* «тонкий», *тIса* «олово», *джьымсэ* «бровь» и *д-жьэIара* «оставлять около чего-либо», *тшэга* «тяпка» и *т-шшэра* «котловина», нетрудно заметить существенную разницу: 1) в отчетливости, с какой в сочетаниях *тI-с*, *д-жьэ*, *т-шшэ* различаются составные элементы, в отличие от неразложимых *цI*, *джэ*, *тшэ*; 2) в быстроте, с какой совершается переход от смычки к спиранту в *цI*, *джэ*, *тшэ*, сравнительно с замедленностью и постепенностью перехода от одной работы к другой в последовательности *тI-с*, *д-жьэ* и *т-шшэ*.

Абазинский язык имеет 12 аффрикатных фонем, относящихся по месту своего образования к зубным, алвеолярным и переднеязычным. Сюда относятся: *дз*, *цI*, *ц*, *джэ*, *чIэ*, *чэ*, *джэ*, *чI*, *ч*, *джэ*, *шI*, *тшэ*.

Зубные аффрикаты. Зубных аффрикатов насчитывается три: *дз*, *цI*, *ц*. Различаются они так же, как и соответствующие зубные смычные, по характеру участия при их образовании гортани, на звонкую, смычногортанную и глухую разновидности.

Звонкий зубной аффрикат *дз*: *дзы* «вода», *адз* «иней», *амдзакI* «край», *рэмдза* (чередуется с *рэмза*) «скамья», *адзын* «осень», *дзбэIага* «кормысло», *адзадз* «шило», *дза* «бок», *дзацIыс* «ребро». Долгое *дэдз* слышится, например, в слове *дэдзыц* «ласка».

Смычногортанный зубной аффрикат *цI*: *цIа* «тонкий», *цIацIара* «подкладывать», *цIыдз* «блоха», *ацIыцIара* «выходить из-под чего-либо», *цIырыцIыра* «кричать, визжать», *анцIара* «вкладывать», *амцIа* «перед чем-либо», *уынцI* «уйти отсюда»; долгое *цIцI* находим в сочетаниях, например: *ацIцIыхра* «уходить из-под чего-либо».

Глухой зубной аффрикат *ц*: *ца* «санетка», *цара* «сычуг», *цыца* «редька», *йацIы* «вчера», *амца* «огонь», *ац* «удар грома», *цныхчэIара* «завидовать», *мцы* «ложь», *рцара* «уводить, угонять».

Долгое *цц* возникает в сочетаниях, например: *аццара* «идти вместе с кем-либо».

Альвеолярные аффрикаты. Альвеолярными лабиализованными аффрикатами являются *дже, ч'е, че*. В произношении этих звуков наблюдается такое же разнообразие и колебание по говорам и наречиям, какое мы видели при рассмотрении относительно *шв* и *жв*. В Дударуково-Бибердовском говоре абазинского языка они являются всегда альвеолярными лабиализованными шипящими аффрикатами, с лабиализацией продолговатого типа, характерной и для *шв, жв*. Кумско-Лоовский говор характеризуется заметным ослаблением лабиализации и передвижением места основной артикуляции немного вглубь, к передней части твердого неба; таким образом, звуки *дже, ч'е* и *че* соответственно сближаются и совпадают с аффрикатами *дж, ш'л* и *тш* (о них см. ниже). В Лоовско-Кубанском говоре мы имеем два ряда фонем. Один ряд вполне соответствует шипящим *дже, ч'е, че* Дударуково-Бибердовского говора; второй ряд, условно обозначаемый нами как *дэ, ч'е* и *чэ*, представляет то отличие, что образуется не у альвеол, а у верхних зубов и сопровождается лабиализацией иного типа, приближающегося к господствующему типу округлой лабиализации, сопутствующей соответствующим артикуляциям взрывных и группы лабиализованных задних спирантов. Различие, представляемое лабиализованными аффрикатами в Лоовском говоре абазинского языка, отражает старое различие, существующее в абхазском языке в форме различия между зубными лабиализованными аффрикатами *де, т'е, те* и альвеолярными *дже, ч'е, че*. При постепенной утрате тапантинскими говорами зубных лабиализованных Лоовский говор сохраняет зубную локализацию этих звуков, утраченную другими говорами, вследствие чего у них совпали в группе альвеолярных два первоначально различных по месту образования типа звука. В абхазских наречиях наблюдается незначительное колебание в способах образования аффрикатов *дже, ч'е, че*¹; в Кодорском преобладает акустический тип свистящих и в Бзыбском (так же как и в Зеленчукском абазинском) — шипящие аффрикатов.

Звонкий лабиализованный аффрикат *дже*, например: *джвара* «рвота», *дэджвэ* «один» (разумный), *джэжк'ара* «начинать», *джэжл'ара* «выходить» (наружу). Долгая разновидность, имеющая фонематическую значимость, представлена словом *джэджвара* «мыть» (ср. *джвара* «рвота»).

Смычногортанный лабиализованный аффрикат *ч'е*, например: *ч'е* «печень», *ч'еван* «суп, мясной навар», *ч'евы* «собственность», *ч'еры* «длинный», *рч'ера* «дубить», *ч'ег'еа* «рог», *мч'ач'еа* «ложка», *ч'ежуара* «платье», *х'евыч'евэ* «грязь», *ч'ек'эа* «кислый». Долгая фонема *ч'еч* представлена в противоположении *ч'еч'ивара* «переломиться» (ср. *ч'ива* «сидеть»).

Глухой лабиализованный аффрикат *че*: *чеа* «кожа, сено», *чеаг'эа* «пахать», *чевы* «бык», *чевыл'а* «лестница», *б'чеа* «весенняя шерсть бар

¹ В южноабхазских диалектах имеются лишь свистящие лабиализованные аффрикаты *дэ, чэ, ч'е*. (Ред.).

нов», *хьырчъыгъ* «раковина», *алабыче* «растрепа», *уыче* «спи»¹, *уымчыи* «не спи».

Переднеязычные аффрикаты. Переднеязычными шипящими аффрикатами являются: *джь*, *чI*, *ч*, *дж*, *шI*, *ти*. Из них первые три — мягкие и соответствуют мягким спирантам *ж* и *щ*, последние три — твердые и соответствуют твердым спирантам *ж* и *ш*.

Звонкий, мягкий шипящий аффрикат *джь*, например: *джьаръ* «где-либо», *джьащаръ* «удивляться», *джьымсъ* «бровь», *ръйджьра* «сжегиться», *хIампIаджь* «ступка», *лактапIаджь* «улитка», *чыбджьый* «переп».

Смычногортанный мягкий шипящий аффрикат *чI*, например: *чIдчIа* «шочка», *чIахъва* «хлеб», *гочIыс* «пыленок», *чIыда* «лишний», *мачI* «немного», *чIкIыи* «маленький», *бчIы* «корь». Долгий звук *чIчI* имеем в непроезженной основе *чIчIаръ* «трескаться» (например, о коже на руках).

Глухой мягкий шипящий аффрикат *ч*, например: *чаше* «род печенья», *чачпIау* «род женского украшения», *чыр* «сосунок», *гъычра* «воровать», *тыи* «спокойный», *мчы* «сила», *чаръ* «кушать», *чгIыгча* «одежда».

Долгий *чч* имеем, например, в сочетаниях основ, в слове *ччара* «кормушка» (для лошадей, из *ти* + *чара*) и в основе *аччхара* «дремать».

Звонкий твердый шипящий аффрикат *дж* представляет собою редкий звук, встречающийся в единичных словах, как, например, *джыи* «чеснок», *джыр* «сталь», *хьыдж* «пень», *хьаджа* «род растения».

Смычногортанный твердый шипящий аффрикат *шI*, например: *шIа* «рот», *шIагашIас* «картавющий», *уашIас* «остановись», *шIыуна* «погреб», *шIыхра* «ломать кукурузу», *шIчIвара* «переломиться», *мишIы* «дрова», *хьышIхьыи* «хруст», *тишIыс* «жеребенок».

Глухой твердый шипящий аффрикат *ти*, например: *атиша* «матка оленя», *тишIага* «тяпка», *тишан* «кобылица» *ртишатшара* «разрыхлять землю», *тиш* «лошадь», *тинъыла* «днем», *ртишра* «складывать». Фонематического значения противопоставление *пыттишръ* «разбиться вдребзги» (ср. *пыттиръ* «разбиться»).

Особенности смычногортанных фонем. По поводу всех вообще вышеуказанных смычногортанных звуков абазинского языка следует заметить, что характеризующая их в отчетливом произношении (особенно вне связи речи) напряженность артикуляции отсутствует нередко в нормальной разговорной речи, и смычногортанные заменяются в этом случае простыми (т. е. лишенными гортанной смычки) взрывными звуками; отличие их от соответствующих глухих состоит в этом случае в отсутствии характерного для этих последних придыхания, образующегося вследствие постепенности размыкания образующей звук смычки.

Классификация фонем абазинского языка. Таким образом, звуковая система абазинского языка насчитывает всего, включая сюда и 4 не вполне самостоятельные гласные фонемы (*е*, *о*, *и*, *у*).

¹ Следует — «засни, усни». (Ред.).

71 простую фонему (по говору, положенному в основание литературного языка) или 76 фонем (по Лоовскому говору). Если присоединить сюда и долгие фонемы, стоящие как бы на грани между звуко сочетаниями, возникающими лишь в связи речи, и самостоятельными, неразложимыми звуками (а таких насчитывается до 12), получаем цифру 83 или — по Лоовскому говору — 88 фонем, из коих 6 гласных, а 77 (или соответственно 82) согласных. Такое исключительное звуковое богатство абазинского языка выделяет его даже среди языков Кавказа и резко отличает от большинства европейских языков.

Изложенную выше и иллюстрированную примерами классификацию согласных фонем абазинского языка можно представить наглядно в виде следующих таблиц:

Таблица I

Согласные фонемы абазинского языка

Сонорные фонемы

Губной	<i>y</i>	Зубной-носовой	<i>n</i>
Губной-носовой	<i>m</i>	Альвеолярный	<i>r</i>
Зубной латеральный	<i>l</i>	Твердонебный	<i>ɣ</i>

Таблица II

Спиранты

	Смычно-		
	Звонкие	гортанные	Глухие
Губные	<i>b</i>	<i>βI</i>	<i>ɸ</i>
Зубные	<i>d</i>	—	<i>c</i>
Зубные (латеральные)	<i>lʲ</i>	<i>lI</i>	<i>tl</i>
Альвеолярные (лабиализованные)	<i>ʃe (zɛ)</i>	—	<i>ʃe(se)</i>
Переднебные			
а) мягкие	<i>ʃʲ</i>	—	<i>ɕ</i>
б) твердые	<i>ʃ</i>	—	<i>ɕ</i>
Среднебные			
а) простой	—	—	<i>ʃʲ</i>
б) лабиализованный	—	—	<i>ʃʲʷ</i>
Заднебные			
а) палатализованные	<i>ʒʲ</i>	—	<i>xʲ</i>
б) простые	<i>ʒ</i>	—	<i>x</i>
в) лабиализованные	<i>ʒʷ</i>	—	<i>xʷ</i>
Гортанные			
а) простые	<i>ʒI</i>	—	<i>xI</i>
б) лабиализованные	<i>ʒIʷ</i>	—	<i>xIʷ</i>

Таблица III

Взрывные

	Смычно-		
	Звонкие	гортанные	Глухие
Губные	<i>б</i>	<i>пI</i>	<i>п</i>
Зубные	<i>д</i>	<i>тI</i>	<i>т</i>
Переднеязычные			
а) палатализованные	<i>гь</i>	<i>кIь</i>	<i>кь</i>
б) простые	<i>г</i>	<i>кI</i>	<i>к</i>
в) лабиализованные	<i>гв</i>	<i>кIв</i>	<i>кв</i>
Заднеязычные			
а) палатализованные	—	<i>кьь</i>	—
б) простые	—	<i>кь</i>	<i>кь</i>
в) лабиализованные	—	<i>кьв</i>	<i>кьв</i>
Гортанный	—	<i>ь</i>	—

Таблица IV

Аффрикаты

	Смычно-		
	Звонкие	гортанные	Глухие
Зубные	<i>дз</i>	<i>цI</i>	<i>ц</i>
Альвеолярные			
лабиализованные	<i>джв (дзв)</i>	<i>чIв (цIв)</i>	<i>чв (цв)</i>
Переднеязычные			
а) мягкие	<i>джь</i>	<i>чI</i>	<i>ч</i>
б) твердые	<i>дж</i>	<i>шI</i>	<i>тш</i>

Фонетические особенности наречия Шкарава. Представленная нами система звуков абазинского языка наречия Тапанта ничем по существу не отличается от системы, господствующей в абхазском и в том наречии абазинского языка, которое мы назвали Шкараванским (Зеленчукским). Отступления Зеленчукского наречия, помимо отступлений, отмеченных попутно выше, при характеристике отдельных фонем абазинского языка наречия Тапанта, сводятся к следующим:

1) Зеленчукское наречие имеет факультативно, наряду с краткими гласными *а* и *ы* долгие, не дифтонгические (в отличие от Тапантинского) *аа* (ср. выше сказанное по поводу абазинской фонемы *гI*), *ее* и *оо*; *ее* и *оо* возникают постоянно в соответствии тапантинским сочетаниям *йа ~ ай* или *уа ~ ау*, например: *йыжгарцIоо* (из *йыжгарцIау*) «то, что они делают», *дцеетI* (вм. *дцайтI*, ср. тапант. *дцад*) «он пошел», *йыбреетI* (вм. *йыбрайтI*) «полетела» (о птице), *чоон* (тапант. *чуан*) «котел», *йыкьецIоо* (из *йыкзайцIау*) «то, что он делает», *сцоон* (тапант. *сцун*, *сцаун*) «я шел».

Кроме того, Зеленчукскому наречию (в частности, говору селения Апсуа) свойственно частое появление дифтонга *уй* (как, например,

йысфййтI «я кушаю», *сцуйтI* «я иду» и т. п.), неизвестного тапантинскому наречию (соответствующие тапантинские формы *йысфййд*, *сцыйд* и т. д.).

2) Зеленчукское наречие имеет, как упоминалось выше, зубные лабиализованные аффрикаты *дв*, *тIв*, *тв*, в которых образуемые нормально *д*, *тI* и *т* сочетаются с губным дрожащим звуком типа *р*, звонким при *д*, глухим при *тI* и *т*. Из этих трех звуков наиболее часто встречается глухое *тв*, значительно реже *тIв*, *дв* представлено в единичных морфемах. Кувинскому говору Зеленчукского наречия свойственна факультативная замена этих аффрикатов простыми *д*, *тI* и *т*. Зубные лабиализованные аффрикаты представляют собой наиболее заметную, бросающуюся в глаза особенность Зеленчукского наречия, по этому именно признаку противопоставляемого обычно тапантинскому.

Сочетание звуков

Явление ассимиляции. Только что рассмотренные нами в отдельности звуки, каждый из которых играет определенную смысловую роль, влияя во всяком случае своим присутствием в том или ином сочетании звуков на значение (будь то значение реальное или грамматическое), в силу чего они и являются реально существующими звуковыми единицами языка (фонемами), обладают все же в значительной мере лишь условной, теоретической самостоятельностью фонетического элемента звуковой системы. В речи эти единицы представлены неизменно в сочетании с другими, им подобными единицами, и, находясь в окружении других звуков, звук подвергается нередко заметному на слух воздействию своих соседей. Основной причиной подобного воздействия служит естественное стремление произносительных органов занять наиболее выгодное положение, облегчающее произношение того или иного звукосочетания. Поэтому-то различие в артикуляции двух соседящих звуков по возможности сглаживается или же устраняется, и отсюда возникают многочисленные во всех языках случаи ассимиляции (уподобления) звуков. Действию ассимиляции, изменяющей звуки в сторону их частичного или полного уподобления соседним звукам (наиболее типичный случай наблюдается тогда, когда предшествующий звук уподобляется последующему, каковое явление принято называть регрессивной ассимиляцией), противодействуют зачастую интересы смысловые: изменение каждого звука, в силу самостоятельной значимости отдельного звука-фонемы, может повлиять отрицательно на понимание смысла всего комплекса звуков. Характерной и важной особенностью абазинского языка, как мы увидим далее, служит то, что в нем в степени значительно большей, чем, например, в русском и большинстве европейских языков, с каждым единичным звуком связывается нормально четко определимый реальный или формальный смысл. В силу этой дробности осмысления (семасиологизация) отдельных звуков, входящих в состав звукосочетания, действию ассимиляции представляется весьма

ограниченное место в абазинском языке, и явления комбинаторных изменений сводятся к вполне ограниченному грамматически количеству типов звукосочетаний.

Мы отвлекаемся здесь от сравнительно редких примеров звукосочетаний, подвергшихся ассимиляции и искажению первоначального состава, какие дает этимологический анализ некоторых слов абазинского языка, например, слова: *гIвымсáга* «веник, метла» (возникло из сочетания слов *гIвны* «дом», *псáга* «средство, орудие подметания», отсюда *гIвыпсáга* — *гIвымпсáга* — *гIвымсáга*). Этот пример показывает, что важным условием осуществления ассимиляции служит предшествующая изменению звуков утрата элементами сочетания своего полного значения (первоначальное *гIвны* сохранилось в абазинском в особой падежной форме: *гIвна* и лишь в специальном значении «кухня», тогда как для понятия «дом» употребляется *атдзы*).

Комбинаторные изменения звуков

Изменения систематически е. В предшествующем изложении нами приводились уже примеры изменений, претерпеваемых отдельными звуками языка при сочетании их с другими и называемых комбинаторными (т. е. возникающими в связи). Сюда относятся: 1) изменения гласного *а* под влиянием сонорных *й* и *у* (см. выше); 2) изменения глухих *с*, *шв* и *хI* в глагольных формах под влиянием звонкого согласного в начале глагольной основы (см. выше); 3) изменение гласного *ы* в гласный *а* под влиянием соседящих гортанных *гI*, *хI*, *з* (см. выше).

К приведенным примерам следует добавить ряд постоянных изменений конечных звонких *б* и *д* (в глагольных формах), попадающих в соседство глухих, чаще всего формативов *х* и *ш*, в соответствующие глухие; ср., например, произношение *сычыуцит* «я буду спать (вм. *сычыуцид*), *сысыцита* (вм. *сысыб + цита*) «я ударю и...», *саст* (вм. *сасд*) «я ударил», *сгъэхъмиваст* «я не опаздывал» (вм. *сгъэхъмивасд*), *йыхIпáтхт* «оно дало нам», (вм. *йыхIпáтхд*), *дсырхъвэхп* «я его испытал» (вм. *дсырхъвэхб*) и т. п.

Важным в грамматическом отношении примером явления, противоположного ассимиляции и называемого разуподоблением или диссимиляцией, служит систематический переход *р* (в значении местоименного префикса действующего лица в глагольных формах переходного значения) в *д* в формах повелительного залога. Явление диссимиляции основано в данном случае на стремлении избежать необходимости произнесения дважды подряд сонорного *р*.

Мы видим также, что явлению ассимиляции противостоят те примеры, в которых интересы сохранения смысла парализуют возможность изменения; так, например, *слабá* «моя палка» никогда не изменяется в *злабá* (означало бы «чья палка»), *швла* «ваша собака» не изменяется на *жвла* (означало бы «семя») и т. п., хотя фонетические условия

здесь по существу ничем почти не отличаются от таких примеров, как *йызбыйд* (вм. *йысбыйд*), *йызбыйд* (вм. *йышбыйд*) и т. п.

Тем не менее перечисленные примеры изменений могут быть охарактеризованы в общем как закономерные и систематические, наступающие всякий раз, когда имеет место звуковое сочетание определенного типа.

Изменения спорадические. Наряду с явлениями систематическими есть примеры ассимиляционных изменений единичных или спорадических. Сюда относятся отдельные, изолированные случаи, как: *ачылъыс* «бычок» (из *аче* «бык» + *шъыс* «молодой»), *ажсчъыс* «телка» (из *ажс* «корова» + *шъыс*), *акэтъ* (вм. *ажэтъ* «находящееся в сердце, сердцевина») «середина», *чгъыча* «одежда» (вм. *тигъыча* из *тиш* возвр. местоим. «себя» + *гъыча* «украшение»), *пкъаръ* «молотить», *пкъага* «пеп» (вм. *бкъаръ*, *бкъага*, ср. *йызбъыйд* «молочу»), *атишгъета* «место около очага» (вм. *атишгъета*, из *тигъеа* «очаг» + *та* местонахождение), *аччара* «кормушка» (вм. *атишчара* из *атиш* «лошадь» + *чара* «место еды») и т. д.

Частичное изменение звуков. Рассматривая вопрос с точки зрения характера изменений, которые вызываются действием закона ассимиляции, комбинаторные изменения можно классифицировать на частичные и полные. Частичными изменениями являются такие, в которых звук, подвергающийся ассимиляционному изменению, сохраняет свою обособленность, утрачивая лишь некоторые, наиболее неудобные для произношения в составе данного звуко сочетания черты. В результате такого частичного уподобления возникают иногда оттенки звуков, лишенные самостоятельного значения в речи, вне данного сочетания немислимые и не сознаваемые, как правило, в своих особенностях. Ярким примером столь незначительных изменений звуков, что их не приходится никак выразить средствами существующего абазинского алфавита, служат систематические изменения звонких согласных местоименных частиц спряжения, присоединяемых к основам глаголов, начинающихся на глухой согласной, например, *бцъыд* «ты (женщина) мажешь» (от глагола *цъхра*), где формант *б* утрачивает в значительной мере свою звонкость, но и не переходит совершенно в *п*, а занимает среднее положение полувзвонкого.

Частичные, комбинаторные изменения звуков бывают постоянно в следующих положениях:

1) В положении перед лабиальным согласным нелабиализованные согласные приобретают особый характер частичной лабиализованности; ср. различие *х* и *г* в примерах: *йыхъд* «он работал», с одной стороны, *йыхъгъид* «он будет работать», с другой, или *йызгъд* «я принес» и *йызгъгъид* «я принесу» и т. п.

2) В положении перед палатальным согласным *й* непалатализованные согласные приобретают частичную палатализованность; ср., например, *п*, с одной стороны, в *пйаръ* «встречать» и, с другой стороны, в *пчаръ* «работать».

3) В положении перед звонкими глухие и перед глухими звонкие утрачивают отчасти или вполне свой характер и переходят частично или вполне в соответствующую категорию звонких или глухих. Помимо примеров, приводившихся выше, ср. еще *амыжда* «несчастный» (вм. *амыида* от *ами* «день, удача», *да* «без»), *сцэзтхIа* «хотя я и пошел» (вм. *сцэзд+хIа*), *дэйлыйтта дчвэжвэйд* «он встает и говорит» (вм. *дэйлыйд+та дчвэжвэйд*; *д* в начале последнего слова отличается особым характером полувзвонкости, для какого-либо звука нет специального буквенного обозначения), *йыбэп* «она вязкая, липкая» (о грязи) (вм. *йыбэпб*) и т. п. Равным образом наблюдаются случаи перехода глухих и звонких в смычногортанные под влиянием следующего смычногортанного и обратно, ср. например, *бацIкэъа* «плетень из хвороста» (вм. *бацкэъа*, ср. *баца* «хворост»), *уалчэй* «войлок» (вм. *уалIчэй*, ср. *уэлIа* «бурка»), *йылэкиIтI* «она смогла поймать» (вм. *йылэкиIд*) и т. п.

Полное изменение звуков. Полными по своему результату комбинаторными изменениями оказываются те случаи изменений частичных, когда в результате уподобления возникают долгие звуки. Это бывает чаще всего тогда, когда пришедшие в соприкосновение звуки различались первоначально только по характеру участия в их произношении гортани, как, например: *дэйлыйтта*, *йыбэп* и т. п. (ср. эти примеры выше).

К перечисленным категориям ассимиляционных и диссимиляционных изменений звуков в составе звуко сочетаний остается добавить единственный, весьма редко встречающийся в абазинском языке особый тип ассимиляционного упрощения, состоящий в утрате целого слога, когда он начинается с одинакового с предшествующим слогом звука, в двух рядом стоящих слогах. Сюда относятся примеры типа: *ансэйквша* (*ансэйквша*) «ежегодно» (вм. **ансэйсыквша*, **ансэйквша*).

Слог и виды его

Сущность слогаобразования. Сочетаясь друг с другом, отдельные звуки образуют цепь звуков, находящихся в тесной взаимной связи и влияющих нередко, как мы только что видели, один на другой. Сочетающиеся в такой звуковой ряд звуки различаются, естественно, по степени своей акустической слышимости, и в каждой данной последовательности звуков выделяются на общем фоне отдельные моменты большей звучности. Количество моментов относительно большей звучности (слышимости), содержащихся в известном отрезке произносимой речи, определяется фонетически количество слогов, имеющих в цепи звуков, составляющей взятый нами отрезок речи. Таким образом, слогом называется такой, состоящий из одного или нескольких отдельных звуков, отрезок речи, который характеризуется прежде всего моментом большей звучности на фоне соседящих звуков меньшей звучности.

Вторым важным моментом, определяющим количество слогов в данной последовательности звуков, служит способ произношения входя-

щих в ее состав согласных. Каждый согласный, как допускающий произвольно длительное протягивание его в произношении (а таковыми являются все согласные, за исключением простых мгновенных), так и не допускающий, может быть произнесен двойко: с усилением выдоха в начале и ослаблением в конце произношения или, наоборот, с ослаблением в начале и усилением в конце; согласные, допускающие протягивание, могут быть произнесены еще и третьим способом, а именно с усилениями в начале и конце и ослаблением посередине. В зависимости от того или иного способа произношения согласного данный согласный оказывается признаком начала слога, конца его или границы между двумя соседними слогами. Ср. различный, в указанном смысле, характер *с* в словах: *à-саc, са-сѝ, а-бѝс, ѝс-са, а-сѝс, уис, ѝс-кѝш, сѝкѝ-шѝ, ѝ-лас, ла-сѝ-лас* и т. п. (дефисом разделены здесь отдельные слоги).

Виды слогообразования. Роль звука, образующего слог, играет обычно та категория звуков, которая отличается наибольшей звучностью, а именно гласные. В зависимости от того, стоит ли слогообразующий гласный в середине или на конце той группы звуков, которая объединяется в один слог, слоги распадаются на два вида: закрытые и открытые. Закрытыми называются такие слоги, в которых слогообразующий гласный находится внутри слога, открытым такие, которые имеют гласный в конце.

Таким образом, наряду с гласными, функцию слогообразования может выполнять любой звук, отличающийся от соседних с ним своей относительно большей акустической слышимостью. Мы видим поэтому во многих языках в роли словообразующих звуков сонорные, стоящие ближе других согласных к гласным. Абазинский язык, вследствие недостатка в нем гласных звуков, идет в предоставлении согласным роли главного, образующего слог звука, как уже упоминалось, значительно дальше большинства других языков и в нем эту роль выполняют, смотря по обстоятельствам, не только два гласных *а* и *ы* (сюда же относятся четыре вторичных гласных *э, о, и, у*) и шесть сонорных *й, у, м, н, р, л*, но и все спиранты и аффрикаты. Приведем примеры различных видов слогообразования в абазинском языке.

Гласный *а*: *ѝлапѝатѝара* «смешиваться» (5 слогов: *а-ла-пѝа-тѝа-ра*), *ѝлага* «начинать» (4 слога: *а-ла-га-ра*), *сарѝ* «я» (2 слога: *са-ра*), *ла* «собака» (1 слог).

Гласный *ы*: *ѝырыздыргѝмыз* «установленное для них» (5 слогов: *ѝы-рыз-дыр-гы-мыз*), *ѝыгѝйѝлышѝумызд* «он не мог» (4 слога: *ѝыгѝ-ѝыл-шыу-мызд*), *пымылгѝды* «верхняя часть руки» (3 слога: *пы-мыл-гѝды* или *пы-мылгѝ-ды*), *хѝвынчѝгѝы* «грязь» (2 слога: *хѝвын-чѝгѝы*), *мишѝы* «медведь» (1 слог).

Сонорный *й*: *ѝыбѝзѝгѝыд* (3 слога: *ѝ(ы)-бѝа-з(ы)ѝд* или *ѝыб-за-з(ы)ѝд* из них первый и третий имеют в нормальном произношении в качестве слогообразующего согласный *й*), *ѝынѝцѝгѝыд* «они выходят» (3 слога: *ѝ(ы)-ны-цѝгѝ(ы)ѝд*, первый и третий имеют слогообразующее *й*).

Сонорный *y*: *y(ы)бзэз(ы)ун* «ты жил» (3 слога: *y(ы)-бза-з(ы)ун* или *y(ы)б-за-з(ы)ун*; из них первый и третий имеют в нормальном произношении *y* в качестве слогаобразующего звука), *y(ы)ныцI(ы)уид* «ты выйдешь» (3 слога: *y(ы)-ны-цI(ы)уид*).

Сонорный *m*: *кIом(м)унйз(ы)м* (4 слога: *кIом-му-ни-з(ы)м*, из них последний может факультативно отсутствовать, или образуется слогаобразующим *m*), *хв(ы)мбырцIакIа* «муравей» (4 слога: *хв(ы)м-быр-цIа-кIа*, из них первый образуется двойко: с помощью *ы* или с помощью *m*).

Сонорный *n*: *адз(ы)н* «осень» (2 слога: *а-дз(ы)н*, из них второй образуется нормально слоговым *n*), *хв(ы)нгылра* «наступить на что-либо» (3 слога: *хв(ы)н-гыл-ра*, из них первый образуется двойко, с помощью *ы* или с помощью *n*).

Сонорный *l*: *арб(ы)лрә* «жечь» (3 слога: *ар-б(ы)л-ра*, из них второй образуется слоговым *l*), *йыгьрйдс(ы)луам* «оно к ним не проникает» (4 слога: *йыгь-рйд-с(ы)л-уам*, из них третий образуется нормально с помощью *l*).

Сонорный *r*: *йырышвымаб* «вы имеете для них» (4 слога: *йы-рыш-вы-маб*, из них второй образуется нормально с помощью слогового *r*), *акIе(ы)ррә* «ползти» (3 слога: *а-кIе(ы)р-ра*, из них второй образован слоговым *r*), *йанджвыкв(ы)рцIа* «когда они начали» (4 слога: *йан-джвы-кв(ы)р-цIа*, из них третий образован с помощью *r*; возможно и трехслоговое произношение *йан-джвыквр-цIа*).

Спирант *ф*: *ат(ы)фгIара* «выгрызать» (4 слога: *а-т(ы)ф-гIа-ра*, из них второй образован слоговым *ф*; возможно и трехслоговое произношение *ат-фгIа-ра*).

Спирант *з*: *м(ы)зкIы* «1 месяц» (2 слога *м(ы)з-кIы*, из них первый имеет слогаобразующее *з*); *амцаб(ы)з* «шламя» (3 слога: *ам-ца-б(ы)з* или *а-мца-б(ы)з*, из них последний имеет слогаобразующее *з*; возможно двухслоговое произношение *ам-цабз*), *аб(ы)зшва* «язык» (3 слога: *а-б(ы)з-шва*, второй образован с помощью слогового *з*; возможно двухслоговое произношение *абз-шва*).

Спирант *с*: *агIм(ы)ста* «дворянин» (3 слога: *агI-м(ы)с-та*, из них второй образован с помощью *с*), *йыгь(ы)стакьым* «я не хочу» (4 слога: *йы-гь(ы)с-та-кьым*, из них второй может быть образован с помощью *с*).

Спирант *жъ*: *б(ы)жъквә* «звук» (2 слога: *б(ы)жъ-квә*, из них первый образован с помощью *жъ*), *аб(ы)жъба* «семь» (3 слога: *а-б(ы)жъ-ба*, из них второй образует *жъ*; возможно двухслоговое произношение *абжъ-ба*).

Спирант *ц*: *ахь(ы)црә* «тереть» (3 слога: *а-хь(ы)ц-ра*, из них второй образуется с помощью *ц*), *гIам(ы)цтахь* «после этого» (3 слога: *гIа-м(ы)ц-тахь*, из них второй образуется слоговым *ц*).

Спирант *шв*: *йырыкв(ы)швцIа* «наложите на них» (4 слога: *йы-рыкв(ы)шв-цIа*, третий образуется слоговым *шв*; возможно трехслоговое произношение *йы-рыквшв-цIа*).

Спирант *ш*: *м(ы)шкIы* «один день» (2 слога: *м(ы)ш-кIы*, из них первый образован слоговым *ш*), *х(ы)шрадзәга* «педилка» (для молока)

(4 слога: *x(ы)ш-ра-дза-га*, из них первый образован с помощью слогового *ш*).

Спирант *гъ*: *тшиб(ы)гъра* «чесаться» (3 слога: *тши-б(ы)гъ-ра*, из них второй образован слоговым *гъ*); *чГым(ы)гъ* «гвоздь» (2 слога: *чГы-м(ы)гъ*, из них второй образован слоговым *гъ*).

Спирант *x*: *п(ы)хдзы* «пот» (2 слога: *п(ы)х-дзы*, из них первый содержит слоговое *x*; возможно однослоговое произношение *пхдзы*), *рәхе(ы)хча* «пасть» (3 слога: *ра-хе(ы)х-ча*, из них второй со слоговым *x*; возможно двухсловное произношение *рахе-хча*).

Спирант *гъь*: *аб(ы)гъькьва* «листья» (3 слога: *а-б(ы)гъь-кьва*, из них второй образуется слоговым *гъь*).

Спирант *гьв*: *аклэс(ы)гьв* «классная доска» (3 слога: *а-кля-с(ы)гьв* или *ак-ля-с(ы)гьв*, из них последний может иметь слоговое *гьв*).

Аффрикат *ти*: *п(ы)тирә* «ломать» (2 слога: *п(ы)ти-рә*, из них первый содержит слоговое *ти*; возможно однослоговое произношение *птирә*).

Аффрикат *шГ*: *м(ы)шГкәй* «дрова» (2 слога: *м(ы)шГ-кәй*, из них первый содержит слоговое *шГ*).

Аффрикат *цГ*: *арб(ы)цГрә* «сжимать» (3 слога: *ар-б(ы)цГ-рә*, из них второй содержит слоговое *цГ*) и т. д.

В примерах, нами приведенных, мы держались обычного в абазинской письменности приема выражения слоговости согласных путем постановки перед ним *ы*. Такое обозначение слоговости согласного находит себе полное оправдание в том, что действительное произношение слогового согласного граничит с произношением его как сочетания *ы* + соответствующий (неслоговой) согласный. Такое колебание в способе слогаобразования — с помощью слогаобразующего краткого гласного *ы* или же с помощью длительного согласного — представляет существенную особенность абазинского языка, характеризующую нормальную разговорную речь и служащую источником постоянных колебаний в передаче слов абазинского языка на письме. Ближайшим основанием для таких колебаний служит разница между слогами по ударению.

Наряду с различием слогов по характеру слогаобразующего звука, важным является различие их в зависимости от ударения. Присматриваясь к типичным видам слогаобразования, мы замечаем еще одну характерную особенность абазинского языка: в слогах под ударением, как открытых, так и закрытых, возможны только гласные *а* и *ы*, в слогах без ударения, закрытых встречаются только гласный *а* и слоговые согласные. Гласный *ы* оказывается в слогах без ударения открытых только в единичных примерах, тогда, когда они содержат мгновенные взрывные, не принимающие на себя функции слогаобразования, как, например, *тыдзы*.

Колебания в количестве слогов. Вышеприведенные примеры показывают, что помимо колебания в слогаобразующем звуке нередко наблюдается колебание в количестве слогов и колебание

в границах слогораздела. Колебания в количестве слогов имеют место, например, в примерах: *амз* (1 слог), *амыз* (2 слога); *ок-тябр* (2 слога), *октя-быр* (3 слога); *со-ци-а-ай-зым* (5 слогов), *со-ци-а-айзм* (4 слога) ~ *со-цья-айзм* (3 слога); *дыкэв-гә* «ухаживай за ним» (2 слога), *дыкэв-гә* (3 слога); *а-лых-ра* «вычитать» (3 слога), *алх-ра* (2 слога); *шйт-рә* «возглас» (2 слога), *штра* (1 слог); *рып-нй* «у них» (2 слога), *рны* (1 слог) и т. п. Колебания этого порядка должны быть стеснены по преимуществу за счет различий в темпе (быстроте) речи; полнослоговые варианты характерны для медленной, нарочитоотчетливой манеры произношения.

Колебания в границах слогораздела. Колебания в границах слогораздела наблюдаются постоянно тогда, когда два соседних слогаобразующих гласных разделены больше чем одним неслогаобразующим согласным, как, например: *ан-хә-га* «орудие труда» (произносится и так: *а-пхә-га*), *а-шилй* «дрова» (иначе *ам-шилй*), *а-пхар-та* «школа» (иначе *ап-хә-рта*, *ап-хәр-та*), *дзәм-гIа* «щека» (иначе *дзә-мгIа*) и т. п.

Основной причиной такой неустойчивости является однослоговость подавляющей массы морфем абазинского языка и истекающее отсюда постоянное столкновение интересов собственно-произносительных с интересами морфологического анализа синтагмы. С точки зрения чисто произносительной разделение двух и трехсоставных сочетаний согласных между слогами естественнее и удобнее; между тем большинство сочетаний согласных возникает внутри слова лишь в результате сочетания отдельных морфем, встречается и в начале слова и потому не представляет затруднений для произношения в составе одного слога — нетрудно отнести их целиком к последующему слогаобразующему гласному. Такое произношение может быть поддерживаемо и грамматическим анализом сочетания, также, как правило, не представляющим никаких затруднений для говорящих.

Господствующим, повидимому, является все же такое разделение слогов, когда из двух согласных первый относится к первому, а второй — ко второму слогу, т. е. *ан-хә-га*, *ам-шилй* и т. п.

В тех случаях, когда количество согласных превышает два, первый относится к предшествующему, второй и третий (а иногда и четвертый, когда сочетаются четыре согласных) к последующему. Во всех случаях нарушения этой нормы отступления вызываются соображениями морфологического анализа, например: *апи-та* (вм. *ап-ита*) «подобно тому» (морфологически — сочетание *апи + та*), *йә-ла-газд-хIа* (вм. *йә-ла-газд-гIа*) «хотя они и начали» (морфологически — сочетание *йәлагазд + хIа*) и т. п.

Типы сочетания согласных в слоге. В начале непроемных слов встречаются в абазинском языке нормально один или два согласных, те же сочетания согласных допустимы и в конце слов. Так, одно- и двухсогласный зачин имеют, например, *багә* «лисица», *бна* «лес», *бгъы* «лист», *ца* «сапетка», *цхIә* «мост», *цIа* «тонкий», *цIа*

«дереву», *цIхы* «ночь», *да* «лягушка», *фара* «кушать», *швы* «дверь», *швIа* «толстый», *ган* «ширина», *гды* «безрогий», *гъара* «забор», *гвръхIа* «топор», *гъаза* «мастер», *хIа* «груша» и т. п.

Сочетания двух согласных, стоящих в зачине производных (с точки зрения современного понимания) слов, подчиняются в своем большинстве закону ассимиляции звуков по признаку однородности участия гортани в образовании каждого из входящих в сочетание элементов, т. е. сочетаются или два звонких, или два глухих, или два смычно-гортанных.

Однако в единичных случаях, в словах, очевидно, вторичного (производного) состава, мы видим нарушение этого правила, как, например: *бчва* «весенняя шерсть» (*б+чва*), *бкъаръ* «молотить» (произн. чаще *пIкъаръ*), *фгIвы* «запах», *цIба* «обвинение» (произн. чаще *дъба*) и в некоторых других. Этимологический анализ показывает, что соответствующие слова подверглись частично неправильному осмыслению, в результате чего и получилось нарушение господствующей нормы. Так, например: *бчва*, восходящее к сочетанию *п* «ранний, весенний» (ср. *агIапын*) и *чва* «кожа» ассоциировалось с *аб* «козел»; *цIба*, составленное из *дъ* «бок, сторона» и *ба* «смотреть», — ср. сочетание соответствующего абхазского слова *дъба* «подозрение», собств. «взгляд сбоку, искоса» — осмысляется, как *цI+ба* «взгляд из-под чего-либо», ср. *а-цIы-хра* «вынимать из-под чего-либо» и т. п.

Реже встречаются три согласных: *цхъръгIара* «помогать», *псаръ* «стругать», *пкъау* «журавль», *пслачъ* «рыба», *пслымдз* «болото», *пстIа* «роса», *пидза* «красивый», *пхты* «короста», *стхIвъага* «дровни» (для вывоза снега), *цкIла* «стремя» и т. д.

В единичных, весьма редких случаях находим примеры четырех согласных в зачине производного слова: *пстхIа* «туча». Чаще такое количество согласных встречаем в сочетании самостоятельных морфем, например, *пциIчIвдракI* «четыре слога».

Сочетание четырех согласных в конце слова характеризует целый ряд плаговых форм сложного морфологического состава, например, *рархIвхд* «они им сказали», *джIаIштвд* «он провалился», *дгъыIгъхъым-цIхд* «он не смог его согнать прочь», *дгIауцIцIхд* «он окончил, вышел» (из школы), *йыгIауIшвцт* «выпускайте», *дгIаджъылдрыштхд* «они его выбросили наружу», *йыгIакъыжсгIсхб* «вы перепишите», *йыгъагIемыцтсд* «я не пропустил». Во всех примерах этого рода конечный смычный не имеет полного образования. Иногда встречаются четыре согласных и в именных сочетаниях, например: *къабарднц* «кабардинцы». Сочетание четырех согласных в начале или конце слога является предельным по количеству допустимых в одном слоге сочетаний согласных. Это же число определяет собою и все сколько-нибудь часто встречаемые сочетания согласных, возникающие внутри сложных по составу слов.

Правила графического выражения количества слогов. Рассмотренные нами явления слогаобразования в абазинском языке дают повод к некоторым практическим выводам, которые полезно

сделать в интересах упорядочения существующей орфографической практики.

Прежде всего необходимо сформулировать следующее основное правило графического выражения количества слогов в каждом данном слове. Соответственно наиболее отчетливому произношению, из двух чередующихся способов слогаобразования неударенных слогов — с помощью гласного *ы* и с помощью длительных согласных — предпочтение надо отдавать написанию таких слогов через гласный *ы*. Таким образом, в слове пишется столько гласных букв (*а* или *ы*), сколько слогов слышится в данном слове. В частности, следует решительно осудить систему обозначения слога посредством лабиализованных согласных и сонорных *й* и *у* там, где функция слогаобразования ложится на них в условиях нормальной разговорной речи. Класть в основу орфографии нормы неотчетливой речи не принято даже в условиях таких языков, где осмысление речи не связывается, как правило, с каждым отдельным слогом, как в абазинском; тем менее можно согласиться с таким небрежным отношением к обозначению слога в абазинском языке. Следует признать, конечно, что означение слоговости посредством *ы* во всех без исключения случаях не экономично. В самом деле, небезразлично с точки зрения экономии пространства, напишем ли мы, как пишут иногда *ижъийд* «они куют», или — фонетически точно — *йыжьыйыйд*, *шкытугы* «все», или *шкытыгыый*, и т. п. Но представляется, что создавать в силу интересов экономии пространства принцип не фонетического, а, на подобие арабской письменности, символического написания нет достаточных оснований. Бесспорной является во всяком случае: 1) необходимость обязательного обозначения во всех слогах под ударением или *а* или *ы*; поэтому недопустимы ни в каком случае такие написания, как *ула* «твой глаз», *ила* «его глаз» вм. *уыла*, *йыла* (ср. *сыла*, *лыла*), *злу* «в котором находится», вм. *зылу*, *ауи* «тот» вм. *ауый*, *агула* «сосед» вм. *агеыла* и т. п.; 2) желательность систематического обозначения, даже и в слогах без ударения, гласного *ы* в литературе элементарно-педагогического и научно-лингвистического назначения, т. е. букварях, школьных учебниках родного языка, словарях, диалектических записях и т. п., мы пишем, следовательно, *йыжьыйыйд* [а не *йыжьыйид*], *шкытыгыый* [а не *шкытугы*], *йырэхIв* [а не *ирэхIв*], *мышкIы* [а не *микIы*], *убызыун* [а не *у-базун*] и т. п.

Правила слогоразделения. Второй практический вывод касается: 1) правил разделения на слоги и 2) ставимых обычно в зависимости от них правил переноса слов. Нам представляется целесообразным держаться естественного произносительного принципа, хотя бы он и противоречил в некоторых единичных случаях более естественному морфологическому анализу. Следовательно, делить следует так:

1) Если между двумя гласными стоит один согласный, то он относится к следующему за ним гласному, *а-ба-ба-ра* «видеться друг с другом», *а-ны-ца-ца-ра* «предписывать».

2) Если между двумя гласными находятся два согласных, то первый из них относится к первому, второй ко второму гласному: *аб-жьа-гIан-ны* «обычно», *ам-хьIр-та* «просяное поле» и т. п. Следует оговорить неотделимость знаков дополнительной лабиализации и палатализации, равно как и знака *I* (в сочетаниях *фI*, *лI*), от основной буквы, например: *а-гьа-ра* «забор», а не *аг-ва-ра*, *а-хьIс-ра* «прикоснуться», а не *ах-ьIс-ра*, и т. д.

3) Если между двумя гласными находятся 3 согласных, первый относится к первому гласному, последующие ко второму: *ап-тирIа* «ломать», а не *апти-рIа*, *ац-кеша* «в (таком-то) году», а не *ацк-ша* и т. п.

В действительности слогораздел колеблется здесь, в зависимости от морфологического анализа, чаще, чем в примерах, отмеченных в пункте 2. Предлагаемое правило регламентирует здесь единообразие, исходя из количественного преобладания примеров рекомендуемого способа слогоразделения.

4) Если между двумя гласными находится четыре согласных, первые два относятся к первому слогу, вторые два — ко второму: *апс-тиIва* «туча».

Правила переноса слов. Предложенные правила имеют в виду потребности школьной практики. Было бы нецелесообразно ставить в зависимость от данных правил слогоразделения правила переноса слов в широкой практике национального издательства. В отношении последнего минимум требований при переносе слов со строки на строку сводится к недопустимости оставления или переноса согласных без гласной или одной гласной и к неотделимости от основной буквы знаков дополнительной лабиализации, палатализации и смычно-гортанности.

Ударение

Речевые такты. Те отрезки речи, которые, как мы видели, по признаку большей звучности одного из входящих в их состав звуков, объединяются в некоторое единство, называемое слогом, так же мало самостоятельны в обыденной речи, как и составляющие их отдельные звуки. Обыденная речь слагается обычно из целого ряда слогов, объединяемых в произношении в особые, следующие одна за другой группы, по признаку наличия в составе каждой группы одного более заметного слога, как бы господствующего над соседящими с ним слогами. Каждая такая группа слогов (в состав которой в абазинском языке входит обычно от 2 до 6 слогов) образует так называемый речевой такт, а признаком, по которому выделяется господствующий внутри такой группы слог, служит так называемое ударение. Мы уже упоминали в предшествующем изложении об ударении и его значении для слогообразования. Любая выхваченная из речи последовательность слогов, превышающая числом пять, будет обязательно иметь по крайней мере один слог, выделяющийся из числа других тем, что на него падает ударение.

Сущность и смысловая роль ударения. Ударение в абазинском языке состоит в том, что слог под ударением (точнее слогообразующий гласный этого слога) произносится более энергично и, повидимому, с большей затратой выдыхаемого воздуха, чем остальные, неударные слоги. С ударением в абазинском языке нормально не связано ни сколько-нибудь заметное повышение тона ударяемого гласного, ни удлинение его. В этом отношении абазинское ударение отличается слегка от русского и абхазского, в которых сила выдоха при ударении и некоторые вторичные, связанные с этим явления удлинения и повышения тона ударяемого гласного заметнее, почему определить на слух место ударения в абазинском слове обычно труднее, чем в словах указанных двух языков. Несмотря на это, роль абазинского ударения в системе языка исключительная и грамматически значительно более ответственная, чем, например, в русском. Ударение является в громадном количестве примеров единственным средством различения по смыслу слов и словосочетаний, во всех остальных отношениях ничем не различающихся. (О понятиях слово и словосочетание см. ниже). Определяя более точно, абазинское ударение выполняет двойную смысловую функцию: функцию различения слов по их реальному, самостоятельному смыслу и функцию различения слов по формальному, относительному смыслу. Приведем примеры того и другого рода.

Ударение в роли средства реально смыслового различения: *ала́ба* «кобель», *алаба́* «палка»; *а́мгIа* «ручка», *амгIа́* «чувяк»; *а́цIла* «дерево», *ацIла́* «клей»; *аса́рә* «кроить», *асәра́* «ягнята»; *а́цIарә* «нестись» (о курице), *ацIарә́* «острота»; *а́чва* «сон», *ачва́* «сено; гной»; *а́гIера* «бежать», *агIера́* «писать»; *хэ́ада* «без головы», *хэада́* «главарь»; *а́ца* «кровь», *аца́* «брат»; *а́чара* «северный склон», *ачара́* «кушать»; *а́сра* «бить», *асра́* «ткать»; *да́ра* «очень», *дара́* «они»; *а́гIайра́* «расти, произрастать», *агIайра* «приходить»; *ала́гара* «начинать», *алагара́* «молоть»; *ала́швара* «падать во что-либо, возникать», *алашвара́* «полоть»; *ала́швәра́* «замерзнуть в чем-либо», *алашвәра* «слепота»; *ажвә́ра* «варить», *ажвәра* «пить, старость»; *а́цыхра* «разувать», *ацыхра́* «мазать»; *ау́саә* «овца», *ау́са* «так»; *а́хра* «косить, толочь», *ахра́* «скала»; *а́цара* «сычуг», *ацара́* «идти»; *а́ла* «глаз», *ала́* «собака» и т. д.

На грани между реально смысловой и формально смысловой различительной функцией ударения стоят такие примеры: *йы́хIвәд* «они его попросили», *йыхIвә́д* «он сказал» (здесь *йы́хIвәд* заменяют, в силу недопустимости двух *и* в одном слоге, *йы́йхIвәд*, *хIвә* общий в обоих случаях корень: «говорить, просить»); *а́цтацара* «идти вслед за чем-либо», *ацтацара́* «идти (вслед друг за другом) по порядку»; *а́дчпалра* «приделать к чему-либо», *адчпалра́* «прийти к соглашению по поводу чего-либо» (букв. «совместно приделаться к чему-либо»); *аквы́лра* «ложиться поверху, на чем-либо», *аквылра́* «нападать, налечь на кого-либо»; *йа́пшыу* «похожий на то», *йапшы́у* «похожие друг на друга»; *йа́лыу* «состоящий в чем-либо», *йалы́у* «состоящее совместно в чем-либо, образующие единство»; *а́лыхра* «вычитать», *алы́хра* «разбирать» и т. д.

Ударение в роли средства формально-смыслового различия: *апхъадзàрà* «считать», *апхъадзàра* «счет, число»; *агIайрà* «рости», *агIайыра* «растение»; *чIеарà* «сидеть», *чIвàра* «диван» (для сидения); *чàрà* «кушать», *чàра* «кушанье, еда» (например, в составе *щыбжьанчàра* «обед»); *хъшàрà* «приходить», *хъшàра* «происхождение, род, порода»; *абарà* «сохнуть», *абàра* «засуха»; *бзыйхарà* «делать хорошее», *бзыйхара* «становиться хорошим»; *агIолхоз уàтра рчъагъвàд* «они вспахали колхозный огород», *агIолхоз уатра рчъагъвàд* «колхоз вспахал огород»; *хIкыт кIолхоз чартàдыу рымàб* «наш колхоз имеет большую столовую», *хIкыт колхоз-чàртàдыу рымàб* «наше селение имеет большую колхозную столовую» и т. п.

Таким образом, обремененное важной смысловой функцией абазинское ударение не имеет определенного места в слове и встречаются слова всех возможных типов ударения (на первом, втором, третьем и т. д. слоге многочисленного слова).

Ударение словесное. Необходимо различать по крайней мере два вида ударения: ударение отдельного слова, ударение словесное и ударение словосочетания — ударение синтаксическое.

Ударение словесное характеризует отдельное самостоятельное слово и, как таковое, служит средством различия двух категорий морфем в абазинском языке: морфем фонетически самостоятельных, так называемых слов, имеющих свое ударение, и морфем фонетически несамостоятельных, своего ударения не имеющих. К первой категории относятся преимущественно названия предметов и их качественных признаков, названия действий и состояний и их качественных признаков, т. е. так называемые имена существительные, прилагательные, глаголы (в том числе глагольные имена и причастия) и наречия.

Ко второй категории относятся преимущественно частицы указательные, счетные, соединительные и усилительные. Морфемы второй категории, как мы увидим далее, следует назвать служебными или формального значения морфемами.

Ударение неподвижное. По ударению слова абазинского языка разделяются на два основных типа: слова с неподвижным ударением и слова с подвижным ударением; при этом передвижение ударения происходит при присоединении к имеющей реальное значение основе слова известных, нормально лишенных своего ударения служебных морфем (сюда относятся падежные окончания, окончания времени, наклонения и т. п.).

К первой категории относятся: 1) те слова, основа которых состоит из одного закрытого слога, например: *уыс* «дело», ср. такие формы, как *ауыс*, *уысI*, *уыста*, *уысла*, *ауыска*, *уысда*, *уысара* и т. п.; *бзый* «хороший», ср. такие формы, как *абзый*, *бзыйI*, *бзыйра*, *абзыйка*, *бзыйхара* и т. д.; *гъыч(ра)* «воровать», ср. формы *агъычра*, *йыгъыч*, *дыгъычыйд*, *йыгъычид*, *йыуызысгъычид* и т. п.; 2) слова с двусложной или многосложной основой, с ударением не на последнем слоге, например: *нхàрта* «место работы», *гвàра* «забор» (ср. производные формы, такие

как *анхърта*, *нхъртакI*, *анхъртаква*, *нхъртаквакI*, *нхъртата*, *нхъртаквата*, *нхъртала*, *нхъртаквала* и т. д.; *агвара*, *гваракI*, *агвараква*, *гвара*, *гварала* и т. д.; сюда относится, между прочим, большое количество многослоговых заимствованных слов: *революца*, *бригада* и т. п.

Ударение подвижное. К словам с подвижным ударением относятся все слова, основа которых состоит из одного открытого слога. Слова с подвижным ударением распадаются на две категории: слова с ударением, продвигающимся вперед, и слова с ударением, отодвигающимся назад. Примеры первого типа слов: *ла* «глаз», ср. формы *ала*, *алаква*, *алаквагый*, *лама*, *лада* и т. д.; *хъшвы* «порох», *ахъшвы*, *ахъшывка*, *хъшывла*, *хъшывта* и т. д.; *сасы* «гость», *асас*, *асасва*, *сасыкI* и т. д.; *марà* «солнце», *амара*, *амараква*, *марала* и т. д.; *цIла* «дерево», *ацIла*, *ацIлаква*, *цIлайла*, *цIлайта* и т. д.; *чегъа* «плохой, злой», *ачегъа*, *ачегъаква*, *ачегъара* и т. д.; *гIера* «бежать», *агIера*, *сыгIейд*, *сыгIеуан* и т. д. Примеры второго типа слов: *ла* «собака», *ала*, *алаква*, *алаквагый*, *лала*, *лата*, *лакI* и т. п.; *багà* «лицца», *абагà*, *абагаква*, *абагаквагый*, *багàла*, *багàта*; *ца* «сапетка», *ацà*, *ацаква* и т. д.; *цIла* «клей», *ацIла*, *ацIлаква*, *цIлайла* и т. д.; *цIарà* «острый», *ацIарà*, *ацIараква*, *ацIаракварà*, *ацIаракхийд* «он становится острым» и т. п.; *гIера* «писать», *агIера*, *ыгIейд* и т. д.

Из только что приведенных примеров явствует, между прочим, что имеются служебные морфемы двух категорий: принимающие на себя переходящее с основы ударение и не принимающие его; к последним относится, как видно из примеров, морфема орудивного (творительного) падежа *ла*, ударения не принимающая даже в тех случаях, когда слово принадлежит к категории слов с отодвигающимся назад ударением. К числу не принимающих ударения служебных морфем относятся еще: формант наречного (дополнительного) падежа *та*, падежа отсутствия *дъа*, форманты деспричастия отрицательного *кIва* и положительного *мца* (*мцара*, *мцра*), почти все словообразовательные форманты, как, например, *за*, *рта*, *мта* (*нта*), *ра* (последний только в значении собирательном и отглагольно-именном; иначе обстоит дело с *ра*, как окончанием инфинитива), *ца*, *гIа*, далее, формант вопросительного наклонения *ма* (в шкараванском, в отличие от тапантийского и абхазского, этот формант принимает на себя ударение) и др. Большинство морфем системы спряжения относится к категории принимающих на себя переходящее ударение.

Ударение в сложносоставных словах. Сформулированные выше правила абазинского словесного ударения имеют в виду господствующую в отношении отдельного, не сложного слова норму; имеются, впрочем, единичные случаи недостаточно мотивированных, с точки зрения современной системы языка, уклонений, требующих специального исследования. Сюда относится, например: *лымхIа* «ухо», но *лымхIала*; *таба* «сковорода», но *табала* и т. п. Значительно сложнее и при современном уровне разработки законов абазинской акцен-

туации не сводимы к простым, обобщающим формулам правила, регулирующие ударения сложносоставных слов, составляющих значительный процент всего состава абазинского словаря.

Основное действующее здесь правило может быть все же сформулировано следующим образом: всякое сочетание морфем реального значения, переходящее, в силу постоянства последовательности и смыслового объединения в одно целое составляющих его элементов, в сложно-составную единицу речи — слово, нормально имеет ударение на последнем из элементов, если только этот элемент не принадлежит к категории слов с подвижным, передвигающимся вперед ударением. Ср. такие примеры, как *ацанIы* «нога», *ананIы* «рука» (старые сочетания *ца+nIы*, *на+nIы*, где значение элемента *nIы* утрачено), *мачкIыдс* «палец» (сочетание *мачвы+kIыс*), *мараташварта* «запад» (*мара+ташварта*), *ажванахъа* «предложение» (*ажва+нахъа*), *квашуа* «ливень», проливной дождь» (*ква+шуа*), *чватара* «сеновал» (*чва+тара*), *анымхажъа* «лодырь, бездельник» (*анымха+хъа*) и т. п.

Особой сложностью и кажущейся нередко непоследовательностью отличаются те виды сочетания, которые называются нами ниже предикативными, сочетающие нередко в едином фонетическом комплексе длинный ряд элементов, каждый из которых, в зависимости от обстоятельств, оказывает влияние на место ударения. Ср., например, с одной стороны, *азынхъара* «оставаться» (для кого-нибудь), но *уыгIа-сзынхъад* «ты остался для меня» (с двумя ударениями, из которых второе ослабленное), *ыыгIазгад* «я принес», но *ыыгIаныгд* «оно принесло» (ср. *ыысчпыд* «я делаю», но *ыачпыд* «оно делает»), *ахъцара* «строгать, прогонять», но *дышвэжъыцаб* «я прогоню его для вас» (с того места) и т. п.

Ударение синтаксическое. Словосочетания, сохраняющие свой характер многосоставности (в силу неутраченного говорящими самостоятельного значения входящих в сочетание элементов) представляют нередко, когда они сближаются внутри фразы в более тесном синтаксическом и смысловом единстве, особый, отличный от словесного, вид ударения, ударение синтаксическое. Сущность этого ударения состоит в том, что оно выделяет в составе сочетания слово в степени большей, чем это наблюдается при ударении словесном, причем остальные входящие в состав данного сочетания слова сохраняют в известной, ослабленной степени свое самостоятельное ударение. Так, например, в вышеприведенном предложении *хIкыт колхозчартадыу рымаб* «наше селение имеет большую колхозную столовую» на слово *чарта* падает ударение, выделяющее его в составе трех, образующих синтаксическую единицу (с функцией дополнения при глаголе *рымаб*) слов, причем степень сохранности самостоятельного ударения на словах *колхоз* и *дыу* зависит от темпа и степени отчетливости произношения предложения.

Наряду с примерами объединяемых синтаксическим ударением сочетаний самостоятельных слов, сохраняющих в той или иной мере каждое ударение (типа *уажъыла цIыдс* «летучая мышь» (букв. «ночная

птица»), в приводимом примере со слабым ударением на первом *и* и более энергичным на втором), мы имеем более редкие примеры двойного ударения при сочетании несамостоятельных морфем языка (типа *йдыркйылыд* «жмет» (о сапоге), где *а* может иметь факультативно некоторое ударение, при главном ударении на слоге *кйыл*).

Слияние слов в словосочетании. Следует отметить естественную тенденцию всякого синтаксического ударения вытеснить ударение словесное и слить, таким образом, словосочетание в одну фонетическую единицу-слово; одним из обнаружений этой тенденции служит устранение всех так называемых зияний, т. е. стечений гласных в конце и начале двух соседящих слов словосочетания, причем слияние гласных совершается по следующим трем схемам:

1) *а+а* дает *а*; например: *апсыуа акйт* «селение Апсуа» дает *апсыуакйт*; *йаныйхйа аглан* «когда он сказал это» произносится *йаныйхйаглан*; *йыгбадыша* «песня его корабля» сливается в *йыгбадыша* (из поговорки зеленчукских абазин: *зыгбаутау йыгбадышахйа* вм. *зыгбаутау йыгбадыша хйа*, букв. «в чьей лодке сидишь, пой его лодки песню») и т. п.

Зияние устраняется и во всех таких давно возникших сочетаниях морфем, каковы, например, сочетания глагольных префиксов, оканчивающихся на гласный, с глагольной основой, гласным начинающейся. (Ср. *аггаура* «получать» вм. **агйа+аура* (ср. *гйахйауд* «мы получили»); *йыггэра* «надеяться» вм. **а+йыггэра* (ср. *уамйыггэган* «не надейся»); *аныхэра* «брать в руки» вм. **ана+ыхэра* (ср. *йынарэхэд* «они взяли»); *айсра* «ссориться» вм. **а+айсра* (ср. *хйамайсырныс* «чтобы мы не ссорились») и т. п. Из примеров другого рода — слияния именных слов — можно привести, например, *алаба* «кобель» (из *ала+аба*).

2) *а+ы* (*ы+а*) дает *а*, например: *хывлапнаглан* «в вечернее время» (из *хывлапны+аглан*); *агннаглан* «в зимнее время» (из *агны+аглан*); *мыжланцйы* «когда прошел один месяц» (из *мыжйы+анцйы*); *хывмаб* «оно имеет цену» (вм. *хвы+амаб*).

3) *а(ы)+йы(уы)* последующего слова дает иногда *ай*, *ау*, но значительно чаще *йй*, *уу*, например: *йылабайма* «со своей палкой» (из *йылаба+йыма*); *хйарыйхйанатхэд* «оно дало нам» (из *хйара+йыхйанатхэд*); *зыйпан* «один раз он прыгнул» (вм. *зны+йыпан*) и т. д.

Ударение логическое. Наряду с существованием двух типов ударения, ненарочитого-словесного и синтаксического, следует оговорить еще особые случаи ударения нарочитого, соответствующего тому, которое называется обыкновенно ударением логическим. Такое ударение отличается, помимо своей экспираторной силы, в частности и той неизменно сопутствующей ему особой интонацией, которая сопровождает собственно ударение; этим логическим ударением выделяются те слова (*а* иногда и части слова) в предложениях, на которые почему-либо обращено говорящим внимание.

Необходимость обозначать в письме ударение. Вышеприведенные примеры, иллюстрирующие закон абазинского ударения,

дают основание сделать один существенный практический вывод, а именно — в учебной литературе по родному языку (прежде всего в букваре, затем в словарях всякого рода) необходимо соблюдать тот принцип, которого держится с давнего времени школьная практика языка, стоящего ближе всего к абазинскому, именно абхазского: принцип обязательного снабжения ударениями всех слов текста. Едва ли приходится отстаивать это соображение какими-либо специальными доводами в отношении первой книги для чтения — букваря; в отношении же словарей ясно, что при внеконтекстовом положении слова в словаре ударение играет столь же важную роль в понимании слова, как и звуки — ударение как бы восполняет тот дефект абазинского корнеслова, который стоит в известной связи с присущей ему, как увидим далее, преимущественной однослововостью и полисемантизмом (многозначностью) простейших морфем языка. В литературе иного назначения обозначение ударения на всех словах без нужды осложнило бы техническую сторону. Тем не менее и здесь обозначение ударений в отдельных случаях приходится считать обязательным гораздо чаще, чем, например, в русском языке, где ударение, как дополнительное средство смыслового различения, играет вполне второстепенную роль.

Интонация

Сущность интонации. Только что упомянутая нами по поводу логического ударения интонация, под каковой разумеются сопутствующие произношению слога (или последовательности слогов) ритмико-мелодические явления: музыкальный тон гласного (или гласных) и темп (или ритм) всего данного звукового комплекса, играет, наряду с звуками и ударением, весьма значительную (и нередко недостаточно учитываемую), чисто смысловую роль в абазинском языке, не представляющем, впрочем, собою в этом отношении никакой особенности; аналогична роль интонации во множестве других языков, таких, как кабардинский и др. Та или иная интонация характеризует любое слово и любое предложение и находит себе такое же постоянное выражение в письменной передаче речи, как и отдельные звуки, но не путем букв, а посредством так называемых знаков препинания (точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, знаки вопросительный, восклицательный и т. д.).

Интонация предложения. В области интонации абазинского языка важнейшими являются те, которые служат средством различения основных типов фраз (предложений). Сюда относятся: 1) интонация повествовательная, выражающаяся в постепенном спокойном понижении голоса к концу предложения, заканчивающегося полной паузой; знаком этой интонации служит точка; 2) интонация повелительная, выражаемая, в зависимости от степени интенсивности и категоричности повелительного тона, или точкой или восклицательным знаком; 3) интонация восклицательная, выражаемая восклица-

тельным знаком; 4) интонация вопросительная, выражаемая вопросительным знаком; 5) интонация вопросительно-восклицательная, выражаемая сочетанием вопросительного и восклицательного знаков. Два последних вида фразовой интонации — интонация вопросительная и вопросительно-восклицательная — несколько отличаются в абазинском языке от соответствующей интонации в других языках (например, в русском языке), которые не имеют обязательных форм вопросительного наклонения, существующих в абазинском.

Интонация частей предложения. Но наряду с различными типами интонаций фразовых, т. е. характеризующих такую последовательность звуков и слов, которая заканчивается полной паузой, существует целый ряд интонаций, характеризующих отдельные части предложения и выражаемых с помощью других знаков препинания; так, кавычки выражают ту особую интонацию, с которой произносится все характеризующее как чужая, не своя мысль (ее могут выразить как отдельные слова, так и сочетания слов); черта выражает, как правило, интонацию паузы внутри предложения; двоеточие выражает интонацию слова, предшествующего объяснению, и т. д. К сожалению, неразработанность соответствующей терминологии мешает точному определению всех разнообразных ритмико-мелодических оттенков произношения, имеющих смысловое значение и хорошо известных поэтому всем говорящим. Тем не менее при обучении языку необходимо обращать внимание учащихся на те интонационные различия, которые характеризуют одинаковые в прочих отношениях последовательности звуков, и на связываемые с ними на письме знаки препинания.

Глава III

ФОРМЫ СЛОВ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА (СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ)

Значение отдельных звуков и простейших звуко-сочетаний. До сих пор мы следили преимущественно за внешней, произносительно-акустической стороной явлений абазинского языка, учитывая сторону внутренне-смысловую лишь во вторую очередь. Теперь мы главное внимание сосредоточиваем на том смысле, который заключен в известных звуках и их сочетаниях друг с другом.

Первое, на что придется обратить при этом внимание и что составляет важную особенность абазинского языка, в отличие, например, от русского, это возможность того или иного, вполне отчетливого осмысления почти каждого из существующих в системе абазинского языка отдельно взятого звука, а также и того простейшего вида сочетания звуков, каким является сочетание одного гласного с гласными *a* и *y* (последний чередуется, как мы видели выше, с нулем звука в известных фонетических условиях); в русском же языке (как и в большинстве других языков) смысловая значимость присуща нормально не отдельно произнесенному звуку языка (как, например, сами по себе русские звуки «п», «р», «г», «ж» и т. д. ничего не значат), а лишь более или менее сложному сочетанию звуков в слове (как, например, русское «по» — предлог со значением известного отношения определяющего к определяемому; «га» — земельная мера — сокращение гектара) или даже в сочетании нескольких слогов.

Рассмотрим значение отдельных звуков и простейших (в указанном только что смысле) звуко-сочетаний в порядке абазинского алфавита. Следует оговорить, что в некоторых случаях возможные варианты значения нами не исчерпываются. Напомним также, что сочетания «согласный+*y*» принципиально равнозначны одному согласному.

а 1) морфема притяжательного местоимения 3-го лица ед. числа класса неразумных существ (предметов); 2) глагольный формант 3-го лица ед. числа ср. рода в переходных глаголах, например: *й-а-маб* «оно имеет»; второе значение связано с первым; 3) определенный член имен (и это значение связано, повидимому, генетически, по происхождению, с первым); 4) формант залога взаимного (ср. *ай*, *йа*).

б(ы) 1) морфема связки, т. е. формы, выражающей логическое отношение сказуемого к подлежащему (например: во фразе *арый мза-б* «это лампа»); 2) глагольный формант будущего определенного времени (например: *сца-б* «я пойду») (второе значение связано генетически с первым); 3) морфема притяжательного местоимения 2-го лица ед. числа жен. рода (например: *б-аб* «твой отец»); 4) глагольный формант 2-го лица ед. числа жен. рода (например: *б-цыйд* «ты, женщина, иди») (четвертое значение связано с третьим); 5) «отец»; 6) «козел»; пятое и шестое значения генетически связаны друг с другом (чаще *аб*, ср. ниже).

ба 1) основа глагола «видеть»; 2) «поцелуй» (во фразе *ба йыIвыйд*); 3) личное местоимение 2-го лица ед. числа жен. рода; 4) вопросительная частица (например: *дан-ба-ца?* «когда он пошел?»); 5) формант числительных, употребляемых при счете предметов.

аб 1) «отец»; 2) «козел».

ц(ы) 1) основа глагола «быть вместе с» (например: *йй-цы-у* «находящийся вместе с ним»); 2) глагольный префикс со значением «вместе с» (например: *а-ц-цара* «идти вместе с») (второе значение связано с первым); 3) основа глагола «цацаре» (sic! *Ред.*); 4) морфема числительного «шесть»; 5) «кусочек, штука, зерно»; 6) «зуб».

ца 1) «закром»; 2) «горячий»; 3) основа глагола «ходить».

ац «удар грома».

цI(ы) 1) основа глагола «проходить» (о времени); 2) глагольный префикс со значением «из-под» (например: *ацIыцIра* «выходить из-под чего-либо»).

цIа 1) «вошь»; 2) «тонкий»; 3) «истинный» (редко); 4) основа глагола «класть»; 5) основа глагола «нести» (о курице); 6) основа глагола «мочиться под себя» (о детях); 7) глагольный префикс со значением «подо что-либо» (например: *а-цIа-цIара* «класть подо что-либо») (четвертое, пятое, шестое и седьмое значения генетически связаны друг с другом).

д(ы) 1) глагольный формант изъявительного наклонения; 2) глагольный формант 3-го лица ед. числа, класса разумных существ (людей) (например: *дца-д* «он ушел»); 3) основа глагола «быть около, при чем-либо»; 4) глагольный префикс со значением «около, при» (например: *а-д-гылра* «стоять около чего-либо») (четвертое значение связано с третьим); 5) глагольный формант косвенной (объективной) формы местоимения 3-го лица мн. числа (в глаголах понудительного залога).

да 1) «жила»; 2) «лягушка»; 3) частица вопросительного местоимения «кто»; 4) основа глагола «спадать» (об опухоли); 5) формант отрицательных имен «без» (например: *хъа-да* «безголовый») (пятое значение связано с четвертым); 6) «корень»; 7) личное местоимение 3-го лица мн. числа.

ф(ы) 1) в известных условиях *-фа* (например: в сложном глаголе *ачей-ф-ра* «отъедать»); 2) в шараванском диалекте — морфема числительного «шесть» (абаз. *ц*).

фа основа глагола «есть, кушать».

шв(ы) 1) «дверь»; 2) основа глагола «зреть, нарывать»; 3) основа глагола «красить»; 4) основа глагола «остывать, замерзать»; 5) морфема числительного «сто»; 6) морфема притяжательного местоимения 2-го лица мн. числа; 7) глагольный формант 2-го лица мн. числа (шестое и седьмое значения генетически связаны).

шва 1) послелог «как будто»; 2) основа глагола «полоть»; 3) основа глагола «платить»; 4) основа глагола «разбирать» (забор); 5) основа глагола «мерить»; 6) основа глагола «бояться»; 7) основа глагола «охотиться»; 8) личное местоимение 2-го лица мн. числа.

фI(ы), *фIа* не принадлежат к коренным звукосочетаниям абазинского языка; в шакараванском *фIа* осмысливается, как «тонкий».

г(ы) 1) основа глагола «недоставать»; 2) в известных условиях *-га* (например, в сложном глаголе *гIа-г-ра* «приносить»).

га 1) основа глагола «нести»; 2) формант имен со значением «орудия действия».

гъ(ы) 1) союз «и»; 2) формант отрицательных форм в глаголах, например, *с-гъы-мцъд* «я не ходил» (второе значение связано генетически с первым).

гъа эвентуально осмысливаемо в значении «круглый» (ср. редупликацию *гъагъа* и *гъажъы* «круглый»).

гв(ы) «сердце; сердцевина».

гва основа глагола «толкать».

дж(ы), *джа* в абазинском не осмысливаются; абхазский сохраняет значения для первого — «грязь на теле», для второго — «плотный».

ъ(ы) в известных условиях *ъа* (например в форме *да-бъ-ъы-у* «где он?», от основы *ъа*).||

ъа 1) основа глагола «быть, существовать» (например: *дъ-ъа-н* «он был»; 2) формант наречий места (например: *ауъ-ъа* «там»); 3) формант причастий относительных места (например: *д-ъа-цъз* «в том месте, куда он пошел»).

хI(ы) 1) морфема притяжательного местоимения 1-го лица мн. числа; 2) глагольный формант 1-го лица мн. числа (например: *хI-цъйд* «мы идем») (второе значение связано с первым).

хIа 1) «груша»; 2) личное местоимение 2-го лица мн. числа.

ахI «старший».

хIс(ы) 1) основа глагола «пасться»; 2) основа глагола «расти, виться».

хIва 1) «свинья»; 2) основа глагола «говорить»; 3) формант наречий образа действия; 4) союз «что, чтобы» (третье и четвертое значение связаны со вторым).

ахIс «задняя часть».

ч(ы) 1) «вымя»; 2) основа глагола «пухнуть».

ча 1) «перепелка»; 2) основа глагола «есть, кушать».

чIы, *чIа* в абазинском не осмысливаются.

и(ы) 1) морфема притяжательного местоимения 3-го лица ед. числа муж. рода; 2) глагольный формант 3-го лица ед. и мн. числа класса неразумных в непереходных глаголах; формант 3-го лица ед. числа муж. рода в переходном глаголе; 3) союз «и»; 4) основа глагола «рождаться»; 5) морфема вопросительного значения (в глаголе); 6) формант причастий.

йа 1) союз «или»; 2) морфема вопросительного местоимения «что»; 3) личное местоимение 3-го лица ед. числа муж. и ср. рода; 4) формант залога взаимного (ср. *а*).

ай формант залога взаимного (чаще в абхазском, в абазинском заменяется в большинстве случаев посредством *а* или *йа*).

жв(ы) 1) «корова»; 2) «старый»; 3) морфема числительного «девать»; 4) основа глагола «пить»; 5) основа глагола «варить».

жва морфема числительного «десять».

к(ы), *ка* не осмысливается.

кь(ы) основа глагола «вздыхать».

кья не осмысливается.

кв(ы) 1) основа глагола «быть на чем-либо» (например: *йй-квы-у* «находящийся на нем»); 2) глагольный префикс со значением «на чем-либо» (например: *а-кв-цIара* «класть на что-либо», второе значение связано с первым); 3) основа глагола «давать присягу, клятву».

ква 1) «дождь»; 2) основа глагола «идти (дождю)»; второе значение связано генетически с первым; 3) формант мн. числа.

кI(ы) 1) основа глагола «держатъ»; 2) формант падежа единичности.

кIа глагольный префикс со значением «вниз» (на землю) (например: *кIа-дэдзарà* «плевать»).

кIь(ы) эвентуально осмысливаемо в значении основы глагола «ржать» (ср. *им-кIькIь-йид* «ржет»).

кIья эвентуально осмысливаемо в значении «торчащий конец чего-либо, острне» (ср. *кIьàкIья-ра* «вершина»).

кIв(ы) в известных условиях *-кIва*.

кIва 1) «пазуха»; 2) глагольный префикс со значением «за пазухой» (ср. *а-кIвà-ара*, *акIвсра-* «соиге»); второе значение связано генетически с первым; 3) формант деепричастий отрицательных.

л(ы) 1) морфема притяжательного местоимения 3-го лица ед. числа жен. рода; 2) глагольный формант 3-го лица ед. числа жен. рода в переходном глаголе; 3) глагольный префикс со значением «внутри чего-либо» (например: *à-л-цIара* «выйти из чего-либо»).

ла 1) «глаз»; 2) «собака»; 3) личное местоимение 3-го лица ед. числа жен. рода; 4) основа глагола «находится в чем-либо» (например: *йй-ла-б* «находится в чем-либо»); 5) основа глагола «двигаться»; 6) глагольный префикс со значением «внутри чего-либо, во что-либо» (например: *à-ла-цIара* «класть во что-либо»); 7) формант вида постоянного (шестое и седьмое значения связаны с четвертым).

ль(ы), *ля*, *тл(ы)*, *тла*, *лI(ы)*, *лIа* не принадлежат к коренной группе абазинских звукосочетаний, ср. выше.

м(ы) 1) частица отрицательная «не» (например: *м-дырра* «не знать»); 2) глагольный префикс со значением «из рук».

ма 1) основа глагола «иметь»; 2) формант вопросительного наклонения; 3) междометие «на, возьми».

н(ы) 1) основа глагола «находиться в каком-либо месте» (например: *з-ны-у* «в котором находится»); 2) глагольный префикс со значением «в каком-либо месте, из какого-либо места» (например: *а-н-цIарə* «класть в каком-либо месте», *а-ны-цIра* «выходить из какого-либо места»); 3) формант местного падежа (редкое употребление); 4) глагольный формант прошедшего времени зависимого (например: *дца-н* «он пошел и») (все значения генетически связаны друг с другом).

на 1) глагольный префикс со значением «по направлению туда» (например: *а-на-йра* «прийти туда»); 2) глагольный формант 3-го лица ед. числа среднего рода в переходных глаголах сложного состава (ср. второе значение а).

ан 1) «мать»; 2) формант относительных причастий времени (например: *д-ан-ба* «когда он увидел»).

п(ы) 1) глагольный префикс со значением «вперед, вперед» (например: *а-п-гəлра* «нести вперед, навстречу»); 2) основа глагола «предписывать, узаконивать».

па 1) «сын»; 2) основа глагола «плести» (шнур); 3) основа глагола «прыгать».

пI(ы), пIа осмысляемы лишь в зеленчукско-абазинском, первый в смысле: 1) глагольной связки; 2) форманта будущего определенного; второй эвентуально *-фIа*.

кэ(ы) основа глагола «долбить».

кэа в абазинском не осмысляемо; в зеленчукско-абазинском это: 1) основа глагола «быть, существовать»; 2) послелог со значением «в (каком-либо месте)»; 3) формант причастий относительных места (тапант. *эа*).

кэь(ы) «кал, нечистоты».

кэьа основа глагола «махать».

кэь(ы) глагольный префикс со значением «от (основания) чего-либо» (ср. например: *а-кэь-хра* «отделять, разъединять»).

кэва основа глагола «задержаться» (в каком-либо месте).

джь(ы) основа глагола «жарить».

джьа 1) «место»; 2) «горе, печаль» (ср. *джьабара* «горе, печаль»).

гэ(ы) «град».

гэа 1) «враг»; 2) «penis».

гэь(ы) основа глагола «бранить».

гэьа основа глагола «срастаться, заживать» (о ране).

гэь(ы) «доска».

гэва эвентуально осмысляемо в значении основы глагола «икать» (ср. *гэвагэвара* «икать»).

р(ы) 1) «войско»; 2) морфема притяжательного местоимения 3-го лица мн. числа; 3) глагольный формант 3-го лица мн. числа в пере-

ходных глаголах; 4) формант понудительного залога (второе, третье и четвертое значения связаны, быть может, генетически между собою); 5) основа глагола «переходить».

pa 1) «орех»; 2) формант имен собирательных и отглагольных; 3) формант неопределенного наклонения (второе и третье значения связаны друг с другом); 4) формант причастий состояния будущего времени.

c(ы) 1) «снег»; 2) основа глагола «бить»; 3) основа глагола «ткать»; 4) морфема притяжательного местоимения 1-го лица ед. числа; 6) глагольный формант 1-го лица ед. числа (четвертое и пятое значения генетически связаны друг с другом); 6) формант отрицательных причастий давнопрошедшего времени.

ca 1) «било» (в ткацком станке); 2) основа глагола «резать, брить, кроить»; 3) основа глагола «вариться» (о крупе); 4) личное местоимение 1-го лица ед. числа.

ш(ы) 1) основа глагола «кипеть, горячиться»; 2) основа глагола «лягать»; 3) формант причастий относительных образа действия (на-пример: *ды-ш-цауа* «как он идет»).

ша основа глагола «делить».

ш(ы) основа глагола «убивать».

ща 1) «кровь»; 2) «нога» (значение эвентуально, в связи с такими примерами, как *ща-цIарà* «обувать», *ща-блэхъ* «подъем ноги», *ща-чвы* «палец ноги» и т. п.); 3) формант имен образа действия (третье значение связано со вторым).

т(ы) 1) «баран холощенный»; 2) основа глагола «давать»; 3) глагольный префикс со значением «изнутри» (ср. например: *а-ты-цIра* «выходить»).

та 1) основа глагола «находиться внутри чего-либо»; 2) глагольный префикс со значением «внутри» (ср. например: *та-цIарà* «класть внутрь»); 3) формант наречного падежа (все три значения генетически связаны между собой); в зеленчукско-абазинском *та* служит основой глагола «давать» (абаз. тапанта *ты*).

тI(ы) 1) основа глагола «открывать»; 2) в зеленчукско-абазинском формант прошедшего времени изъявительного наклонения (абаз. тапанта *д*).

тIа эвентуально осмыслиемо в значении «мягкий» (ср. *тIамIа* «мягкий»).

у(ы) 1) морфема притяжательного местоимения 2-го лица ед. числа муж. рода; 2) глагольный формант 2-го лица ед. числа муж. рода (например: *йы-цййд* «ты идешь») (второе значение связано генетически с первым); 3) основа глагола «делать, давать результат, согласие»; 4) формант причастий состояния настоящего времени (например: *йыгйлы-у* «стоящий») (четвертое значение связано генетически с третьим).

ya 1) личное местоимение 2-го лица ед. числа муж. рода; 2) междометие обращения «эй»; (второе значение связано генетически с первым);

3) «часть, соучастник, приятель»; 4) формант причастий действия настоящего времени (например: *йыца-уа* «идуший»).

ау «длинный».

е(ы), *ва* не принадлежат к коренным звукосочетаниям абазинского языка, ср. выше.

х(ы) 1) «луля»; 2) основа глагола «косить, жать»; 3) основа глагола «толочь»; 4) морфема числительного «три»; 5) формант вида повторительного (например, *ца-х-ра* «снова пойти»).

ха 1) «тычинка»; 2) основа глагола «делать»; 3) основа вспомогательного глагола «делаться, становиться» (третье значение связано генетически со вторым); 4) основа глагола «изнашиваться».

хь(ы) 1) «золото»; 2) основа глагола «болеть»; 3) основа глагола «стынуть»; 4) глагольный префикс со значением «по направлению к».

хъа 1) «провизия»; 2) основа глагола «рожать»; 3) основа глагола «дойти»; 4) формант вида совершенного.

ахь 1) послелог «по направлению к» (ср. например; *ард-хь* «сюда»); 2) формант причастий относительных направления (ср. например: *д-ахь-сацауа* «там, в каком направлении идет»).

хэ(ы) 1) «цена»; 2) морфема числительного «пять»; 3) основа глагола «ранить»; 4) основа глагола «спросивать, веять».

хва 1) «ручка»; 2) «червь»; 3) «холм, вершина»; 4) основа глагола «сметывать»; 5) основа глагола «хлебать», «мешать» (мамалыгу).

хз(ы) 1) основа глагола «находиться над чем-нибудь»; 2) глагольный префикс со значением «поверх чего-либо» (например; *а-хзй-цIра* «переходить поверх, через что-либо») (оба значения генетически связаны между собой и со следующим *хза*).

хза 1) «голова, начало»; 2) основа глагола «быть на чем-либо»; 3) глагольный префикс со значением: «на что-либо, поверх чего-либо» (ср. например: *хза-цIара* «класть на голову, поверх чего-либо»); 4) формант возвратного залога (все значения связаны друг с другом).

хъэ(ы) 1) «доля, пай»; 2) «волосы, мех».

хъва 1) «буланой»; 2) основа глагола «помогать, тянуть»; 3) основа глагола «гнутья»; 4) основа глагола «валять» (сукно).

шь(ы) *шьа*, *шьэ(ы)* *шьва* не принадлежат к коренным абазинским звукосочетаниям.

гI(ы) вариант морфемы притяжательного местоимения 1-го лица мн. ч. *хI* (ср. выше).

гIа 1) «ремень»; 2) глагольный префикс со значением «по направлению сюда» (например: *гIа-гра* «приносить сюда»).

агI морфема числительного «восемь».

гIе(ы) 1) «человек»; 2) «корыто особого рода»; 3) корень числительного «два»; 4) основа глагола «писать»; 5) основа глагола «бежать»; 6) формант имен действующего лица (шестое значение связано с первым); 7) формант числительных.

гIва 1) «медь»; 2) «сухой»; 3) основа глагола «прощать» (второе и третье значения, быть может, генетически связаны друг с другом).

э(ы) 1) «желчь»; 2) морфема относительного местоимения «который»; 3) послелог со значением «для»; 4) формант причастий состояния прошедшего времени (ср. например: *йыгйлы-э* «стоявший»); 4) эвентуально осмысляемо, как морфема числительного «один» (ср. *э-лы* «однажды», *жвый-э* «одиннадцать»).

за 1) основа глагола «мерить»; 2) основа глагола «процеживать»; 3) формант итогового (утвердительного) вида.

джв(ы) глагольный префикс со значением «наружу» (ср. *джвы-лцIра* «выходить наружу»; *джвей-кыла* «выйти в поле») (ср. ниже абх. *дв(ы)*).

джва основа глагола «тошнить».

ж(ы) основа глагола «копать, рыть».

жа эвентуально осмысляемо, в смысле «осина» (ср. *жа-чIвы* «осина»).

дз(ы) 1) «вода»; 2) основа глагола «теряться»; 3) основа глагола «нечь»; 4) «иней, изморозь».

дза 1) «бок»; 2) основа глагола «красть»; 3) послелог «вплоть до»; 4) формант вида интенсивного.

жь(ы) 1) «мясо, тело»; 2) основа глагола «падать»; 3) основа глагола «шускать».

жьа 1) «заяц»; 2) основа глагола «обманывать».

чIв(ы) 1) «собственность, принадлежность чего-либо»; 2) основа глагола «дубить» (кожу); 3) формант имен долженствования (ср. ниже зеленч. *тIв(ы)*).

чIва 1) «печень»; 2) «яблоко»; 3) основа глагола «сидеть» (ср. ниже зеленч. *тIва*); 4) формант интенсивного вида.

чв(ы) 1) «бык»; 2) «полный, сытный»; 3) основа глагола «тесать»; 4) глагольный префикс со значением «от» (тела) (например: *а-чвы-фра* «отъесть») (ср. ниже зеленч. *тIв(ы)*).

чва 1) «кожа»; 2) «сено»; 3) «гниль»; 4) «сон»; 5) основа глагола «сосать»; 6) основа глагола «соответствовать» (ср. ниже зеленч. *тIва*); 7) формант интенсивного вида; 8) формант мн. числа класса разумных.

тш(ы) 1) «лошадь»; 2) морфема местоимения возвратного «себя»; 3) основа глагола «гнутья».

тша 1) «олень-самка» (редко); 2) «полоса нагорная»; 3) основа глагола «мотыжить».

шI(ы) 1) основа глагола «находиться (постоянно) при чем-либо»; 2) глагольный префикс со значением «у, при».

шIа 1) «рот, лезвие»; 2) глагольный префикс со значением «на (поверхность), к (лицу)» (например: *а-шIа-гылра* «выходить на поверхность чего-либо»); 3) основа глагола «быть при, на чем-либо»; 4) основа глагола «быть оскомине» (все четыре значения связаны друг с другом); 5) «род чашки»; 6) «новый». Зеленчукско-абазинское наречие, имеющее особые фонемы *дв*, *тIв*, *тв*, осмысляет их в составе простейших звуко-сочетаний следующим образом:

дв(ы) 1) «поле»; 2) глагольный префикс со значением «наружу» (например: *а-двы-лцIра*). Соответствует тапант. *джв. два* не осмысляется.

тв(ы) «полный, сытый» (= тапант. *чв(ы)*).

твa 1) «сно»; 2) «гной»; 3) основа глагола «соответствовать» (= тапант. *чвa*).

тIв(ы) «собственность, принадлежность» (= тапант. *чIв(ы)*).

тIвa основа глагола «сидеть» (= тапант. *чIвa*).

Переходя от сочетаний простейшего типа (1 согласный + 1 гласный) к однословным образованиям более сложного состава (например, 2 и более согласных + 1 гласный; 1 согласный + 1 гласный + 1 согласный и т. п.), можно было бы охватить значительную коренную часть состава морфем абазинского языка, но это вывело бы нас далеко за пределы нашего грамматического очерка.

Омонимия. Рассмотренные выше примеры значения отдельных фонем абазинского языка и простейших сочетаний их между собой показывают достаточно, наряду с необычайной способностью большинства отдельных звуков связывать с вполне определенным, законченным смыслом, еще одну характерную черту абазинского языка — многозначность одних и тех же звуков и звукосочетаний. Это явление так называемой омонимии, редкое в русском языке, объясняется, вероятнее всего, существованием в сравнительно недалеком прошлом абазинского языка преимущественно однословных слов и связанной с этим недостаточной развитостью словопроизводства. Из этого не следует, конечно, делать никаких заключений о первобытно-примитивном периоде жизни абазинского языка, поскольку сравнительные данные (не только в пределах различных наречий абазинского и абхазского языков, но также при учете других кавказских языков) дают все основания думать, что как однословность, так и связанная с ней многозначность значительной части абазинских слов представляют собой в ряде случаев результат позднейшего упрощения и совпадения более сложных и дифференцированных звукосочетаний.

МОРФЕМЫ И ИХ ВИДЫ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Классификация морфем по значению. Классифицируя приведенные значения звуков и простейших звукосочетаний, нетрудно установить, что они распадаются на две основные группы: значения самостоятельные, не нуждающиеся в том, чтобы связывать их в мысли с другими значениями, и значения не самостоятельные, понятные лишь в известной связи, применительно к другим значениям. К первым относятся бесспорно имена предметов и, быть может, имена относительные (местоимения). К последней категории относятся, очевидно, такие примеры, как форманты падежей, времен глаголов и т. п. Иначе говоря, различие коренится в самой природе тех значений, которые выражаются теми или иными звуками языка. Действительно, рассматривая язык с точки зрения его мыслительного содержания, мы видим, что оно исчерпывается понятиями предметов и лиц, характеризующих их признаков (постоянных, или пассивных, и непостоянных, или активных) и тех отношений, в которых эти предметы и признаки стоят друг

к другу. Те звуко сочетания, которые выражают понятия (или представления) предметов, а за ними и понятия признаков, вполне естественно принимают обычно характер законченности языкового выражения, в отличие от звуко сочетаний, связываемых со значением отношений, всегда предполагающих в мысли нечто реальное, этими отношениями связываемое, и потому незаконченных как в мышлении, так и в языке. Естественное тяготение формы языка к адекватному отображению логической формы мышления не объясняет, однако, всей полноты конкретной языковой действительности, будучи весьма часто нарушаемо и притом по разным причинам психологического характера; основной из них служит, без сомнения, преобладающее в повседневной речи стремление к чувственной выразительности и яркости, разрушающее естественные перегородки, отделяющие формы словесной передачи различных категорий понятий и представлений. Кроме того, трудно четко разграничить все указанные категории понятий логически и психологически, по степени их законченности и самостоятельности; так, например, признак всегда может быть мыслим и вполне независимо от предмета, и более или менее независимо от него. В случае полного обособления признака от того предмета, к которому он относится, на признак переносится та предметность, которая характеризует вполне независимые от других понятий понятия предмета. Так, например, союзные слова (скажем русск. «и», абаз. *и*), по своей природе не самостоятельные, могут по соображениям говорящего потребовать нарочитого выражения, откуда возникают обороты, подобные русскому «я, затем ты, затем он» (= «я, ты и он») или подобные абаз. *йыцты* в выражении: *агIважвийцты ахна рны* (23-го числа), где «затем» и *йыцты* и в звуковом и в смысловом отношении более самостоятельные элементы речи, чем соответствующие русск. «и» и абаз. *и*. Примером обособления признака от предмета, к которому он относится, может служить частое употребление таких прилагательных слов, как русск. «хороший», или абаз. *бзий*, без относящегося к ним существительного. Учитывая эту возможность постоянного колебания и перехода из одной категории в другую, мы можем, тем не менее, сгруппировать значения простейших в звуковом отношении элементов абазинского языка следующим образом.

1. Элементы самостоятельного значения:

1) имена предметов и лиц (существительные, личные и указательные местоимения, заменяющие в известной говорящим ситуации имена предметов): «отец, козел» *аб*; «закром» *ца*; «удар грома» *ац*; «вошь» *цIа*; «жила, лягушка» *да*; «дверь» *швы* и т. п.; личные местоимения: *са, уа, ба, йа, ла* и т. д.;

2) имена признаков (так называемые прилагательные — имена признаков пассивных качеств и свойств и глаголы — имена признаков активных действий и состояний): «тонкий» *цIа*; «старый» *жвы*; «буланой» *хэа*; основы глаголов: «видеть» *ба*; «быть вместо» *цы*; «проходить» *цIы*; «нестись» *цIа*; «спадать» *ды* и т. д.;

3) выражения-сигналы непосредственных ощущений, желаний и чувств (междометия): «эй», «на» (= возьми) и т. п.

II. Элементы несамостоятельного значения:

1) обозначения отношений абстрактных форм словоизменения, именно склонения, т. е. форманты определ. члена, падежа и числа, и формы спряжения, т. е. форманты связи, залогов, видов, наклонений, времен, лиц, причастий относительных, действия и состояния; далее формы словообразования, т. е. форманты имен отрицательных, орудия действия, собирательных, отглагольных; частицы отрицательная и вопросительная; союзы «и, или»;

2) обозначения отношений конкретных (послелого и глагольные префиксы с более или менее конкретным значением).

Особое положение, специфическое для абазинского языка, в отличие от многих других занимают:

3) обозначения счетные и некоторые из местоименных, т. е. числительные, местоимения притяжательные, вопросительные и относительные.

Все перечисленные виды значений простейших элементов речи, будут ли они выражены звуковыми комплексами, синтаксически самостоятельными и не сочетающимися с другими или же несамостоятельными, в отдельном употреблении не встречающимися, представляют собой простейшие, реально и морфологически значимые, неделимые элементы языка, называемые нами морфемами. Если в большинстве языков морфемы (в особенности морфемы реального, «корневого» значения, называемые иногда, в отличие от морфем служебного значения, семантемами), как правило, в звуковом отношении не совпадают с фонемами, в абазинском мы видим двойную значимость в системе языка подавляющего большинства фонем — как фонем и как простейших в звуковом отношении морфем.

Значение глагольной основы. Предложенная группировка значений нуждается в дополнительных замечаниях. Более всего необходимо остановиться на вопросе, связанном с глаголом и его значением в абазинском языке. Абазинский глагол, подобно глаголу большинства коренных яфетических языков Кавказа, отличается своим особым, существенно отличным от многих некавказских языков характером, находящим отражение и в синтаксической конструкции глагольных форм, известной в науке под неточным и двусмысленным названием «пассивной». Заключается эта особенность в результативном значении чистой глагольной основы, или корня, иначе говоря, простейшая форма глагола выражает собой не столько действие, процесс (что является отличительным значением глагола в других языках), сколько результат действия; но так как законченное действие уже не может считаться совершающимся процессом, а всего лишь как бы опредмеченным стабильным состоянием или качеством, глагол сближается своим основным значением с именем, и корень или чистая основа глагола переводится на языки иной системы легче всего посредством той грамматической категории, которая совмещает в себе значение имени и глагола,

т. е. причастием (в глаголах непереходных — причастием среднего, а в глаголах переходных — причастием страдательного залога). Синтаксическим и морфологическим последствием такого значения глагола (в его простейшей форме) является преобладающая роль в его конструкции не субъекта (производителя) действия, а его объекта (результата), а все сочетание в целом (т. е. субъекта действия, объекта действия и самого названия «действия») принимает смысл сопоставления и отождествления двух имен (предметов) — объекта и глагола, из коих последний ставится в известное косвенное (в абазинском языке притяжательное *гесп.* «родительное») отношение к субъекту действия. В большинстве кавказских языков такое значение глагольной основы отступает постепенно на задний план; формы переосмысляются, большее значение получает субъект-производитель действия. Основной характер результативности значения глагольной основы сохраняется по преимуществу лишь в формах прошедшего времени, и — что практически важнее всего — анализ значения глагольной основы все более затрудняется неупотребительностью (или малой употребительностью) глагольной основы, как таковой, вне системы форм спряжения. Абазинский язык, наряду с абхазским, черкесским и кабардинским, выделяется в этом отношении сохранением в живом употреблении примеров более или менее (в синтаксическом отношении) самостоятельного применения простейшей формы глагола, называвшейся нами выше (в соответствии с обычным словоупотреблением и имея в виду роль данных форм в обычной системе глагольного спряжения), при рассмотрении значений простейших звукосочетаний, «основой».

Употребление чистой глагольной основы. Наиболее яркие примеры самостоятельного употребления глагольной основы дает абхазский язык: *уы сьмам* «я ничего не сделал» (букв. «у меня нет чего-либо сделанного», где *уы* чистая основа глагола *аурà* «делать»); *фа сьмам* «я ничего не съел» (*фа* основа глагола *афарà* «есть, кушать»); *хIва сьмам* «я ничего не сказал» (*хIва* основа глагола *ахIварà* «говорить»), абаз. зеленч. *фа къаупI* «имеется, что (можно) кушать» и т. п.; ср. далее такие примеры, как *с-аь джьынуцуама* «ты думаешь, я пришел?» (*аа* основа глагола *аарà* «приходить»). Чистая основа в этих и аналогичных примерах переводима точнее всего причастием страдательного (от глаголов переходных) или среднего (от глаголов непереходных) залога. При изменении ударения в абхазском получаем нередко имена в собственном смысле; так, (*а*)*фà* «съеденное» (нечто), но *àфа* «еда, пища»; (*а*)*тà* «данное» (нечто), *àта* «подарок»; ср. еще *àчва* «сон» (при *àчвара* «спать»), *àчча* «смех» (при *àччара* «смеяться») и т. д.

Почти столь же свободно употребление чистой основы глагола (лишенной характеристик глагольного спряжения — указания наклона, лица действия и т. д.) в кабардинском и адыгейском языках. Близость по значению глагола и имени проявляется здесь синтаксически, в употреблении как чистой основы глагола, так и производных основ времени прошедшего и будущего, в роли определения при

имени (ср. кабард. примеры: *кIвэ лIыжъыр* «ходящий старик», *кIвэ лыжъыр* «ходивший старик», *кIвэнуу лIыжъыр* «старик, который пойдет») и прямого дополнения при глаголе (*кIуа слъэгъуац* «я видел ходившего») и морфологически, в способности основ имен спрягаться (т. е. сочетаться с формантами спряжения) и основ глагола склоняться (т. е. сочетаться с формантами склонения).

Абазинский язык (наречие Тапанта) не знает уже столь свободного использования чистой глагольной основы, какое мы находим в абхазском языке (примеры выше), что связано, повидимому, с известным переосмыслением в абазинском языке чистой именной основы, сохраняющей в абхазском значение, в отношении числа, вполне неопределенное, но принимающей в абазинском более конкретное значение неопределенного надежа единственного числа. Чистую глагольную основу в абазинском, как, впрочем, и в абхазском, находим чаще всего в роли определения при имени, спорадически переходящего по своему значению в настоящие прилагательные и существительные. Так, например, *ауърба-пс* «мертвый орел» (*псы* основа глагола «умирать»), *чва-цIых* «очищенная кожа» (*цIых* основа глагола «очищать шерсть от волос»), *гвагъыцы-рча* «откормленная индюшка» (*рча* основа глагола *рчарэ* «откармливать»), *асы-рблэгъа* «снежный ком» (*асы* «снег», *рблэгъа* букв. «скатанный», основа глагола «скатывать»), *ажва-нахъэ* «предложение» (букв. «оконченное слово», *нахъа* основа глагола «оканчивать, завершать»), *джъкIа-хы* «толченая соль» (*хы* основа глагола «толочь»), *ацIа-швэ* «свернувшаяся кровь» (*шв(ы)* основа глагола «свертываться» (о крови), ср. *ацIа-швэ* «лед», букв. «замерзший мост»¹, где *швэ* основа глагола «замерзать, отвердевать»); *пра-псэ* «занавеска» (букв. «вперед наброшенное, повешенное», где *пса* основа самостоятельно почти не употребительного глагола «набрасывать, навешивать»); *ла-цIашвэ* «сучок в глазу» (букв. «под глаз упавшее», где *цIашва* основа глагола «падать под»); *быжъ-хъвацIакIы* «заглушенный звук» (*хъвацIакIы* — основа глагола *хъвацIакIрэ* «заглушать»); *жъ-жвы* «вареное мясо» (*жвы* основа глагола «варить»); *жъ-рыдз* «жаркое, жареное мясо» (*рыдз* основа глагола «жарить»); *хIа-швхъа* «спелая груша» (*швхъа* производная основа совершенного вида от глагола *швра* «зреть»); *апхъагъла* «стоящий впереди» (*гыла* основа глагола «стоять»); *ахъагъла* «прислужник» (букв. «стоящий над головой»); *чIыуаркIвэ* «плакса» (букв. «плачущий продолжая», *чIыуа* основа глагола «плакать»); *ркIва* основа вспомогательного глагола «продолжать» (делать что-либо); *пшы-хъ* «холодный ветер» (*хъ* основа глагола «стынуть», переходит по значению в прилагательное «холодный», ср. *адзыхъ* «ключ, родник» (букв. «холодная вода»); *ын-хъва* «свекровь, теща» (букв. «кривая мать», где *хъва* основа глагола *ахъварэ* «гнуться», переходящая по значению в прилагательное «кривой») и т. п.

¹ Первая часть слова *ацIашвэ* («лед») — *ацIа* представляет собой фонетическую разновидность слова *ацIаа*, употребляемого в южных диалектах абхазского языка в значении «мороз» (Ред.).

Перешли в прилагательные такие основы, как *гIвы* «скользящий, гладкий» (основа глагола *гIвырə* «скользить»), *хIвы* «витой, гнутый» (основа глагола *хIвə* «виться»); перешли в существительные такие основы, как *хəжə* «переплет» (букв. «распластанное поверх чего-либо»), *хəжə* основа глагола «распластывать поверх чего-либо»), *алых* «различие» (*алых* основа глагола «различать», ср. *алых* «выбор», где *алых* основа глагола «выбирать»), *хIва* «слово, сказанное», например, в выражении *схIва йазхəуцIыутын* «если ты поверишь моему слову» (*хIва* основа глагола «говорить»).

В ряде примеров этого рода такое значение глагольной основы может быть вскрыто лишь в результате исторического (этимологического) анализа, как, например, *хырчIвə* «кислое молоко» (здесь *рчIы* основа глагола *рчIєрə* «квасить», а *хы* — основа имени «молоко», сохраняемая в сочетании *хшы* «молоко», букв. «белое (-шы) молоко»), *агəрIчIхIва* «кузнечный мех» (здесь *рычIхIва* основа глагола *рычIхIвəрə* «раздувать», а *гə* основа имени «красный, раскаленный уголь», ср. абаз. *апыргə*, абх. *апыргə* «красный уголь», *асрIчIхIва* «снежная метель», букв. «раздуваемый снег»), *аджəджIвə* «слюна» (из *адзы* «вода» + *джы* = видоизмененная основа глагола *джəрə* «рвать, тошнить, блевать»).

Другого, но по существу тождественного порядка примеры, где основа глагола имеет (при переводе на другой язык) уже не страдательное (или среднее) значение, а действительное, находим в словах: *рахIхчI* «пастух» (букв. «охраняющий скот», где *хчI* основа глагола «охранять»); *ларбагIвIгə* «очки» (букв. «зеркало, заставляющее глаз видеть», где *рба* основа глагола «заставлять, давать видеть»); *ламырчI* «не кормящий собаки» (*рчI* основа глагола «откармливать», ср. выше *свагIшIрчI*, где та же морфема *рчI* имеет страдательное значение); *амIхIва* «лгун» (букв. «говорящий ложь», где *хIва* основа глагола «говорить», ср. выше *хIва* «слово, сказанное нечто»); *анымIхə* «лодырь, бездельник» (букв. «неработающая голова», где (*а*)*нымIхə* основа глагола *анIмIхəрə* «не работать»); *дIхəшIцI* «она только что родила» (где *хə* «рождающая», основа глагола *хəрə* «рождать, рожать», ср. *тидIнIхə* «беременная жеребая кобылица»); сюда же относятся, в сущности, и все так называемые имена действующего лица, образуемые с помощью морфемы *гIвы* «человек», например, *чIагIвI* «делатель» (букв. «делающий человек»), *чIа* основа глагола «делать»); *анIхəгIв* «ученик» (букв. «читающий, учащийся человек»), *анIхə* основа глагола «читать, учиться») и т. п.

И в этом ряду примеров имеются случаи, когда понимание значения глагольной основы достижимо лишь при историческом анализе, как *кытIчI* «загадка» (букв. «едающий, т. е. мучающий (своею неразрешимостью) сельскую общину», где *чI* основа глагола «есть, кушать») и др.

Особое замечание. Устанавливая, таким образом, близость простейшей, коренной формы глагола по связываемому с ней значению к имени, нам следует отдать себе полный отчет в том, что утверждение это не имеет ничего общего с попытками усматривать в этом явлении признак примитивности или архаичности абазинского языка:

глаголы и имена существуют в его внешнем состоянии на правах вполне сформировавшихся грамматических категорий, имеющих каждая свою особую группу средств формального выражения. Развивавшаяся применительно к типологически близким к абазинскому черкесским языкам теория усматривала в такой близости значений имени и глагола пережиток эпохи, когда еще не существовало ни имени, ни глагола, а была некая общая часть речи, выполнявшая попеременно, в зависимости от окружения, различные функции (наиболее подробно и основательно взгляды эти развиты применительно к кабардинскому языку 30 лет тому назад венгерским ученым Балинтом). Имея в виду эту теорию, мы должны решительно подчеркнуть ее на наш взгляд антиисторический и потому антинаучный характер и отметить, что смысл наших утверждений гораздо более скромный — отметить смысловую особенность все реже употребляемой в своем чистом виде основы абазинского (и вообще кавказского) глагола, сближающую ее с именем и свидетельствующую, конечно, об известном своеобразии и реалистичности языкового выражения, не значущего действия, а лишь более или менее активные состояния (факты кинематографии хорошо подтверждают возможность такого восприятия действий) но никак не свидетельствующую сама по себе об эпохе формирования частей речи в абазинском или других кавказских языках.

Морфемы реальные и формальные. Основы глаголов, имеющие глагольноименное (причастное) значение, принадлежат, как мы видели выше, наряду с прилагательными, существительными и междометиями, к числу морфем самостоятельного, реального значения, которые можно поэтому называть иначе морфемами реальными или материальными (вещественными). Их смысловая самостоятельность находит свое объективное (внешнее) выражение в способности этих морфем принимать в случае необходимости собственное ударение и служить тем словесным минимумом фразы — словом, которым может в известных условиях ограничиться говорящий. Противоположным свойством отличаются все остальные морфемы абазинского языка, лишенные самостоятельного значения, собственного ударения и способности замещать собою законченную фразу; такие морфемы мы назовем формальными (вспомогательными, служебными). Аналогичное положение наблюдается и в громадном большинстве других языков, например в русском, где к категории морфем служебных (частей слова) примыкают и такие «слова», как предлоги, союзы, отрицание и т. п., так называемые частичные слова. Особенностью абазинского языка служит, однако, не разделение морфем на реальные и формальные, а отнесение к категории формальных морфем: морфем со значением числительных и морфем со значением притяжательных, вопросительных и относительных местоимений, выражаемых в большинстве языков самостоятельными словами.

Судьба числительных и части местоимений в современной системе абазинского языка служит хорошим и лишним подтверждением давно установившегося в науке мнения, что так называемые служебные, фор-

малые морфемы языка являются таковыми лишь в результате постепенной утраты ими своего бывшего самостоятельного, вполне реального значения; иначе говоря, деление морфем на реальные и служебные по существу относительно и может меняться постоянно в процессе исторической жизни языка.

Классификация служебных морфем. Различной степени реальность или соответственно служебность значения представляют специально так называемые глагольные префиксы (см. о них ниже). Префиксами называем вообще все такие служебные морфемы, которые предшествуют в составе данного комплекса морфем, или данной синтагмы, морфеме реального значения, а суффиксами — соответствующие морфемы, следующие за морфемой реальной, что дает основание двум классам служебных морфем — классу морфем префиксальных и классу морфем суффиксальных.

Как мы увидим ниже, по своей функции в составе фразы-предложения служебные морфемы также разделяются на две категории — на морфемы, указующие на принадлежность слова-синтагмы, в состав которой они входят, к синтагме большего объема — словосочетанию или фразе (такие морфемы называются словоизменительными), и на морфемы, не содержащие такого указания (такие морфемы называются словообразовательными). Следует заметить, что одинаковые в звуковом отношении морфемы, в зависимости от своего положения то как префикса, то как суффикса, могут выполнять различные функции: в одних случаях словоизменительные, в других словообразовательные. Языки, в которых преобладают служебные морфемы словоизменительного значения, называются синтетическими (грамматическими), а те, в которых преобладают морфемы значения словообразовательного — аналитическими (лексико-логическими). Условность и относительность такого подразделения языков показывают, между прочим, и факты абазинского языка, в котором имена носят по преимуществу аналитический, а глаголы — по преимуществу синтетический характер.

СОЧЕТАНИЕ МОРФЕМ И ЕГО ВИДЫ

Понятие синтагмы. Отдельные простейшие, далее не разложимые на составные части смысловые элементы языка, морфемы, входят в повседневной речи в состав более или менее сложных сочетаний морфем, называемых синтагмами. Синтагмы могут быть весьма различными по количеству и качеству входящих в их состав морфем, характеру грамматической связи этих морфем, а следовательно, и по своему значению; те синтагмы, которые имеют одно ударение и выполняют при случае роль законченного сообщения или фразы, называются, подобно реальным морфемам, словами, имеющие два и более ударений составляют при отсутствии фразовой интонации словосочетание, а при наличии такой интонации — фразу, или предложение.

Классификация синтагм-слов по значению образующих их морфем. В зависимости от того, какого значения морфемы сочетаются в том виде синтагм, который характеризуется одним ударением и называется словом, мы различаем две категории синтагм-слов:

1) такую синтагму-слово, где сочетается одна реальная морфема с одной или несколькими формальными морфемами; этот вид синтагмы, в отличие от непроизводного слова, состоящего из одной морфемы, назовем простым производным словом. Например: *а-гІвй-га* «орудие письма» (3 морфемы: *а* — служебная, *гІвй* — реальная, *га* — служебная); *а-ха-чІвй* «задача» (3 морфемы: *а* — служебная, *ха* — реальная, *чІвй* — служебная); *багд-ра* «хитрость» (2 морфемы: *бага* — реальная, *ра* — служебная); *дцауан* «он шел» (4 морфемы: *д* — служебная, *ца* — реальная, *уа* — служебная, *н* — служебная);

2) такую синтагму-слово, где сочетаются две и более морфемы реального значения (т. е. такие морфемы, которые в настоящее время допустимы в другом сочетании и в отдельном, самостоятельном употреблении, как самостоятельные слова), сопровождаемые или не сопровождаемые морфемами служебными; назовем этот вид синтагмы-слова сложным-производным словом. Например: *ачІвйуабжь* «плач» (3 морфемы: *а* — служебная, *чІвйуа* — реальная, *бжь(ы)* — реальная); *хІехІсабжьыкІ* «призыв на помощь» (3 морфемы: *хІехІса* — реальная, *бжьы* — реальная, *кІ* — служебная); *мадзахІвдла* «доверенное лицо» (3 морфемы: *мадза* — реальная, *хІса* — реальная, *ла* — служебная); *хъымгард* «позор» (4 морфемы: *хІзы* — реальная, *м* — служебная, *га* — реальная, *ра* — служебная); *апицІагълара* «находиться в качестве батрака у кого-либо» (4 морфемы: *а* — служебная, *пицІа* — реальная, *гыл* — реальная, *ра* — служебная); *квашуд* «ливень, сильный дождь» (3 морфемы: *ква* — реальная, *ш(ы)* — реальная, *уа* — служебная); *мгІварыгІвчард* «сворачивать с дороги» (5 морфем: *мгІва* — реальная, *ры* — служебная, *гІв* — реальная, *чпа* — реальная, *ра* — служебная); *дзымырийс* «некипяченая вода» (5 морфем: *дзы* — реальная, *м(ы)* — служебная, *р* — служебная, *шы* — реальная, *с* — служебная) и т. п.

Синтагмы, неразложимые в современном языке. Разумеется, как во всяком языке, мы находим и в абазинском целый ряд примеров, не укладывающихся в предложенную схему. Сюда относятся, например, многочисленные примеры сочетаний морфем в слове, значение части которого не ясно или не вполне ясно (в настоящее время) для говорящих на абазинском языке и которые поэтому можно лишь условно причислить к категории сложнопроизводных слов, на основании более или менее вероятного этимологического анализа. Ср. такие слова, как: *алднс* «сука» (при *алд* «собака», где *нс* отдельного значения в современном употреблении не имеет, ср. еще абх. *тиадднс* «ослица», при *тиада* «осел»); *аласнд* «щенок» (ср. *дхІваспа* «ножик», при *дхІва* «пашка»; *анхІвдспа* «девочка, девушка», при *анхІ-вдс* «женщина»), где *спд* отдельного значения не имеет; *атыгъшыІдс* «барашек» (ср. *абыгъшыІдс* «козленок», *атишиІдс* «жеребенок» и т. п.,

далее, *агечIыс* «цыпленок», *ачечIыс* (sic! Ред.) «бычок» и проч., где элемент *шыс* самостоятельно не существует, ср. *шыц* «новый»; что и *шыц*, *шыс* было некогда разложимо на составные части-морфемы, показывает множественное число этих слов — *шIара* и аналогия *асыс* «ягпенок», *асара* «ягнята»); *атыгъзъ* «баран нехолощенный» (ср. *абыгъзъ* «козёл», *ачыгъзъ* «бугай» и т. п., где *гъзъ* в отдельном употреблении утрачено); *аджIей* «дуб» (ср. *алчIей* «ольха», *ажачIей* «осина» и т. п., где *Iеы* потеряло оба свои значения: реальной морфемы «собственность» и службонной морфемы «относящийся к чему-либо»; в абхазском имеем соответственно *адж* «дуб», *ал* «ольха», *ажа* «осина» и т. п.); *напIы* «рука» (ср. *щапIы* «нога», где значение *пIы* утрачено); *мачвIы* «палец руки» (ср. *щачвIы* «палец ноги», где значение *чвы* утрачено); *напIыршIашIа* «кулак» (ср. *щашIашIа* «голень», где значение *шIашIа* утрачено); *амашIапIара* «солнечная сторона» (значение *ма* = *маръ* «солнце» сильно ослаблено и может не осознаваться); *ахъафIышышIара* «обнюхивать сверху» (значение морфемы *шышIа* утеряно); *лаше* «слепой» (значение *ше* неясно, *ла* «глаз»); *шехъымса* «порог дверной» (*ше* «дверь», значение *хъымса* в современном понимании утеряно); *мышьзъаза* «добродетельный» (обе образующие синтагму морфемы: *мышь* и *зъаза*, ослаблены в значении; буквальное современное понимание дает бессмыслицу «день живущий»); *бышысIа* «язык» (как система знаков, ср. *бзы* «язык» как орган; значение *ше* ослаблено) и т. п.

В связи с утратой или затемнением значения части входящих в состав синтагмы морфем имеют постоянное место затруднения и колебания при определении самого количества образующих данную синтагму морфем. Сюда относятся такие примеры, как: *ласаракъ* «моток шерсти» (*ласа* «шерсть» + ?); *апшырхъыччара* «улыбаться» (? + *хъыччара* «смеяться над чем-либо»); *чварнIа* «кожаный ремешок» (*чва* «кожа» + ?); *гIадзынгыIара* «подрастать» (? + *гыIара* «становиться, вставать») и т. п. В результате сложные синтагмы упрощаются и переходят нередко в категорию неразложимых, с точки зрения говорящих, на составные части морфем, например: *жъый* «кузнец» (прежде *жъы* + *й* букв. «обрабатыватель железной руды» ср., с одной стороны, *жъахIей* = *жъ* + *ахIа* «кузнецный молот», букв. «пашка для руды», с другой же стороны, *хъый* = *хъы* + *й* «серебряник, золотых дел мастер», ср. *хъы* «золото»; в последнем значении теперь чаще *хъапцъ* = *хъ* + *апцъ*, с современной точки зрения также с трудом разложимое слово); *цхIа* «мост» (прежде *ц* + *хIа* «сплетенное вместе», ср. *хIара* «основа ткацкая»); *цIыцъ* «подошва» (прежде *цI* + *ыцъ* «под ногой»); *тибыг(а)* «коса» (прежде *тибы* + *га* «название орудия косьбы» от утраченной глагольной основы *тибы*); *быгIеныйфа* «провизия, провиант» (прежде *мгIваны* «в пути» + *фа* «еда», откуда через **мгIены(й)фа* совр. неразложимое слово, ср. черкесск. *гъымыль*, имеющее то же значение); *жахIварIа* «жевать» (теперь *жахIа* + *ра* прежде *жа* + *хIа* + *ра*, где *жа* «челюсть», ср., повидимому, очень старое заимствование из черкесских языков *жIа* = *жа* + *кIа* «борода»); *уIтра* «огород» (прежде *уы-т-ра* ~ *уы-р-та* букв. «место работы», ср. абх. *ауытра*) и т. д.

Иноязычные слова. Незвизрая на существование подобных примеров современной неделимости на морфемы сложных по происхождению слов, господствующая в большинстве имеющихся примеров слов дробность морфологической делимости составляет характернейшую особенность абазинского языка; проникшие ранее и проникающие ныне в абазинский язык многосложные слова иноязычного происхождения не меняют в этом отношении общего характера абазинского словаря, хотя многие из этих иноязычных слов принадлежат к числу довольно употребительных, как старые *а́дгыл* «земля» (из груз.), *аклакӀана* «грецкий орех» (из груз.), *уасӀ* «овца» (из иранск.), *а́ншема* «хозяин» (из иранск.), *кзрыс* «сноп» (из иранск., м. б. из осет.), *рагӀыну* «надочажная цепь» (из иранск.) или новые *кальендар*, «плакат, завод» и т. д.

Морфемы колеблющегося значения. Другого порядка колебания в отношении разделения синтагм по категориям простых производных и сложных производных возникают в единичных случаях тогда, когда та или иная морфема занимает по своему значению положение среднее между служебными и реальными; таковы, например, все весьма многочисленные и постоянно возникающие вновь образования имен действующих лиц на *гIвы* (значение «человек» сохраняется за этой морфемой до последнего времени, но наряду с ним существует в том же значении сложнопроизводное $гIвычIвыс = гIвы + чIв + гIвы + с$, где последнее *с* создано по аналогии с *пхIвыс*), например: *а́рпхьагIв(ы)* «учитель», *чешвагIв(ы)* «трус» и т. д., которые можно рассматривать двояко: и как сочетание двух реальных морфем *арпхьа + гIв(ы)*, *абрагь + гIв(ы)* и т. д., и как сочетание соответствующей морфемы реальной со служебной морфемой *гIвы*. Сходное положение занимают многие слова, образованные морфемой *чIвы* «собственность» и «относящийся к чему-либо, происходящий от чего-либо» и проч. Ср. далее такие слова, как *уыжварый* «теперешний» (или *уыжв + арый* «теперь этот»), *агӀычIв(ы)* «пускать ростки» (*агӀь = «семя», слово полузабытое + чIв(ы)*, допускающее ряд ассоциаций) и т. п.

Рассмотренное выше деление синтагм-слов на простые производные и сложные производные является одним из возможных, но далеко не единственным делением. Отметим дальнейшие виды возможного деления слов по категориям.

Классификация синтагм по звуковой форме морфем. По внешней звуковой форме синтагмы-слова разделяются на состоящие из разнородных в звуковом отношении морфем и состоящие из фонетически однородных, более или менее сходных, повторяющихся морфем. Примерами слов первого рода могут служить: *ачвӀажвара* «разговаривать» (*а + чв + ажва + ра*), *антирӀа* «ломать» (*а + п + ти + ра*), *ачвӀмза* «лучина» (*а + чва + мза*), *агIаджвӀажъара* «выбегать наружу» (*а + гIа + джв + л + жъа + ра*), где в состав синтагм входят совершенно не сходные в звуковом отношении морфемы.

Примерами слов второго рода могут служить *ачегӀамӀчегӀа* «всякая нечисть» (*а + чегӀа + мы + чегӀа*), *цIырыцIырра* «кричать» (*цIыры + цIыр + ра*,

ср. *цIыррә* «кричать»), *агIвычIвгIвыс* «человек» ($a + гIвы + чIе + гIвы + с$), *мачIмәчIымцара* «постепенно, понемногу» ($мачI + мачIы + мца + ра$, ср. *мачI* «мало»), *агIвыкъядзIкъяра* «бегать туда и сюда» ($a + гIвыкъя + дзIкъя + ра$), *хъвахъва* «кривой» ($хъва + хъва$, ср. *хъва* «гнутой, кривой»), *агIвыкIерә* «чесать шерсть, выщипывать» ($a + кIвы + кIе + ра$, ср. *аласкI-выга* = $a + лас + кIвы + га$ «шерсточесалка», где сохранен простой корень *кIе*) и т. п., где мы видим повторение сходных или тождественных звуковых элементов дважды. Вторая категория характеризуется и в смысловом отношении — интенсивностью значения слова — синтагмы, как бы удваиваемого по силе сравнительно со значением простой основы. Можно предположить с большим вероятием, что целый ряд ныне неразложимых морфем, состоящих из двух и более слогов, из коих два одинаковы в звуковом отношении, возникали по аналогии с такими удвоенными, редуцированными синтагмами, ср. *абIба* «пушистый», *атIатIа* «мягкий», *апашIашара* «ползать» (о многих мелких животных), *шкIвакIеа* «белый» (несомненно $ш + кIвакIеа$, ср. $ш + ла$ «седой» и т. п.), *хъшвәшва* или *хъчIвәчIеа* «холодный» (ср. *хъы* = «холодный»), *къякъя* «спина», *ауа-уадза* «недвижимый», *ыбы* «пыль», *быбрә* «реветь» (о зверях), *абгъабгъа* «рысь» (лошадиный аллюр) и т. п.

Классификация синтагм по их синтаксической структуре. По внутренней (структурной) форме синтаксических взаимоотношений, составляющих синтагму морфем, слова-синтагмы разделяются на следующие группы:

1) Синтагмы-слова атрибутивные (определятельные), т. е. такие, в состав которых входят морфемы, стоящие в отношении одна с другой или другими, как определяемое стоит в предложении по отношению к определению или определениям. В тесной связи с отношениями атрибутивными стоят отношения аппозитивные, ввиду относительности той грани, которая отделяет прилагательные (атрибуты), как названия качества и свойства, отвлеченного от их носителя, и существительные (аппозиции), как названия носителей качеств и свойств. Поэтому мы относим к этой группе слов-синтагм и сочетания аппозитивные (приложные), называя всю группу синтагмами-словами атрибутивно-аппозитивными. Примеры: *пшыхъ* «холодный ветер» (как бы = $пша хъшвәшва$); *ажгIыс* «телушка» (как бы = $ажв чIкIын$); *шIадзI* «слюна» (букв. «ртовая вода», равно по типу сочетания такой синтагме, как *цыгвIйхъва* «кошачий хвост»), *сәрчвә* «ягнячья шкура», *уасчвә* «овечья шкура», *атшкъя* «конский навоз», *чарауыра* «долгий, продолжительный обед», *атшI* «его лошадь» или «определенная, известная лошадь», *стшI* «моя лошадь», *ртшI* «их лошадь», *ыгIвылакI* «его два глаза»; *хдзыскI* «три козленка», *әгъмананIы* «правая рука», *кытдбу* «большое селение», *быжъпхәтша* «грубый жесткий звук, согласный», *гIвымшкI* «два дня», *бжыгIвхәчвәкI* «семь мужчин», *тшыгIважва* «20 лошадей» и т. п. Соответственно двум типам определений — определений качественных (атрибутивных) или определений относительных (аппозитивных) — меняется порядок расположения определения и определяемого.

2) Синтагмы-слова копулятивные (союзные), сочетающие морфемы, стоящие в отношении, существующем между однородными членами предложения. Примеры: *шIахгъ* «лицо» (букв. «рот и голова»); *ачегъамычегъа* «всякая нечисть» (букв. «чистое-нечистое»); *алхъанхъа* «сначала» (букв. «сначала-сначала»); *мачIцъардызтын* «более или менее»; *напъаIапара* «прыгать туда и сюда»; *наласеIаласра* «попадать туда и сюда» и т. п.

3) Синтагмы-слова копуляционные (союзные), отличающиеся от копулятивных тем, что они образуются по аналогии не с двумя однородными членами предложения, а лишь с одним в его сочетании с союзным словом. Примеры: *саргъый* «и я» (*сар(а)+гъый*), *уыжыгъ* «теперь же» (*уыжсы+гъ*) и т. п.

4) Синтагмы-слова постпозиционные (последельные), составляемые морфемами, стоящими друг к другу в отношениях имени и управляющего им послелога. Примеры: *йарыйхъахъаз* «для самого себя» (*йаръ+йыхъа+ахъаз*), *сасуIыхъван* «после меня» (*са+с+уIыхъван*), *ауыйжътара* «после этого», *абъда* «лишенный отца» (*аба+да*, ср. *сара+сыда* «кроме меня»), *аныда* «лишенный матери» (*аны+да*), *мыжда* «несчастный» (*мыш* = «счастье, удача»+*да*), *хъанъхъ* «люб» (*хъа+апахъ*), *хъацтахъ* «затылок» (*хъа+ацтахъ*) и т. п.

5) Синтагмы-слова препозиционные (предложные), соответствующие сочетанию глагольного члена предложения (отглагольного имени) с относящимся к нему обстоятельственным словом. Примеры: *дзхъаIвара* «сидеть рядом, около» (*дзхъа+Iвара*), *уахIетагыла* «становиться влед за» (*уахIе+та+гыла*), *бжъагыла* «становиться посреди» (*бжъа+гыла*), *гIадагра* «нести вверх» (*гIада+гра*) и т. п.

6) Синтагмы-слова объектные (глагольно-дополнительные), отношение морфем внутри которых аналогично отношению дополнения к управляющему им глагольному члену предложения (отглагольному имени). Примеры: *напIасра* «хлопать в ладоши» (*напIы+асра*), *къвалъсра* «играть в альчик», *рахъхъа* «пастух» (букв. «скот охраняющий»), *тлапачIарта* «швейная мастерская» (букв. «место изготовления носков»), *дзгIагыIе* «водовоз» (*дз+гIагыIе*), *тшхъваръдзырта* «хлебопекарня», *алашIейга* «шерсточесалка», *чмазагIебаръ* «навещать больного» (*чмазагIе+бара*), *чвахъга* «сенокосилка», *жъхъарта* «доильня» («место доения коров»), *лацIашвъ* букв. «попавшее в глаз, сучок в глазу» (*ла+цIашва*) и т. п.

7) Синтагмы-слова аппозитивно (атрибутивно)-предикативные (придаточно-сказуемые), представляющие собою сочетание морфем со значениями подлежащего и сказуемого придаточного предложения и соответствующие русским причастным и деепричастным оборотам, или придаточным предложениям (обстоятельственным и дополнительным). Примеры: *сцауъ* «я идущий»¹ (*с+цауа*), *хIымчпауъ* «мы не делающая» (*хIы+мчпауа*), *уы.мцIыруа* «ты не крича» (*уы+мцIыруа*), *дръмбадзакIеа*

¹ Точнее — «я идя». (Ред.).

«они его совершенно не видя» (*ð + рымбадзакIва*), *дрыуата* «он, будучи из числа их» (*ð + рыуата*), или далее: *йахIтахъыз* «тот, которого мы хотели» (*й + ахIтахъыз*), *дызбауь* «тот, которого я вижу»¹ (*ды + збауа*), *санцауь* «когда я иду» (*с + анцауь*), *ðхIачIвэз* «там, где он сидел» (*ð + хIа-чIвэз*).

8) Синтагмы-слова предикативные (сказуемые), иначе слова-предложения, образующие такое сочетание морфем, которое воспроизводит отношение, существующее в предложении между подлежащим и сказуемым. Примеры: *йыгIарнийьд* «они их встретили» (*йы + гIар-ниад*), *дыгIбыйьд* «мы его видим» (*ды + гIбыйьд*), *йынаръхед* «они взяли его в руки» (*йы + нарахед*), *дабъпхъауа* «где он читает?» (*абапхъауа*), *йырий-тад* «о ним дал то» (*йы + рыйтад*), *йыцтIашецIа* «постелите» (*йы + цтIа-шецIа*), *дйьман* «он его имел» (*ð + йьман*), *дгььгамызд* «его не было» (*ð + гььгамызд*) и т. п. Отличие таких синтагм-слов от соответствующих синтагм-предложений состоит единственно в том, что на месте необходимых имен предметов и лиц предложения синтагма-слово содержит замещающие эти имена местоимения.

Приведенные категории синтагм-слов, разграничиваемых по внутренне-структурному соотношению образующих их морфем, как явствует и из приведенных примеров, не противостоят отнюдь одни другим, а перекрещиваются между собой, вследствие чего та или иная синтагма может заключать в себе нередко элементы нескольких из перечисленных выше основных, существующих категорий производных слов. Одна из этих категорий — слова предикативные — показывают наглядно, что никакой решительно принципиальной разницы не только между синтагмами-словами и синтагмами-словосочетаниями, но и между словами и предложениями в абазинском языке не существует, что поддерживается сходными явлениями и во многих других языках. Совершающиеся постоянно факты утраты ранее самостоятельными словами своего ударения, в силу постоянного нахождения в составе типичного словосочетания, при сопутствующих сдвигах в сфере значений сочетающихся элементов, дают все новые и новые примеры сложных по морфематическому составу слов. Имеются целые группы словосочетаний, находящиеся в настоящее время на грани между словосочетаниями и словами. Сюда относятся, главным образом, сочетания именного дополнения с последующим за ним (в форме атрибутивного сочетания) именем (примеры: *атийь ахъа* «голова лошади», *кына йьуарьд* «песнь о Кына (муж. имя)», *ТIапIанта ртаурьх* «история Тапанта» и т. п.) и аналогичные сочетания имен с последующим (в форме атрибутивного сочетания) наречием (последлогом) (примеры: *агъныь агIан* «в зимнее время», *ауьт рны* «у них» (в доме), *адъи атийь* «на берегу реки» и т. п.), тяготеющие к слиянию в одно слово, вследствие чего приведенные словосочетания принимают вид *атшахъа*, *кыныйуарьд*, *агънагIан*, *ауатырны*, *адзатийь* и т. п. Представляется затруднительным решить в отдельных

¹ *дызбауь* означает или «его (человека) и видя», или же «тот, который его (человека) видит». (Ред.).

случаях, имеем ли мы дело с завершившимся слиянием некогда самостоятельных слов в одно целое или случайным, возникающим в условиях нормального темпа речи облегченным произношением, выражающимся в частичной утрате словом характеризующего его, как самостоятельную единицу речи, ударения.

Классификация синтагм по их значению. По своему абсолютному значению синтагмы-слова абазинского языка разделяются на две группы: означающие непосредственные чувства, эмоции и означающие разного характера представления. Вторая группа, в свою очередь, распадается на слова, связываемые с представлениями предметов и лиц, представлениями постоянных (пассивных) и случайных (активных) признаков и, наконец, представлениями признаков второй степени (или признаков признака). Это деление лежит, по существу, в основе всякого деления слов любого языка на особые грамматические категории, называемые частями речи. Слова, означающие чувства, образуют в абазинском группу так называемых междометий, представления предметов и лиц — группу имен существительных, личных и указательных местоимений, представления постоянных признаков — группу имен прилагательных, представление признаков активных — группу причастий и глаголов и, наконец, представления признаков признака — группу наречий. Таковы основные категории самостоятельных слов абазинского языка, получающие соответственное внешнее выражение формальными средствами языка. О существующих в пределах каждой из групп более мелких подразделениях скажем далее, при рассмотрении отдельных частей речи.

Классификация синтагм по их роли во фразе. Последним разделением слов абазинского языка служит деление их по той синтаксической роли, которую они играют в составе синтагм высшего порядка — во фразах. Здесь следует наметить три основные категории: категорию слов предикативных, категорию слов полупредикативных и категорию слов не предикативных, по степени убывающей сказуемости слов, т. е. способности их играть роль важнейшего в абазинском языке элемента фразы — предложения — сказуемого, или так называемого предиката.

К первой категории относятся слова, характеризованные выше по внутреннему структурному признаку как предикативные, ко второй апозитивно-(атрибутивно)-предикативные и к третьей — все остальные группы, независимо от особенностей их структуры — апозитивно-атрибутивные, копулятивные и копуляционные, объектные, постпозиционные и препозиционные.

ЧАСТИ РЕЧИ

Классификация частей речи. Переходим к рассмотрению отдельных частей речи в абазинском языке. По соображениям практического порядка указанная выше чисто логическая группировка слов по их абсолютному значению комбинируется нами с группировкой слов

по их синтаксической функции, вследствие чего мы получаем такую последовательность изложения этого отдела: 1) междометия, 2) местоимения, 3) существительные, 4) прилагательные, 5) причастия, 6) глаголы, 7) наречия, 8) послелогии, 9) числительные, 10) союзы и некоторые частицы. Соответствующие разделы частей речи отнюдь не равноправны и перекрывают нередко друг друга, так что предложенная группировка не может считаться классификацией в собственном смысле слова, когда в основание деления кладется единый принцип деления, исключающий возможность одновременного отнесения какого-либо слова к разным рубрикам. Такими «неравноправными» основному для абазинского языка делению самостоятельных слов на междометия, имена, глаголы и наречия являются, как увидим ниже, местоимения (сводная группа из имен и наречий), прилагательные (разновидность имен существительных), причастия (имена с глагольными чертами), послелогии (разновидность наречий), числительные и союзы (частично — не являющиеся самостоятельными словами, а служебными морфемами, частично — совпадающие с именами и наречиями).

Междометия

Междометиями называются выражения, служащие условным (отнюдь не инстинктивным), сигнальным отображением естественных возгласов, сопровождающих у человека переживание различных чувств (эмоций). Их морфологической особенностью служит бесформенность, т. е. неделимость на отдельно значимые морфемы, хотя нередко по своему происхождению такие междометные слова представляются сложными синтагмами, обесмысливаемыми при переходе их в категорию междометий. Другой формальной принадлежностью междометий служит их синтаксическая обособленность, взаимонезависимость междометий и остальных членов фразы-предложения. Примеры междометий: *ya* «эй» (призыв), *yaуау* «увы, горе» (возглас печали, скорби), *йаууай* «ах, жаль» (возглас сожаления), *йыруй* «что» (возглас недоумения), *хАйтI* «эй» (возглас призыва), *хIагIе* (возглас, которым останавливают быков), *лу* «тьфу» (возглас отвращения, возмущения), *уый мърджыхара* «на помощь» (возглас призыва) и т. п. Междометия отделяются на письме от других слов предложения запятой, если их не сопровождает особо выраженная восклицательная или вопросительно-восклицательная интонация, в каком случае ставится восклицательный (а при особой силе тона два восклицательных) или вопросительный и восклицательный знаки.

Местоимения

Категория местоимений складывается в абазинском языке из слов различных других категорий «частей речи» и служебных морфем, выделяемых и объединяемых по признаку их смысловой функции — служить словами, замещающими слова более конкретного значения. Так, личные

местоимения 1-го и 2-го лица замещают собственные имена лиц, непосредственно участвующих в разговоре. Местоимения личные 3-го лица, указательные и вопросительные замещают названия и имена лиц и предметов, о которых идет речь в разговоре, а указательные, кроме того, выполняют роль относительных определений или приложений при именах. Местоимения притяжательные также замещают имена лиц и предметов, в роли обладателей, производителей, собственников какого-либо другого предмета. Формально все эти местоимения являются или именами существительными и прилагательными, или служебными морфемами в составе именных или глагольных форм (местоимения притяжательные, вопросительные и относительные). Впрочем, имеются и кое-какие специальные внешние выразители местоименно-именной категории слов: 1) следы старого «местоименного склонения», характеризующего местоимения личные и вопросительные, в виде существования двух основ — прямой основы на *a* и косвенной основы на *ы* (типа *са-*, *сы-*; *да-*, *ды-*), используемой ныне в двух значениях — притяжательного местоимения, в составе синтагм атрибутивного значения, и личного, в составе синтагм предикативного и атрибутивно-предикативного значения; 2) разноосновность единственного и множественного числа местоимений личных и указательных (например: ед. число *сарà*, мн. число *хларà*; ед. число *анйй*, мн. число *анйт*).

Местоименные наречия, производные от основ местоимений указательных, стоят в таком же отношении к наречиям конкретного значения, в каком другие местоимения-имена находятся по отношению к существительным. Формальной характеристикой местоименных наречий служат некоторые особые, им одним присущие форманты (как, например, *са*), в других наречиях не употребительные.

Местоимения личные. Местоимения личные могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Таблица личных местоимений

1-е лицо	ед. число	<i>са</i>	мн. число	<i>хла</i>
2-е лицо	ед. число муж. рода	<i>уа</i>	мн. число для	} <i>шва</i>
	ед. число жен. рода	<i>ба</i>	обоих родов	
3-е лицо	ед. число муж. рода	<i>йа</i>	мн. число для	} <i>ра</i> ¹
	ед. число жен. рода	<i>ла</i>	обоих родов	

Различение во 2-м лице ед. числа личных местоимений двух родов составляет любопытную особенность абазинского и абхазского языков, отсутствующую в большинстве других языков.

В приведенной форме личные местоимения употребляются по преимуществу энклитически, т. е. в тесном сочетании с другой синтагмой, принимающей на себя ударение, причем в составе синтагмы обязательно присутствует то же самое личное местоимение в краткой форме на *ы*,

¹ Следует: *да(ра)*. (Ред.).

в связанных с ней значениях или личного или притяжательного местоимения. Например: *са сьдѣа* «без меня», *уа уьдѣа* «без тебя» и т. д.; *са сьйьд* «я иду», *хІа дыхІчІвѣб* «(это) наша собственность», *са сгвѣр бѣйбрыхъвахъвад* = *ба + йьбрыхъвахъвад* «ты согнула мою иглу», *уа уым-цѣн* «ты не ходи», *шва швагѣлуаид* «вы встанете», *са сгѣлата* «я стоя» и т. п.

В абхазском языке простая (нераспространенная) форма личных местоимений употребляется, повидимому, несколько чаще, чем в абазинском и предпочтительна в ряде сочетаний, например: *састІвѣи* «мой», *уаутІвѣи* «твой», *рартІвѣи*¹ «их»; *сасѣвнІ*, *уауѣвнІ* «я (есмы)», «ты (есть)» и т. п. Однако во всех без исключения случаях употребления кратких форм они могут быть заменяемы формами, распространенными окончанием *ра*. Примеры *сасѣунІ*, *уауѣвнІ* и т. д. показывают существующие только в абхазском и неизвестные абазинскому формы предикативного употребления (со связкой *унІ*) нераспространенной основы личных местоимений. Это формы, дающие основание ассоциировать распространенную форму местоимений, оканчивающуюся на *ра*, с формой отглагольных имен (инфинитивов). Формы *саунІ*, *уаунІ*, *баунІ*, *йаунІ*, *лаунІ*, *аунІ* (образована по аналогии, от основы притяжательного местоимения 3-го лица ед. числа класса неразумных), *хІаунІ*, *шваунІ*, *рѣунІ* оказываются при таком сопоставлении как бы формами аориста (или настоящего времени глаголов состояния) от глагола *сарѣ* «мне быть» (или «быть мною»), *уара* «тебе быть» (или «быть тобою») и т. д. В абазинском языке употребляемые в предикативном значении личные местоимения сочетаются с вспомогательным глаголом *ѣкІвѣлара* «быть, существовать», например: *са(ра) сѣкІвѣб* (*сѣкІваб*) «я (есмы)», *уа(рѣ) уѣкІвѣб* (*уѣкІваб*) «ты (есть)», *са(ра) сѣкІвѣн* «я был», *уа(ра) уѣкІвѣн* и т. п.

Распространенная форма личных местоимений. В самостоятельном, независимом от других слов фразы употреблении указанные личные местоимения распространяются служебной морфемой *ра*, служащей для образования отвлеченных и отглагольных имен. Первоначальное значение этого рода сочетаний можно приблизительно передать русским «моя самость» (= *са + ра*), «твоя самость» (= *уа + ра*, *ба + ра*) и т. д. Этот же формант *ра* участвует в образовании неопределенного местоимения *хІара* «нечто». В распространенном виде таблица личных местоимений принимает следующий вид:

1-е лицо ед. числа		<i>сарѣ</i>	мн. число	<i>хІарѣ</i>
2-е » ед. числа	муж. рода	<i>уарѣ</i>	мн. число	<i>шварѣ</i>
	жен. рода	<i>барѣ</i>		
3-е лицо ед. числа	муж. рода	<i>ѣарѣ</i>	мн. число	<i>дарѣ</i> ²
	жен. рода	<i>ларѣ</i>		

¹ Следует — *дара ртІвѣи*. (Ред.).

² *дара* получается вм. ожидаемого **рарѣ*, как кажется, в силу диссимляции первого *р*.

Замечания требует прежде всего местоимение 3-го лица ед. числа муж. рода *йарà*, употребляемое значительно реже других личных местоимений и притом в двух различных значениях: основном, соотносительном с *ларà*, в смысле, подчеркивающим мужской пол лица, когда на этом делается ударение (*йарà* «он, мужчина» употребляется по преимуществу женщинами в разговоре между собою) и производном, соотносительном с *дарà*, в смысле, подчеркивающим единичное личное участие лица или предмета в каком-либо деле. В последнем случае *йарà* переводится на русский язык «он именно, он сам» и ставится в атрибутивное (апозитивное) отношение к другому имени (т. е. приравнивается к указательному местоимению), как, например: *ахIàрф бжьйда здзхьагылыу ахIàрфый йарà бжьыдый* «около которой стоит безгласная буква, и сама безгласная (буква)»; *йарà дзIайыйд* «он сам (именно он) приходит»; *йарàзныкI* (*йара + зныкI*) «однажды, сразу» (букв. «именно один раз»); *йарàбырг* «именно он», *йарасахIат* «тотчас же» и т. п. Аналогичную судьбу испытывает *йарà* и в абхазском языке, сохраняющем все же несколько более широкое применение этого местоимения сравнительно с абазинским, в котором личное местоимение 3-го лица неопределенного рода выражается, как правило, указательными местоимениями.

Местоимение 1-го лица мн. числа *хIарà* имеет инклюзивное значение, т. е. означает, что говорящий включает в число «нас» и того, к кому речь обращена. В значении эксклюзивном, т. е. исключающем того, к кому обращаются, употребляется сочетание личного местоимения *хIарà* с указательным элементом *барат*¹ — *хIарàбарат* «мы без тебя». В абхазском в этом значении употребляется также сочетание, но несколько иного значения, а именно: *хIарт* (где *т* представляет в деформированном виде основу местоимения *да + ра*). По аналогии с абаз. *хIарàбарат*, абхаз. *хIарт* (в значении «вы без меня») употребляется в абаз. *шварàбарат*, в абхаз. *шварт*. Постановка личного местоимения дважды подряд дает обычное в случаях редупликации (ср. выше) изменение значения в сторону его усиления: *шварàшвара* «вы сами (по себе)», *ларàларà* «она сама (по себе)» и т. д.

Личные местоимения часто сочетаются с некоторыми служебного значения «частичными словами» — морфемами, как, например: *сарàбырг* «я именно», *уарàбырг* «ты именно» и т. п.; *сарый* «я?» (при переспросе) (из *сара + вопросит. местоим. й*; в абх. в этом же значении *сарàу*), *уарый* «ты?» и т. п.; *саргьы(й)* «и я» (*сара + союзная морфема гьы*), *уаргьы* «и ты» и т. д. В значении «я сам» и т. д. употребляется сочетание личного местоимения *сарà* с постпозиционного типа синтагмой *схьатàла*: *сарà схьатàла* (далее: *уарà ухьатàла* и т. п.).

Попадая в синтагматическом сочетании с глагольными словами предикативного значения в положение субъекта (подлежащего) предложения, личные местоимения 1-го и 2-го лица принимают краткую форму

¹ Следует: *абарат*. (Ред.).

с(ы), у(ы), б(ы), хI(ы), шв(ы), замещающую ожидаемые *са, уа, ба* и проч. Что в данном случае имеет место чисто фонетическое, т. е. не связанное с изменением грамматического смысла, явление, а не морфологическое чередование прямого и косвенного падежей местоименного склонения, делает вероятным то обстоятельство, что в личных местоимениях 3-го лица наблюдается в подобных синтагматических сочетаниях ясное различие между «косвенным падежом» личного местоимения (переводимым нами условно притяжательным местоимением) и прямым падежом местоимения, являющимся местоименным формантом 3-го лица ед. и мн. числа (переводимым нами условно личным местоимением 3-го лица в им. пад. подлежащего и образуемым с помощью вопросительных местоименных частиц *да* и *йа*, испытывающих такую же точно фонетическую судьбу, что и личные местоимения 1-го и 2-го лица, т. е. переход от «прямых» форм *да, йа* к форме *д(ы), й(ы)*. Ср. различие *сарà сцыйд* «я иду», *зарà уцыйд* «ты идешь», с одной стороны, и *йарà (ларà) дцыйд* «он (она) идет», *йарà (дара) йцыйд* «оно (они) идет (идут)», с другой. Это различие прямой и косвенной форм личного местоимения 3-го лица и аналогия таких сочетаний, как *сарà суыс* «мое дело», *зарà ууыс* «твое дело», *йарà йуыс* «его дело», *ларà луыс* «ее дело», *дарà руыс* «их дело» дают основание выделять, в качестве особой, синтаксически и фонетически несамостоятельной, грамматической категории абазинского азыка, группу местоимений притяжательных, точнее префиксальных местоименных притяжательных частиц (морфем).

Местоимения притяжательные. Притяжательные местоимения представлены в следующей таблице:

Таблица местоимений притяжательных

1-е лицо ед. числа	<i>с(ы)</i>	мн. числа	<i>хI(ы)</i>
2-е лицо ед. числа муж. рода	<i>у(ы)</i>	мн. числа	<i>шв(ы)</i>
	жен. рода <i>б(ы)</i>		
3-е лицо ед. числа класса разумных		мн. числа	<i>р(ы) — д(ы)</i>
	муж. рода <i>й(ы)</i>	(обоих	
	жен. рода <i>л(ы)</i>	классов)	
3-е лицо ед. числа класса неразумных		<i>а(на)</i>	

Вводимые, таким образом, притяжательными местоимениями грамматические категории разумных существ (сюда относятся имена, означающие людей, независимо от их пола и возраста, и существ персонафицируемых, приравниваемых фантазией человеческим существам, каковы животные в сказках, духи, ведьмы и т. п.) и неразумных существ и предметов находят свое отражение, как увидим далее, помимо притяжательных местоименных частиц, еще в местоимениях вопросительных, в образуемых с их помощью глагольных формах,

в известной, ныне постепенно утрачивающей значение форме множ. числа имен существительных и, наконец, в синтагмах счетного значения.

Приведенные формы притяжательных местоимений выполняют в абазинском языке тройную функцию:

1) Эти формы служат чаще всего притяжательными частицами при именах, например: *сгга* «моя голова», *уынанIй* «твоя рука», *бцанIй* «твоя (женщины) нога», *йыжакIья* «его борода», *лхъабра* «ее коса», *ацIйхъва* «его (животного) хвост», *хIыла* «наш глаз», *швынцIа* «ваш нос», *риIа* «их рот». Перевод «моя, твоя» и т. д. основан, разумеется, на смысловом приравнивании абазинских выражений в целом к соответствующим русским, и можно было бы, имея в виду другие функции соответствующих частиц, в частности ту, которая указывается нами ниже в пункте 3, поставить вопрос о закономерности формального приравнивания этих частиц именно притяжательному местоимению или родительному падежу личных местоимений. Высказывалась в научной литературе, применительно к абхазскому и черкесскому языкам, в частности, та мысль, что эти «притяжательные» частицы скорее соответствуют дательному падежу русского языка и других европейских языков. Однако, помимо того, что признание здесь дательного отношения имеет ввиду лишь особый вид значения этой последней категории, так называемый «дательный владения» (посессивный), количественное преобладание в языке примеров, переводимых именно притяжательным отношением, оправдывает условное, конечно, именование этих частиц притяжательными. Это помогает, в частности, разъяснить ближайший смысл второй функции притяжательных частиц.

2) Эти формы служат целям указания на логический субъект действия в глагольных формах переходного значения, например: *уыбыйд* «я тебя вижу», *сыубыйд* «ты меня видишь», *уылбийд* «она тебя видит», *уыйбийд* «он тебя видит», *уабыйд* «оно (животное) тебя видит», *уыгIбийд* «мы тебя видим», *сыжвбийд* «вы меня видите», *уырбийд* «они тебя видят». В приведенных примерах, где *э*, *гI* и *жв* представляют закономерные варианты *с*, *хI* и *шв*, в соседстве с звонким *б* (ср. выше), мы имеем глагольные формы переходного значения, где притяжательные местоименные частицы соответствуют по смыслу русским «я, ты, он» и т. д. Точное значение формы открывается при учете: а) основного значения глагольной основы, имеющей, как мы видели выше, полумименной, а иногда и вполне именной характер; б) таких примеров предикативного употребления атрибутивных сочетаний имени с притяжательной местоименной частицей, каковы следующие: *ауыс дахъадъб* «он руководитель дела» (*д + а + хъада + б*, где *а* несомненно частица притяжательная 3-го лица ед. числа, класса неразумных), *хIыйтгIачъб* «мы его семья» (*хIы + й + тгIачва + б*, где *й* притяжательное местоимение 3-го лица ед. числа, муж. рода), *йыхIгIеъаб* «он — наш товарищ» (*йы + хI + гIеъа + б*, где *хI* притяжательное местоимение 1-го лица мн. числа), *йырбджъарб* «оно — их оружие» (*йы + р + абджъар + б*, где *р* притяжа-

тельное местоимение 3-го лица мн. числа) и т. п. Совершенно ясно, что эти примеры ничем по своей структуре не отличаются, например: *уызбаб* «я тебя увижу» (*уу + з + ба + б*), *сыубаб* «ты меня увидишь» (*сы + у + ба + б*) и т. д.; в) замечаний, сделанных только что в пункте 1. Оказывается, таким образом, что переводить следует, держась ближе формального значения сочетания, «ты мое (мне) видимое» = «я тебя вижу», «я твое (тебе) видимое» = «ты меня видишь» и т. д.

3) Эти же формы служат в известных случаях для указания на косвенный объект действия, а именно в глагольных формах переходного и вдвойне переходного значения, так, например: в формах глаголов «давать» (*тра*), «говорить» (*хIбарà*) и др.; ср. например: *йууистад* «я тебе дал то» (предмет) (*йу + уу + с + та + д* = то + тебе + мое + данное было), *йыхIнàтхд* «оно (предмет, явление) дало нам то» (*йу + хI + на + тхд* = то + нам + его (неразумн.) данное снова было), *сыуипхыйд* «я тебе кричу» (*сы + уу + пхыйд* = я + тебе + кричащий есть), *хIапхьаб* «мы будем читать» (*хI + а + пхьаб* = мы + ему (т. е. книге) + кричащие будем), *йадрь-пхыйд* «они заставляют их читать» (*й + а + д рьпхыйд* = они + ему (книге) + их + кричать понуждаемые суть), *йылàйхIвд* «он ей сказал то» (*йу + ла + й + хIвд* = то + ей + его + сказанное было) и т. п.

Особые формы притяжательных местоимений. Приведенные в последнем пункте примеры требуют некоторых пояснений: 1) Форма *на* вместо *а* в качестве притяжательного местоимения класса неразумных употребляется только в значении указания на логический субъект действия в глагольных формах переходного значения, и то лишь при условии сложности глагольной основы, состоящей в этих случаях из чистой основы и префикса (обычно местного значения); в приведенном примере (*йыхIнàтхд*) притяжательная местоименная частица (*хI*) приравнивается по грамматическому значению такому префиксу. Приведем другие примеры употребления *на* вместо *а*: *йыгIана-цIад* «она снесла» (яйцо, о курице) (*йу + гIа + на + цIад*, где *гIа* глагольный префикс неопределенного значения «сюда»); *йынкьэвнажыйд* «оно приводит то в движение» (*йу + нкьэ + на + жыйд*, где *нкьэ* глагольный префикс реального значения, равный по существу основе глагола «ходить, двигаться»); *йанàхIвд* «оно (неразумн.) ему (неразумн.) сказало то» (*й + а + на + хIвд*, где местоимение *а* приравнивается глагольному префиксу); *йыгIаунацтхд* «оно (неразумн.) отпустило его (неразумн.)» (*йу + гIау + на + цтхд*, где *гIау* сложный из *гIа + ау* глагольный префикс); *йыгIанàгд* «оно (неразумн.) принесло то» (*йу + гIа + на + гд*, где *гIа* глагольный префикс) и т. п. Форма *на* возникла, повидимому, из *а* в результате неправильного морфологического членения синтагмы, путем отнесения к притяжательной частице *а* последнего звука некоторых паречного значения префиксов, оканчивавшихся согласным *н* (ср. ниже, в отделе наречий, формант «местного падежа» *на*). До сих пор сохранились единичные примеры употребления *а* вместо *на* в составе сложных глаголов, например глагола *чвыфра* «отъедать» (*чвы + ф + ра*) — *йырч-вàфуан* «оно (животное) у них съедало» (*йу + р + чв + а + фуан*, где *а* вм.

ожидаемого *на*). Вторым, еще более редким и несознаваемым уже вариантом местоимения *а* служит форма *ай*, засвидетельствованная в абхазском словом *айын* (вм. **а+ан*) «мать животного, например теленка»; в абхазском и абазинском формой залога взаимности *ай* (например, *айсра* «ссориться», *айгвабара* «видеться друг с другом, специально навещать новых родственников после женитьбы», изредка в близком значении и в именах: *айцала* «(со)невестка», *айцIба* «младший» и т. п.); единичными глагольными формами (например: абхаз. *йанайду* вм. *йан+а+ау* «когда он (неразумн.) нашел то»); все указанные случаи вызваны стремлением избежать слияния (нарушающего морфологическую ясность сочетания) двух звуков *а*, стоящих рядом.

2) Форма *ды* вместо *ры* употребляется в значении логического субъекта действия и косвенного объекта действия в формах понудительного залога; *ды* возникает здесь в силу диссимилиации двух (трех) *р*: одного, образующего форму понудительного залога, и второго (а иногда и третьего), образующего субъект (при третьем *р* — объект) действия. Приведем другие примеры употребления *д* вместо *р*: *йыдырхәуд* «они направили то» (*йы+ды+рхәуд* вм. *йы+ры+рхәуд*, где *рхәу* основа понудительного глагола «направлять»), *йыдсрыжвйид* «я заставляю их пить» (*йы+д+с+рыжвйид*, где *рыжв* — основа понудительного глагола «заставлять пить»), *йынкъвйиддыргйид* «они заставляют их вести то» (*йы+нкъвы+д+ды+ргйид*, где *рг(а)* основа понудительного глагола «заставлять вести»).

3) в формах глагола *хIварә* «говорить» наблюдается исключительная по огласовке форма местоименных частиц, указывающих на косвенный объект действия: *йыгIасәйхIвд* «он сказал мне то» (*йы+гIа+са+й+хIвд*, где *са-* «мне» вм. ожидаемого- *сы*), *йыгIауәйхIвд* «он сказал тебе то» (здесь *уа-* «тебе»), *йыгIахIәйхIвд* «он сказал нам то» (здесь *хIа-* «нам»), *йыгIарәйхIвд* «он сказал им то» (здесь *ра-* «им») и т. п. Представляется затруднительным решить, являются ли здесь «полные» формы на *а* пережитком первоначального косвенного (дательно-направительного) значения форм *са*, *уа* и т. д., или же эту особенность следует объяснять как-нибудь иначе. В пользу первого решения говорят некоторые факты аналогичного (и поддающегося известному осмыслению) чередования *а* и *ы* в единичных формах имен существительных и некоторых глагольных префиксов, о чем см. ниже.

В роли притяжательных местоимений синтаксически самостоятельных используется в абазинском языке сочетание притяжательных местоименных частиц с существительным *чIвы* «собственность», т. е. *счIвы*¹ «мой» (или *сасчIвы*, *сарасчIвы*), *уычIвы*¹ «твой» (*уауычIвы*, *уарауычIвы*) и т. д., употребляемое по преимуществу предикативно, в роли сказуемого, т. е. в дальнейшем сочетании со связкой, например: *арәй сасчIвыб*, *ауәса ауәй уауычIвыб* «это мое, а то твое». Соответствующие формы в абхазском языке имеют более широкое применение, ввиду ослабления в нем соб-

¹ Формы *счIвы*, *уычIвы* неупотребительны. (Ред.).

ственного значения морфемы *тIвы* (фонетически соответствующей абазинскому *чIвы*) и перехода ее на положение именного словообразовательного суффикса со значением «относящийся к, принадлежащий» (кому-либо, чему-либо).

Определенный член. Наряду с указанными тремя значениями префиксальных притяжательных частиц, одна частица, именно частица 3-го лица ед. числа класса неразумных *а* имеет, повидимому, еще одно важное грамматическое значение — значение определенного члена имени, в общем соответствующего аналогичному явлению в ряде западноевропейских языков (немецком, французском, английском и др.).

Не подлежит сомнению, что в современном употреблении этой частицы предполагаемая нами генетическая и смысловая связь ее с соответствующим притяжательным местоимением значительно ослаблена и опознается лишь в соотносительном противопоставлении другим притяжательным местоимениям. В употреблении этой частицы (в качестве определенного члена) наблюдается заметное различие между таантинским и шкараванским, с одной стороны, и закавказскими абхазскими наречиями — с другой. В абазинском языке присоединение форманта *а* характеризует предмет, как известный говорящим, определенный обстоятельствами дела или контекстом речи. Формы без *а* встречаются достаточно часто, например, на вопрос о том, как называется тот или иной предмет или явление, ответ содержит нормально чистую основу слова, сохраняющую значение единственного числа. Примеры: *арый зачIвййа?* «это что такое?» — Ответ: *арый — мзаб, багъаб, рыб* и т. д. «это — лампа, лисица, войско» и т. д. Несколько иначе обстоит дело в абхазском. Отвлекаясь от некоторых частных (особой формы звательного обращения и особенностей стиля пословиц и т. п., где употребление чистой основы несколько отличается от повседневной разговорной нормы), можно сказать, что здесь сочетание имени с частицей *а* является нормальной формой, не выражающей уже отчетливо определенности, известности предмета (как в абазинском), а в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда употребляется чистая основа слова, значение ее приближается к идеальной бесформенности. Так, например, *тишы* — в абазинском языке «некая лошадь» (пока неопределенная, ранее в речи не упоминавшаяся), в абхазском же это выражение более отвлеченного, собирательного понятия «лошади вообще» и может быть переводимо как единственным, так и множественным числом, например: *тишы сIмам* «у меня нет лошади» (вообще, одной или многих). Учитывая эту разницу, можно признать, что с точки зрения словаря основной формой слова служит в абазинском чистая основа, тогда как в абхазском в этой роли выступает сложение: опред. член *а* + основа; соответственно при составлении абазинского словаря следует помещать слова прежде всего в форме чистой основы, а формы с определенным членом лишь во вторую очередь. Различие абхазского и абазинского языков в отношении значения и употребления чистой глагольной основы имеет своим источником то, что в абхазском суффиксе *кI*,

присоединявшийся первоначально к именам для образования одного падежа числовой единичности, эволюционировал в своем значении и образует в настоящее время два падежа: падеж единичности: *тшыкI* «одна (единственная) лошадь» (противопоставляется падежу собирательному *тшы* «лошадь» (вообще), «лошади»), и падеж неопределенности: *тшыкI* «какая-то (неизвестная, ранее не упоминавшаяся) лошадь» (противопоставляется падежу определенному *атшы* «та известная, упомянутая лошадь»).

Местоимения указательные. Перейдем к местоимениям указательным, выполняющим в абазинском языке двойную функцию: реже — функцию слов, замещающих названия предметов и лиц (имена существительные); чаще — функцию заместителей относительных определений при названиях предметов и лиц (имена прилагательные). Подобно местоимениям личным, указательные местоимения представлены в двух основных формах — кратких, фонетически не самостоятельных (энклитических) и потому тесно примыкающих к тому имени, к которому они относятся, и полных, имеющих обычно самостоятельное ударение (в случае употребления в первой из названных функций) и самостоятельную синтаксическую роль.

В отличие от русского и многих других языков, но аналогично абхазскому и кабардинскому, абазинский язык различает три возможных пространственных отношения говорящего к предмету речи: предмет, о котором говорится, находится в ближайшем соседстве с самим говорящим; предмет, о котором говорится, находится в некотором отдалении от говорящего, в соседстве с тем, к кому речь обращена; предмет, о котором говорится, находится в соседстве с третьими лицами, близкими или далекими, присутствующими или отсутствующими. Таково основное значение трех различных основ указательных местоимений, переосмысливаемое нередко вторично — в значения: предмета, близкого говорящим, предмета далекого, но все же видимого говорящим и предмета невидимого.

Таблица местоимений указательных (краткой формы).

ара — этот (рядом со мной находящийся)

ана — тот (рядом с тобой находящийся)

ауа — тот (рядом с ним находящийся)

Существующие, таким образом, в абазинском краткие формы указательных местоимений имеют в закавказских наречиях абхазского языка несколько иное значение и употребление, а именно: они (в форме *арà*, *анà*, *уа*) употребляются в значении местоименных наречий («здесь у меня, там у тебя, там у него»), сохраняют фонетическую самостоятельность (собственное ударение) и синтаксическую независимость (обстоятельственных слов — наречий места). Ср. ниже абазинские местоименные наречия.

Приведенные краткие формы не различают сами по себе ед. и мн. числа, принимая тот или иной смысл в зависимости от значения той

именной формы, к которой они примыкают, например: *арахIарф* «эта буква», *арахIарфэа* «эти буквы». От этих форм образуются путем присоединения к ним сокращенной основы личных местоимений 3-го лица ед. (й) или мн. (ѳ) числа некроткие формы указательных местоимений того же значения, различающие уже ед. и мн. число.

Таблица местоимений указательных (некроткие формы)

Единственное число

<i>арйй</i>	(из <i>ара + й</i>)	соотв.	кабард.	<i>мыр</i>
<i>анйй</i>	(из <i>ана + й</i>)	»	»	<i>мор</i>
<i>ауйй</i>	(из <i>ауа + й</i>)	»	»	<i>ар</i>

Множественное число

<i>арѳт</i>	или <i>арт</i>	(из <i>ара + ѳ</i>)	соотв.	кабард.	<i>мыхэр</i>
<i>анѳт</i>	или <i>ант</i>	(из <i>ана + ѳ</i>)	»	»	<i>мохэр</i>
<i>ауѳт</i>		(из <i>ауа + ѳ</i>)	»	»	<i>ахэр</i>

В целях более выразительного, конкретного указания на интересующий говорящего предмет, приведенные некроткие формы допускают дальнейшее распространение их с помощью указательной частицы *ба*, вставляемой между начальным *а* и следующим за ним согласным. Образованные таким образом варианты означают «вот этот» (у меня), «вот тот» (у тебя), «вот тот» (у него) и т. д.

Таблица местоимений указательных

(распространенные формы)

<i>абарйй</i>	<i>абарѳт</i>	или	<i>абарт</i>
<i>абанйй</i>	<i>абанѳт</i>	или	<i>абант</i>
<i>абауйй</i>	<i>абауѳт</i>		

Соответствующая абазинской абхазская система указательных местоимений отличается лишь в некоторых фонетических подробностях, а именно:

1) *арйй*, *анйй*, *уый* (= абаз. *ауйй*), *арт* (*арѳт* не употребляется), *ант* (*анѳт* не употребляется), *урт* (= *ауѳт*); ср. зеленч. абаз. *уыт*.

2) *абрйй*, *абнйй*, *уырйй* (= *абауйй*); ср. зеленч. *ауый* (*абарт*, *абант*, *уьбарт* (= *абауѳт*); ср. зеленч. *ауыт*.

Помимо сочетания с указательной частицей *ба*, местоимения *арйй*, *анйй*, *ауый* и т. д. вступают нередко в сочетание с усилительной частицей *бырг* «именно», *арййбырг* «этот именно», *анййбырг* «тот именно» и т. д.

Приведенные указательные местоимения некроткого и распространенного видов выполняют обычно в своей первой функции роль личного местоимения 3-го лица ед. числа *йарѳ*, ограниченного, как мы видели выше, немногими случаями применения. Чаще всего в этом

значении (= русск. «он») выступает, естественно *ауьй*. По аналогии с 3-м лицом ед. числа и во мн. числе *дарà* уступает часто свою роль указательному *ауàт* (= русск. «они»), приобретая само в силу этого противоположения нередко значение более выразительного, подчеркнутого «они» (именно).

Теряя конечные морфемы *и* и *т*, распространенные формы местоимений *абрйй* и *абанйй* выступают в значении указательной частицы «вот»: *абàр*, *абàн*. Например: *абàр кIолхòз* «вот колхоз», *абàн кIнйга* «вот книга» и т. п.

Местоименные наречия места и образа действия. От кратких форм указательных местоимений образуются два типа местоименных наречий: наречия места и наречия образа действия.

Наречия места: *арàга* или *арьга* «здесь, сюда, отсюда», *анàга* или *аньга* «там, туда, оттуда», *ауàга* (*ауьга*) «там, туда, оттуда». Различное (тройное) значение приведенные формы получают в зависимости от глагольного слова, к которому они относятся в составе фразы: например: *арàга дгьлаб* «он стоит здесь», *арàга дгIайд* «он пришел сюда», *арàга дгIатуйIд* «он вышел отсюда». Соответственно тапантинским *арàга*, *анàга*, *ауàга*, в шакараванском диалекте употребляются формы *арàкга*, *анàкга*, *ауàкга*. Закавказский абхазский язык, сохраняющий за морфемой *кга* самостоятельное значение послелога «по направлению к» (например: *агIенйкга дцойтI* «он идет домой, по направлению к дому»; переносное значение «около, примерно», например: *гIебахгà* «около двух, примерно два»), употребляет в этом значении и простые *арà*, *анà*, *уа* (как указано выше) и *арàкга*, *анàкга*, *уàкга* (иногда и *арàга*, *анàга*, *уàга*).

В специальном значении «по направлению к (чему-либо), в сторону (чего-либо)», в менее определенном значении, чем абх. *кга*, употребляется в абазинском и абхазском сочетании краткой основы с формантом *хь*: *арàхь*, *анàхь*, (*а*)*уàхь*. В закавказских наречиях абхазского языка допустимо на вопрос «откуда» образование специальных форм, неизвестных абазинскому языку, оканчивающихся на *нтIв* или *тIв*: *арàнтIв*, *арàхьтIв* «отсюда» и т. п.

Наречия образа действия: *арàса* «так, таким образом», *анàса* «так, таким образом». Соответствующие абхазские формы звучат *арса* (лит. абх. *арс*), *анса* (лит. абх. *анс*) и *уис*. Сюда же относятся в абхазском образуемые от распространенных форм наречия *абàрс* (*абàс*) и *уьбàрс* (*уьбàс*, *уьбьс*). Ввиду утраты формантом *са* своего первоначального самостоятельного значения наречия образа действия «так» (связано этимологически с формантом относительных причастий образа действия *шы*) формы эти в абазинском распространяются нередко вторым наречным формантом *мца* (*мцара*, *мцра*), принимая вид: *арàсамца* (*арàсамцара*, *арàсамцра*) «таким образом» и т. д., и несколько видоизменяя значение в сторону глагольности — *арàсамца(ра)* «при таких обстоятельствах, когда дело обстоит таким образом». Форма *ауàса* служит, кроме того: в роли почти единствен-

ного в абазинском языке самостоятельного сочинительного союза «но, а»; в роли неопределенного местоимения «какой-либо», например: *аудса ажъанахъажI* «какое-либо предложение».

От кратких же форм, когда гласный *a* меняется на *ы*, образуются наречия, совмещающие оба оттенка значения: местный (локальный) и образный (модальный), а именно: *арыла* «этим путем, образом, в этом направлении», также *аныла*, *ауыла*. Нередко встречаются удвоенные формы *арыларыла*, *аныланыла*, *ауылауыла* в значении «так-то и так-то, таким-то и таким-то путем».

Первоначальное инструментальное (орудивное) значение этих форм сохраняется в некоторых примерах, как-то: *ауыла хыгъразым* «мы тем недовольны, мы с тем не согласны».

Местоимения вопросительные. Местоимения вопросительные представлены в абазинском языке в двух формах: самостоятельной (и неразложимой на составные части), соответствующей по значению русскому «какой, какого рода, что за...?» и несамостоятельной, соответствующей по значению русскому «кто, что?». В первом значении употребляются две формы, в зависимости от того, идет ли речь о человеке или о предмете: *дзачIвэйа* «какой, какого рода, что за (человек)? кто такой?», *зачIвэйа* (реже *ачIвэйа*) «какой, какого рода, что за (предмет)? что такое?».

По своему несознаваемому уже первоначальному значению формы эти разложимы на морфемы (*ð*)*э+а+чIвы+йа*, букв. «(кто)+который+определенный (принадлежащий ему, неразумному)+собственность+что», т. е. «к какому классу, роду вещей, предметов (он) относится, принадлежит?». Если спрашивающий намерен узнать о нескольких предметах или лицах, может быть образована общая форма мн. числа *зачIвквэйа* (*э+а+чIвы+йа+квэ+йа*) «каковы, какого рода, что за (предметы, лица)?». Ср. аналогичного морфологического состава абазинские вопросительно-притяжательные местоимения: *дызчIвэйуда* «кому он принадлежит?», *йызчIвэйуда* «кому оно принадлежит?», *дызчIвэйзда* (*йызчIвэйзда*) «кому он (оно) принадлежал?», во мн. числе *йызчIвквэйуда* «кому они принадлежат?», абх.: *дызтIвэйда* (*йызтIвэйда*) «кому он (оно) принадлежит?», букв. «тот, чьей собственностью он (оно) является, кто такой?» (*ды+э+тIвы+да*, *йы+э+тIвы+да*; *тIв* закономерно соответствует абаз. *чIвы*).

Приведем примеры употребления самостоятельных вопросительных местоимений: *арый* (*ð*)*зачIвэйа* «что (кто) это такое (какой)?»; *арый ахъыз* *зачIвэйа* «как это называется?»; *уыхъыз* *зачIвэйа* «как твое имя?»; «как тебя зовут?»; *уызэйтIвIауа* *зачIвэйа* «что ты ищешь?»; *йыуфа* *зачIвэйа* «что ты кушал?»; *йыгIай* *дзачIвэйа* «кто пришел?»; *йыгIаэд* *дзачIвэйа* «кто принес?»; *йыгIайдыз* *зачIвэйа* «что он принес?»; *дызачIвэйа* (*а*)*уый* «кто он такой?»; *уызачIвэйа* «ты кто такой, кто ты?»; *са* *сзачIвэйу* *уард* *ууыс* *гызуымам* «кто я такой, не твое дело». Последний пример (ответ на вопрос *уызачIвэйа*), наряду с формой мн. числа *зачIв-квэй-йа*, показывает наглядно отчетливую разложимость (*ð*)*зачIвэйа*

и в настоящее время на элементы *зачIвы* и *йа*. Способность этих элементов инкорпорировать, т. е. включать в состав сочетания, любое существительное видно из примеров: *арьй акьт йызачIкьйтйа* «что это за селение?», *арьй агвьт йызачIгьвьйтйа* «что это за группа?» и т. п.

Параллельным (*д*)*зачIвьйа* самостоятельным вопросительным местоимением с основным значением «каковой, какого рода, на что похожий, чему подобный?» служит (*д*)*зачпиййа*, во мн. числе *йызачпиквьйа*, употребляемое совершенно аналогичным образом и допускающее, в частности, разложение на *зачп(ы)* и *йа* (например: *арьй акьт йызачпиквьйтйа*).

Этимологическое значение элемента *зачп(ы)* более прозрачно для говорящих, чем происхождение *зачIвы*, ввиду существования в современном употреблении местоимения уподобительного *апш* (ср. ниже), что дает возможность выделять из состава *зачп(ы)* морфему *з*.

В значении «кто именно?» употребляется в абазинском языке *дазыуда* (повидимому *д + а + зы + у + да*, букв. «кто его сделал?»).

Местоимения *дзачIвьйа* и *зачIвьйа* представляются характерным отличительным признаком говоров Танапта в отличие от Шкарава, употребляющего в этом значении соответственно: *зачIвьда* «кто такой?» и *зачIвьй* «что такое?» (*з + ачIвы + да*, *з + ачIвы + й*, где *ачIв(ы)* основа вспомогательного глагола «существовать»). Литературный абхазский язык имеет соответственно *дызуйьсда* «кто он (такой)?» (букв. «тот, чьим делом он является, кто?») (*йы*)*зачIвы(за)й* «что (такое)?»; во мн. числе *йызуйьсвада* «кто они?»

Абазинскому языку неизвестны существующие в закавказских наречьях абхазского языка самостоятельные вопросительные местоимения *дърбан* «кто, который?» (о разумном), *йърбан* «что, который?» (о неразумных) и образованные по аналогии с ними формы *сърбан*, *уърбан* и т. д.

Простейшая форма вопросительных местоимений. Рассмотренные синтаксически самостоятельные вопросительные местоимения представляют собой, таким образом, результат сложения с элементами *йа* или *да*, каковые и являются основными и обычными, в сочетании с глагольными формами, лишенными ударения и значения самостоятельного слова вопросительными местоименными формантами со значением «что (или кто)?». Такие сочетания *йа* и *да* с глаголом выполняют так же, как и рассмотренные выше местоимения вопросительные самостоятельные, синтаксическую роль предиката (сказуемого), и относятся по структурному типу к числу синтагм предикативных. Приведем примеры употребления несамостоятельных вопросительных местоименных частиц *да* (кто) и *йа* (что): *уызьпшгIаудйа* «что ты ищешь?»; *уызьпшгIаудда* «кого ты ищешь?»; *йыуфйа* «что ты скушал?»; *йыуфда* «кого ты скушал?»; *йыгIайда* «кто пришел?»; *йыгIайдьзда* «кого он привел?»; *йыгIалрййда* «кого она родила?»; *йыхйа* «что он сделал?»; *йыгьлайа* «что стоит?»; *йыхIаудйа* «что он говорит?»; *йыгIарьштуада*

«кто им даст?»; *йырҭмыҭа* «кого они имеют?»; *ауҭ лацҭада* «кто их посадил, посеял?»; *йызривѿхда* «кто их полол?»; *йамҭанѿа* «каково его значение?» (точнее: «что представляет собою его значение?»); *ймуҭхь-уаѿа* «что у тебя болело?».

В наречиях абхазского языка соответствующими абазинским частицами являются *да* и *йи* (или *й*), например: *уыззыпшаауҭй* (*уыззыпша-ауҭйи*) «что ты ищешь?»; *уыззыпшаауҭда* «кого ты ищешь?».

Рассматривая приведенные примеры, нетрудно заметить, что формы, оканчивающиеся на *да* и *йа*, получают при переводе их на русский язык два значения: *да* соответствует «кто, кого» и *йа* «что (им. пад.), что (вин. пад.)». Это различие значения зависит от состава предшествующей вопросительным частицам *да* и *йа* части синтагмы, каковая может быть анализируема лишь при знакомстве с относительным местоимением *з* и причастием (см. ниже).

Как уже указывалось выше, эти же вопросительные местоименные частицы служат, взамен личного местоимения 3-го лица, в несколько измененной форме *д(ы)* и *й(ы)*, для выражения логического субъекта действия в глагольных формах непереходного значения и логического объекта действия в глагольных формах переходного значения; в этом своем применении они предшествуют основе глагола и являются, таким образом, частицами префиксальными, в отличие от своего основного значения вопросительных местоимений, когда они употребляются суффиксально. Ср. различие: *д+цыйд* «он (разумн.) идет», *йи+цыйд* «он (неразумн.) идет», с одной стороны, и *йицауҭ+да* «кто идет?» (букв. «видущий кто?»), *йицауҭ+йа* «что идет?» (букв. «видущее что?»), с другой стороны.

Местоименные наречия относительные и вопросительные. Относительные и вопросительные местоименные наречия (соответствующие русским «где, куда, откуда, когда» и т. п.), не имеют в абазинском языке самостоятельной словесной формы и выражаются в составе анпозитивно-предикативных и предикативных синтагм, в сочетании с тем или иным глаголом (последний — в форме причастия). Образуются они от соответствующих форм относительных наречий, путем присоединения к ним специального вопросительного форманта *ба*, утраченного в самостоятельном, независимом от данных сочетаний употреблении абазинским, но сохраненного в этой роли в абхазском.

Таблица относительных и вопросительных наречий

Относительные наречия	Вопросительные наречия
<i>за</i> (соотв. шкарав. <i>кѿа</i>)—где, куда, откуда	<i>а+ба</i> — где? куда? откуда?
<i>ан</i> — когда	<i>ан+ба</i> — когда?
<i>ш(ы)</i> — как	<i>ш+па</i> (из первонач. <i>ш+ба</i>) — как?
<i>ахь</i> — куда (в каком направлении, в какой стороне)	<i>ахь+па</i> (из первонач. <i>ахь+ба</i>) — куда?

Употребление указанных наречий может быть иллюстрировано следующими примерами:

1) *с-ѡа-ѡауа* (или *с-ахъѡа-ѡауа*, ср. ниже); *ауѠа ѡа̀рдаб* «там, куда я иду, людей много»; *ѡы-ѡа-ѡаз аннѡ* «там, куда они пошли»; *ѡ-ѡа-ѡѡауа* «там, где он сидит»¹; *ѡ-ѡа-ѡѡаз* «там, где он сидел»; *ѡ-ѡа-ѡѡыуи* «там, где он будет сидеть»²; *с-абѡ-ѡауа* «куда я иду?»; *ѡ-абѡ-ѡаз* «куда они пошли?»; *ѡ-абѡ-ѡѡауа* «где он сидит?»¹; *ѡ-абѡ-ѡѡаз* «где он сидел?»; *ѡ-абѡ-ѡѡыуи* «где он будет сидеть?»²; *ѡ-абѡ-ѡѠатыѠ* «откуда он вышел?»; *ѡ-абѡ-ѡѠажѡуаи* «откуда мы достанем?» и т. п.

2) *с-ан-ѡауа* «(тогда) когда я иду»; *ѡ-ан-ѡаз* «(тогда) когда они пошли»; *ѡ-ан-ѡѡауа* «(тогда) когда он сидит»¹; *ѡ-ан-ѡѡаз* «когда он сидел»; *ѡ-ан-ѡѡыуи* «(тогда) когда он будет сидеть»¹; *с-анбѡ-ѡауа* «когда я иду?»; *ѡ-анбѡ-ѡаз* «когда они пошли?»; *ѡ-анбѡ-ѡѡауа* «когда он сидит?»¹; *ѡ-анбѡ-ѡѡаз* «когда он сидел?»; *ѡ-анбѡ-ѡѡыуи* «когда он будет сидеть»²; *ѡ-анбѡ-ѡѠамыз* «когда он вступил (в должность)?» и т. п.

3) *ѡ-иы-нхауаз* «(так), как он работал»; *сы-и-ѡауа* «(так), как я иду»; *ѡы-и-ѡаз* «(так), как они пошли»; *ды-и-ѡѡауа* «(так), как он сидел?»¹; *ды-и-ѡѡаз* «как он сел (сидел)»; *ды-и-ѡѡыуи* «(так) как он сядет»; *ды-ишпѡ-нхауаз* «как он работал?»; *сы-ишпѡ-ѡауа* «как я иду?»; *ды-ишпѡ-ѡѡауа* «как он сидит?»¹; *ды-ишпѡ-ѡѡаз* «как он сел (сидел)?»; *ды-ишпѡ-ѡѡыуи* «как он сядет?» и т. п.

4) *ѡ-ахъѡ-ѡыу* «(та сторона), где он (неразумн.) находится»; *ѡ-ахъѡ-ѡаз* «та сторона, где он находился»; *ѡ-ахъѡ-ѡыу* «в какой стороне он находится»; *ѡ-ахъѡ-ѡаз* «в какой стороне он находился?»; *ѡ-ахъѡ-ѡа* «в какую сторону он (неразумн.) пошел?»; *ѡ-ахъѡ-ныу* «место (сторона), где он находится» (его местонахождение); *ѡ-ахъѡ-ныу* «в каком месте он находится?» и т. п. Последняя пара примеров показывает, что *ахъ* сочетается иногда с *ѡа*, с оттенком значения «в том направлении, куда; в том месте, где» (ср. выше *с-ахъѡа-ѡауа*).

В наречиях абхазского языка относительные местоименные наречия *ѡа* и *ахъ* совпадают в единой форме *ахъ* (следовательно, вм. *сѡаѡауа* говорят *сахъѡауа* и т. д.). Абазинскому языку почти неизвестны тождественные по морфологической структуре сочетания абхазского языка типа: *ѡ-ауѡ-стахъу* «конечно, я не хочу»; *ѡ-ауѡ-зѡауа* «конечно, я не возьму»; *ѡ-ауѡ-ѡѠѡауаз* «конечно, он не сказал бы» и т. п.

В случае необходимости поставить вопрос «где, куда, как» безотносительно к какому-либо глаголу употребляются сочетания: *ѡабѡѠѡыу* «где?», *ѡанбѡѠѡыу* «когда?», *ѡыишпѡѠѡыу* «как?» (где *аѠѡы* основа вспомогательного глагола «существовать, быть»). В абхазском языке соответствующие формы существуют в более простой форме *ѡабѡ* «где?», *ѡанбѡ* «когда?», *ѡыишпѡ* «как?».

Процесс постепенного развития рассмотренных форм, имеющих в своем составе вопросительные наречные частицы, может быть восста-

¹ Следует: «сидится» (Ред.).

² Следует: «сидиться» (Ред.).

новлен суммарно следующим образом: *за*, *ан* и *ахь* служили некогда самостоятельными наречиями, вступавшими в свободное препозиционное отношение к глагольной основе позднейшей предикативной синтагмы. Так, например, для *за* в составе синтагмы *сътәз* «там, где я находился» можно предположить первичное словосочетание такого рода *са(рә)* «я» + *за* «там» (ср. *за* в *арәза*, *анәза* и *кәа* в более широком употреблении послелога в абхазском языке) + *таз* «находившийся был». Для выражения вопроса к наречию-предлогу присоединялась вопросительная частица *ба* (собств. *б* связка + *а* вопр. частица), употребляемая и сейчас самостоятельно в абхазском языке при переспросе (например: *Хасән ба* «(ты говоришь) Хасан?», *сарә ба* «(ты говоришь) я?»). Присоединение вопросительной частицы именно к наречию-предлогу, а не к глаголу основано на том, что вопрос направлен не на действие, как таковое (в каком случае, как увидим ниже, вопросительный элемент *ма* присоединяется к самому глаголу), а лишь на ближайшее обстоятельство места, времени и т. п. совершения действия. *Ахь* сохранилось в качестве несамостоятельной морфемы суффиксально в составе некоторых наречий (*арәхь*, *анәхь*), послелога (*анәхь*, *ацҭахь* и т. д.) и префиксально в составе некоторых сложных глагольных основ (*ахьдзарә* «догнать», *ахьысра* «прикоснуться» и т. п.); *ан* сохраняется пережиточно в формах «местного» падежа, еще живого в абхазском и сохранившегося в абазинском лишь в единичных синтагмах (например, *агҭан* «во время», *уәсхәан* «тогда» и др.). Таким образом, можно думать, что присоединение *ба* для выражения вопроса именно к наречиям относится еще ко времени синтаксически свободного употребления наречно-предложных частиц *за*, *ан*, и *ахь*, не сливавшихся еще со следующим глаголом и предшествующим личным, или вопросительным, местоимением в одну синтагму.

Присоединение к вышеуказанным вопросительным сочетаниям *аба*, *анба*, *ахьна* морфемы *дза* (представляющей собою корень глагола со значением «достигать») имеет значение «докуда?», «до каких пор?», «в какой мере?». Сочетание *аба* + *дза* получает при этом фонетическую самостоятельность и приобретает нередко вопросительно-восклицательное значение «в какой степени, насколько?!», например: *йабәдза тамамта уыс нкәвыугә* «как (насколько) правильно исполнил ты дело!»; *йабәдза бзәй дапхьауа* «как он хорошо читает!»; *йабәдза мышгәймхыу* «какой скверный день!»; *дабәдза таж гвалцарадыу лымьу* «как умна старуха!» и т. п.

Местоимение относительное. Весьма значительную роль играет в системе абазинского языка относительное местоимение «который», сохранившееся лишь в форме несамостоятельной служебной морфемы *з*¹, связанной, вероятно, по происхождению с также полуутра-

¹ Ср. ст. К. В. Ломтатидзе. Относительное местоимение в глагольных формах абхазского языка. «Сообщения АН ГрузССР», т. III, № 4, 1942, стр. 389—396 (Ред.).

ченной, в отдельном употреблении не встречаемой морфемой числительного «один». Во всех случаях применения этой морфемы, она соответствует формально лишь косвенным падежам относительного местоимения «который», и по своему значению примеры употребления ее могут быть разделяемы на следующие группы: 1) *з* = неопределенно-притяжательному местоимению других языков «чей» или род. пад. «которого»; 2) *з* = дательному падежу других языков, в значении: «которому» или «для которого»; 3) *з* = инструментальному (орудивному) или творительному падежу других языков со значением «которым, при помощи, посредством которого»; 4) *з* = «почему, зачем» (в этом значении неопределенно-относительное местоимение *з* граничит с морфемой послелога «для» и потому представляется вероятным звуковое и смысловое совпадение двух различных по происхождению морфем).

Приведем примеры употребления неопределенно-относительного местоимения «который»:

1) *ауа̄т амы-з-чIв̄дз* «тот, кто их погубил» (букв. «они которого погубленные были»); *йы-з-баӯд* «видящий» (форма случайно совпадает по значению с «тот, которого я вижу» в силу перехода с *в* *з* перед звонким *б*, о чем см. выше, букв. «оно которого (которому) видимое»); *йы-з-чп̄ада* «кто сделал?» (букв. «оно которого сделанное, (он) кто?»); *уы-з-ырбз̄й̄хыуи х̄в̄швыкI* «какое-либо лекарство, которое тебя вылечит» (букв. которого ты будешь понужденным выздороветь); *уы-з-л̄ыц аг̄в̄ып* «группе, в которой ты находишься»; *ды-з-цт̄а̄йа* «что он ищет?» (букв. «которого сзади он (находится), что?»); *уы-з-д̄г̄ылыз* «рядом с которым ты встал»; *зы-пны-д̄цаӯада* «к кому он идет?» (букв. «тот, которого к соседству он идет, кто?»); *з-х̄а з-нап̄Īц̄Īам* «бестолковый» (букв. «голова которого в руке которого не находится»); *йыгIа-з-х̄ыш̄а̄йа* «от чего они происходят?» (букв. «то, от которого они происходят, что?»); *йы-з-д̄зх̄а̄чĪб̄ыу ад̄з̄ы* «рока, на берегу которой мы живем»¹; *з̄ы-х̄ыы: гIахI-х̄Īб̄ыуи* «имя которого мы назовем»; *йы-з-чĪв̄ду* «хозяин» (букв. «тот, которого собственностью является»); *з-мгIанд̄ла йытам̄ам̄хаз* «законченный по смыслу» (букв. «которого по смыслу совершенно») и т. п.

2) *ауас̄а̄хча з-бухĪвауа* «которого ты называешь пастухом» (букв. «которому ты говоришь пастух»); *швы-з-п̄з̄а̄з* «прочитанный вами» (букв. «тот, которому вы кричали»); *йы-з-бр̄ыф̄да* «кого ты накормила?» (букв. «то, которому ты дала есть, кто он?») и т. п.

3) *йы-з-лар̄ыд̄зх̄ыц̄Īуа̄йа* «чем они отличаются от них?» (букв. «то, которым они отличаются от них, что?»); *йы-з-ла-чĪб̄ы̄йуа* «то, чем они куют?» (Ред.); *йы-з-лар̄ып̄х̄ауа̄йа* «как их зовут?» (букв. «то, которым их называют, что?»); *йы-з-лад̄хĪв̄л̄а̄йа* «чем они связаны?»; *йы-з-ла-нхаӯа ама̄ш̄ынак̄ва* «машины, которыми они работают»; *йы-з-лай̄а̄ӯа* «по какой цене он купил то?» (букв. «то, которым он нашел, что?»); *ды-з-лап̄с̄ы̄йа* «почему он умер? отчего он умер?»; *йы-з-лац̄а̄з алац̄ы̄й̄б* «каким путем оно пошло, тем путем и идет» и т. п.

¹ Следует: «... они (оно) живут (живет)» (Ред.).

4) *уы-зы-цIайа* «для чего (зачем) ты находишься внизу?»; *йы-зы-ржуайа* «для чего (зачем) они копают?»; *ахарà зы-рымхауà арый àкIвыб* «причина, по которой они не работают, такова»; *уы-з-гIамыййа* «почему ты не пришел?»; *йы-з-àпхьауайа* «почему оно так называется?»; *уы-з-хIэхIвауайа* «зачем ты кричишь?»; *уы-зы-мцайа* «почему ты не пошел?»; *алà зы-мпихуа ала хьызгIвэд* «собака не смотрит потому, что я закрыл ее глаза»; *сы-з-гьлхуа ауый àкIвыб* «благодаря этому, я опять встану» (букв. «я почему опять встану, это есть») и т. п.

Как уже сказано, в своем последнем значении морфема *з* связана, вероятно, с послелогом *з* «для», в самостоятельном употреблении известным абхазскому, а в абазинском встречающимся лишь в сочетании *àхьаз* «для» (букв. «для головы», т. е. «для себя»). Послелог *з* встречается чаще в положении префиксальном в составе синтагм глагольного значения и переводится или дательным падежом: *швы-лзы-цIрыйд* «вы ей кричите» (букв. «для нее»); *йы-рыз-рчпад* «они им сделали»; *й-азы-хIауайа* «что мы ему (неразумн.) сделали», или сочетанием с предлогом «для»: *уыгIа-сзы-нхад* «ты для меня (ради меня) остался»; *йы-лзы-йхаб* «он сделал для нее, ради нее»; *уы-рыз-гьл* «ты встал для них» и т. п. Стечение неопределенно-притяжательного *з* с префиксальным *з* в значении «для» дает двойное *зз*, например: *йы-зз-хэдыцIара гIваз* «товарищ, которому он мог бы поверить»; *уы-ззы-нигIауа* «которого ты ищешь» (букв. «тот, для которого ты смотришь»); *д-зыз-гIай двачIвыйа* «для кого он пришел?» (букв. «тот, для которого он пришел, кто?»), ср. *ды-з-гIай зачIвдыа* «зачем он пришел?»; *с-зыз-цаудйа* «для чего я иду?», ср. *сы-з-ца-удйа* «зачем я иду?»; *з-хьа ззы-нкъвымгауа* «не умеющий себя держать» (букв. «которого голову которому вести не удается»); *ды-зыз-цыуиба* «для кого он пойдет?» и т. п.

В сочетании со словом *гара* (производным от *га* «около, примерно», в абхаз. *кга + ра*, где *ра* — формант отвлеченных имен), образующим относительное наречие «столько, такого размера, количества» (например: *арый àгара* «столько», *мчыбжьыкI агара* «с неделю»; *ажьà гадза-чIвáz àгара йыгIвхьид* «заяц сколько сидел, столько (же) и пробежит» и т. п.), это неопределенно относительное *з* образует вопросительное наречие *згарà* «сколько?». Примеры употребления: *згарàгIв* «сколько (людей)», *згарà сыкешы* «сколько лет» обычно в сочетании с вопросительным *йа*: *згарà сыкешы дьртагьлазйа* «сколько ему было лет?», *згарà сыкешы дьртйа* «сколько ему (сейчас) лет?», *йызгарàзйа* «каков он был?», «какого размера он был?» и т. п.

Местоимения определительные. Местоимения определительные абазинского языка имеют, подобно другим группам местоимений, две формы: самостоятельную и несамостоятельную. «Каждый» выражается посредством *дасыу*, в самостоятельном употреблении субъекта предложения и суффиксальных *йыпхьадзà*, *йыпхьадзагыый*, *йыгIадзà*, *цIйпхьадза* (sic! Ред.), *гIадзàпхьадзагыый* в атрибутивном употреблении, например: *мзыйпхьадзà*, *мзыйгIадзà* «каждый месяц», *звыпыйпхьадзà* «каждая группа», *сахIатцIйпхьадза* (sic! Ред.) «каждый час», *скеышгIадзàпхьадзагыый*

«каждый год», *мышгIадзапхьадзэгьы* «каждый день» и т. п. Этимологическое значение названных суффиксальных элементов таково: *пхьадза* — основа глагола «считать» (след. «считанный»); *гIадза* — основа глагола «достигать» (след. «достигший»). Отнесем в эту же группу местоимений: *зымгIа* (*зымгIагьы*, *зымеIадзэгьы*) «весь, всё, все» (соотв. абаз. зеленч. *йызэгьы*, абх. *зайгьы*), *шкьытыу* (*шкьытыугьы*, *шкьытдыугьы*) «весь, всё, все» (соотв. абаз. зеленч. *шкьытыугьы* букв. «всем сельским коллективом»). Особенностью этих местоимений служит постановка их после того слова, к которому они, как приложение, относятся, например: *аджьауапкьа зымеIадзэгьы* «все ответы».

К числу определительных местоимений следует отнести и частицу, образующую возвратный залог *тшы* «себя», например: *тшыжэвбжьа* «приучайте себя», *тшычпэд* «он притворился» (букв. «сделал себя»); *тшыкIабарэ* «купаться» и т. п. «Сам» выражается с помощью суффиксального *ахьатэ*, *ахьатэла*, например: *сарэ сьхьатэла* «я сам», *ауьй йьхьатэла* «он сам» и т. д. (по первоначальному значению это сочетание «местного» падежа на *та* с орудивным на *ла* от существительного «голова», *хьа*; в абхазском *ахьатэ*).

Утратившим свою производительность и непонятным с современной абазинской точки зрения является префиксальный элемент *ансы(й)*, представленный в значении «каждый, всякий, еже-» (например: ежедневно, ежечасно и т. п.), в составе выражений *ансыкьшагьы* или *ансыкьшагьы* «ежегодно, каждый год»; *ансы(й)мышгьы* или *ансымышгIадзэгьы* «ежедневно, каждый день»; *ансы(й)уахьэгьы* «каждую ночь»; *ансы(й)хьвлань* «каждый вечер»; *ансы(й)цымта* «каждое утро», соотв. абх. *йасьшыкьса*, *йасьмша*, *йасуахэ*, *йасьхьвланьса*, *йасьцыжьымтан*; в абхазском, наряду с перечисленными, существует громадное количество постоянно употребляющихся аналогичных сочетаний (*йаскIрыфан* «каждый раз, как я кушаю»; *йасгьлан* «каждый раз, как я встаю» и т. п.; сюда же *гIаскьынгьы*, *йьскьынгьы* «всегда»). Происхождение этого префиксального элемента, ясное (хотя и не всегда сознаваемое говорящими) в абхазском языке — *гIас* основа глагола «проходить, миновать» (букв. «проходящий, минующий») затемнено в абазинском приводящим элементом *ан* тождественным вышерассмотренному относительному местоименному наречию, со значением «когда».

Местоимения неопределенные. Местоимениями неопределенными являются следующие: *аджьэ* (реже *аджьы*, абх. *адзэ*) «некто, кто-либо»; *кIарэ* «нечто, что-либо»; *закIы* «нечто (одно)» (= абх. *акIыр*, *акIры*); *датшэ* (реже *атшэ*) «другой» (употребляется по преимуществу атрибутивно, самостоятельно *датшэ закIы* «другой, один») *агьы* «другой, следующий», мн. число *агьыкьва* (ср. еще употребляемое при перечислении *агьыи* «и так далее»); *анта(хь)гьыт*, *анта(хь)гьычэ*, *ана(хь)гьыт*, *ана(хь)гьычэ* «следующий», также *арта(хь)гьыт* и т. д.

В атрибутивном значении «некий» выражается по преимуществу специальной падежной формой существительных на *кI*, о которой см.

ниже; «один—другой» выражается обычно посредством *азаки-ана(хь)-гыи* *азаки*.

Отрицательно «никто, ничто» выражаются сочетанием *заджэгыи*, *закигыи*, с последующей отрицательной формой глагола, например: *заджэгыи дыгзымбэд* «я никого не видел»; *закигыи арага гытам* «здесь нет ничего» и т. п.

Местоимением уподобительным служит сочетание: *арыи апи* «этаким, подобным», *аныи апи* «такой» и т. п.

Имена существительные

Основная часть представлений о внешнем мире состоит из представлений о различных окружающих человека предметах и лицах, языковым средством выражения которых служит имя существительное. Формальной характеристикой этой части речи в абазинском языке служат: 1) фонетическая самостоятельность синтагм, имеющих значение имени существительного; 2) специальные словообразовательные морфемы имен существительных, позволяющие говорящим образовывать, на основе существующего запаса слов, новые слова; 3) система словоизменятельных морфем, образующих склонение имен существительных; 4) синтаксическая функция существительных — в качестве субъекта (подлежащего) или объекта (дополнения) предложения, определять местоименные морфемы предикативной (сказуемой) синтагмы.

Образование существительных. Рассмотрим сначала важнейшие служебные морфемы, с помощью которых образованы многие из существующих и могут быть образуемы новые существительные.

Живыми, т. е. способными по мере надобности образовывать новые слова, словообразовательными суффиксальными морфемами существительных являются в абазинском языке нижеследующие:

1) *ра* — с помощью этого суффикса образуются от имен, преимущественно прилагательных, имена отвлеченные, и от глагольных основ — имена действия. Например: *бэи* «хороший», *бэи+ра* «хорошее качество» (букв. «хорошесть»); *дыу* «большой», *дыу+ра* «величина»; *чэкIын* «маленький, молодой», *чэкIын+ра* «малость, молодость»; *цIарэ* «острый», *цIарэ+ра* «острота»; *лаше* «слепой», *лаше+ра* «слепота»; *багэ* «лиса», *багэ+ра* «свойство лисицы, хитрость»; *ахI* «князь», *ахI+ра* «княжество, господство»; *агIей* «человек», *агIе+ра* «человечность»; *жэла* «семья», *жэла+ра* «население, народ»; *жэи* «кузнец», *жэи+ра* «кузнечество, кузница»; *тыдзы* «дом», *тыдз+ра* «хозяйство» (букв. «домовитость»); *хIеа* «слово»; *хIеа+ра* «говорить, говорение»; *акэпсэ* «наброшенное» (нечто), *акэпса+ра* «набрасывать» и т. п. Очевидно, тот же формант *ра* участвует в образовании ряда местоимений (см. выше), а также в образовании мн. числа (собирательного значения) небольшой группы слов, имеющей в ед. числе окончание *с* (см. ниже). Первоначальное значение форманта — «много, множество», что явствует из сопоставления его с морфемой *ра* в составе *рачэи* «много» (сюда же, повидимому,

относится и *ры* «войско»). Соответствующий формант существует и в абхазском языке.

2) *ргIа* — суффикс, образующий от собственных имен, фамилий наименования для родственных групп людей — однофамильцев. Например: *цйкьэа* (название фамилии) — *цйкьэа-ргIа* «члены фамилии Цейкэа, Цейкэовы»; *лау-лаургIа* «Леовы»; *таубыль-таубыльргIа* «Табуловы»; *агырба-агырбагIа* «Агырбовы» и т. п. В абхазском соответствующий формант звучит *аа* и имеет дополнительное применение для означения группы лиц, одного места происхождения, например: *дъл-аа* «Дальцы», *цIабдл-аа* «Чебельдинцы» (ср. в абаз. также *анхIейсргIа* «женская группа»). Приведенное сопоставление с абхазским слѹжит подтверждением былой разложимости *ргIа* на *р+гIа*, где *р* — показатель притяжательного отношения 3-го лица мн. числа, а *гIа* — люди (в самостоятельном употреблении последнее слово звучит *угIа*). Известны единичные примеры употребления сочетания *р+аа* и в абхазском, например: *ддд-раа* «ребята» (с точки зрения мужчины), *ннн-раа* тоже (с точки зрения женщины) и др.

3) *гIа* — формант, заимствованный из кабардинского языка, где он звучит *гъе*, в абазинский попал первоначально в составе заимствованных слов, как то: *шьвйтнйгIа* «свобода», *мыубагIа* «бойкот» и т. п. Образует от имен и глаголов отвлеченные имена, например: *дажурн-гIа* «дежурство» (от *дажурна* «дежурный»); *ахьыгIа* «болезнь», *атыгIа* «подарок» и т. п. Формант этот неизвестен закавказским наречиям абхазского языка.

4) *рта* образует от глагольных основ имена со значением «место действия», например: *нхд-рта* «место работы, поле», *чд-рта* «место еды, столовая», *гйла-рта* «место стояния, стоянка», *хвы-рта* «место ранения, рана», *анхья-рта* «место чтения, школа», *чвагъд-рта* «место пахания, пашня», *мараташд-рта* «место захода солнца, запад» и т. п. В единичных случаях образует от имен вторичные имена со значением «местонахождение» (предмета), например: *мхы* «просо», *мхы-рта* «местонахождение проса, просяное поле». Формант *рта* был некогда разложим на составные части *р+та*, где *р* — притяжательное местоимение 3-го лица мн. числа, а *та* первоначальная основа глагола «находиться в чем-либо». В некоторых случаях имела место, очевидно, контаминация (смешение) с близко звучащим словом *тра* (или *тард*) «вместилище, местонахождение» (например: *чва-тард* «местонахождение сена, сеновал»).

5) *га* образует от глагольных основ имена со значением «орудия действия», например: *анхья-га* «орудие чтения, учебник»; *агIвй-га* «орудие письма, ручка»; *анхд-га* «орудие работы, средство работы»; *анкьд-га* «орудие молотбы, молотильный инструмент»; *чвахы-га* «орудие кошения сена, сенокосилка»; *шванкIы-га* «приспособление для хватания за ноги овец» и т. п. Как показывают примеры, значение «орудия» действия переходит иногда, при атрибутивном (апозитивном) употреблении соответствующих слов, в значение прилагательного: «служащий для такого-то действия, цели». Формант *га*, живой и в абхазском употреб-

ления, ассоциируется по своему первоначальному значению с корнем глагола «носить», «приводить в движение».

6) *ца* образует от глагольных основ имена со значением «способа действия», переходящие нередко к значению «процесса действия», например: *а́пхьа-ца* «способ чтения, чтение», *а́пхьа-ца* «способ работы, работа», *а́пхьа-дэ́й-ца* «способ счета, счет», *а́пхьа-ца* «способ хождения, хождение», *бэ́й-ца* «способ жизни, образ жизни», *а́гьы-ца* «способ писания, писание», *а́хьы-ца* «способ произношения, произношение» и т. п. Этимологически формант *ца* связывается с отсутствующей в абазинском языке, но сохраняемой в абхазском основой глагола «соблюдать (норму), руководствоваться».

7) *гьы* образует от основ глаголов имена со значением «выполнителя действия»; *на-гьы* «работающий, крестьянин»; *а́пхьа-гьы* «читающий, ученик»; *а́рхьа-гьы* «заставляющий читать, учитель»; *а́пхьа-гьы* «ходящий, ходок» и т. п. (Существование в живом употреблении слова *гьы* в значении «человек» сохраняет эвентуальную понятность сочетания основы глагола с формантом *гьы* в смысле «исполняющий (данное) действие человек» (см. выше). Оттенок постоянства в выполнении действия, присущий форманту, выступает отчетливо в противопоставлении двух типов форм соответствующего множественного числа: *а́пхьачьа(кьа)* «ученики» ~ *а́пхьагьычьа(кьа)* «постоянно учащиеся»; *а́пхьачьа(кьа)* «работающие, крестьяне» ~ *а́пхьагьычьа(кьа)* «постоянно работающие» и т. п.

8) *чьы* образует от основ глаголов имена со значением «подлежащий совершению или деланию»: *а́а-чьы* «подлежащее деланию, задача»; *а́а-чьы* «подлежащее говорению, что нужно сказать»; *фа-чьы* «подлежащее съеданию, пища»; *ажьы* «подлежащее выпиванию, питье» и т. п. Формант *чьы*, происходящий от самостоятельной морфемы со значением «собственность, принадлежность», в абхазском *тгьы* имеет в этом последнем весьма широкое применение, приобретая значение универсального суффикса отыменных и наречных прилагательных относительных. В абазинском сфера его применения ограничена указанным специальным значением, хотя различные пережитки указывают на его более значительную роль в прошлом (ср. неразложимое сейчас *а́лчьы* «ольха», «ольховый»; *а́джьы* «дуб», «дубовый» и т. п.).

9) *кьа* образует мн. число имен существительных, субстантивированных прилагательных и причастий; участвуя в образовании последних, *кьа* оказывается нередко заключенным внутри сложной синтагмы атрибутивно-предикативного или предикативного значения и производит поэтому впечатление инфикса (внутренней вставки), например: *мачьа* «орудие», *мачьа(кьа)* «орудия»; *тыдзь* «дом», *тыдзь(кьа)* «дома»; *а́пхьага* «учебник», *а́пхьага(кьа)* «учебники»; *кьыт* «селение», *кьыт(кьа)* «селения»; *йьрчпачьа* «совершаемое ими», *йьрчпачьа(кьа)* «совершаемые ими»; *йьна́нчьы* «находящийся в чем-либо», *йьна́нчьы(кьа)* «находящиеся в чем-либо»; *йьгьа́й-уаш* «следующий» (который придет), *йьгьа́й-уаш(кьа)* «следующие» (которые придут); *йьрчпачьа(кьа)* «подписанное под ними», *йьрчпачьа(кьа)* «подписанные под ними» и т. п. Формант мн. числа *кьа* имеет в абазинском

значительно более широкое применение, чем в абхазском, где он ограничен категорией имен класса неразумных (ср. ниже *чва*).

Перечисленными выше ограничивается число употребительнейших в настоящее время формантов абазинского языка, служащих для образования слов из категории простых производных. Однако наряду с ними существует целый ряд реальных морфем, имеющих обычно самостоятельную звуковую форму и значение и по обстоятельствам выполняющих функцию как бы служебных морфем, но с более или менее выраженной сохранностью своего собственного значения. Из числа этих слов, стоящих как бы на грани между самостоятельными словами и служебными морфемами, упомянем прилагательные *дыу* «большой», *чІкІвын* «маленький» и *ажв* «старый», в атрибутивном положении при имени придающие основному слову нередко оттенки значения, связанные с русскими словообразовательными суффиксами, означающими различие в свойствах того или иного предмета или лица по количеству или качеству, как то: «дом», «домина», «домище», «домик», «домишко» и т. п. В значении увеличительном употребляется *дыу*, например, *тыдздыу* иногда почти равняется «домище», чаще «большой дом»: в уменьшительном *чІкІвын*, например, *тыдзчІкІвын* «домик, маленький дом»; уничижительном (*а*)*жв* «старый», например, *тыдзжв* «домишко, старый дом».

Наряду с вполне живыми производительными суффиксами, существуют в абазинском языке суффиксы, утрачивающие ныне способность образовывать новые производные слова. К их числу относятся главным образом *чва* и *мта*, оба хорошо известные абхазскому языку, где они сохраняют в полной мере свою производительность.

1) *чва* служило некогда, наряду с *ква*, формантом мн. числа для названий лиц из класса разумных; этимологически это *чва* связано с морфемой *чва* в составе слова *рачвә* «много». Например: *нхәгІв* «крестьянин», *нхәчвә* «крестьяне»; *әйщчва* «братья» (ед. число *ащә* «брат»); *әгІвәчва* «товарищи» (ед. число *әгІвә* «товарищ»); *анхІвәсчва* «женщины» (ед. число *анхІвәс* «женщина»); *ахгәчва* «мужчины» (ед. число *ахгә* «мужчина»); *әтичва* «всадники» (ед. число *әтишгІв* «всадник»); *әчІкІвынчва* «мальчики, дети» (ед. число *әчІкІвын* «мальчик») и т. п. Однако в настоящее время роль этого форманта значительно сужена, что доказывается, с одной стороны, образованием мн. числа во всех, вновь возникающих в абазинском языке словах, независимо от их значения, исключительно с помощью форманта *квә* (ср. *апионгквә* «пионеры»; *ақІомсомдәквә* «комсомольцы»; *ақІоммунистквә* «коммунисты»; *арабдәквә* «рабочие»; *аударникквә* «ударники», и т. п.), с другой же стороны, стремлением осложнять традиционно-унаследованные формы мн. числа других типов тем же формантом *квә*, являющимся единственным, вполне живым выразителем грамматической категории мн. числа. Ср. такие примеры, как *аугІәквә* «люди» (*аугІә* само по себе мн. число); *әпхәчвәквә* «ученики»; *анхәчвәквә* «крестьяне»; *ахІвәсәквә* «женщины» (в смысле «существа женского пола, т. е. женщины и девушки»; *ахІв-*

сѣса — само по себе мн. число); *агъачваквѣ* «враги»; *аѳІкІвынчваквѣ* «мальчики, дети»; *адзаракеа* «козлята» (*адзара* само по себе мн. число); в некоторых случаях это *квѣ* успело совершенно вытеснить старые формы, как например: *ажьдѣйквѣ* «кузнецы» (ср. абх. *ажьдѣйчвѣ* в том же значении); *адзысквѣ* «козлята» (см. *адзара*), *апІѳысквѣ* (в специальном значении «жены») и т. п. Процесс универсализации форманта *квѣ* несомненно начался уже и в абхазском, где, например, старые формы собирательного значения на *ра* от таких слов, как *асѣс* «ягъенок», *адзыс* «козленок», *аѳыцц* «поросенок» (вм. *аѳыс*) и нек. др. — *асара*, *адзара*, *аѳара* — уже систематически сочетаются с *квѣ*, что дает *асаракеа*, *адзаракеа*, *аѳаракеа* и т. п.; допускается также сочетание *ауаажвѣ* и пр. В абазинском форма на *чвѣ*, сохраняясь уже преимущественно лишь в именах производных (на *гІѳ*), допускает во всех случаях и требует в случае необходимости оттенить множественность значения, присоединяя к себе *квѣ*. В результате получается некоторое переосмысление значения форманта *чвѣ* в противоположении типа: *анъгъачвѣ* «ученики» (как неопределенный по количеству коллектив) ~ *анъгъачваквѣ* «много учеников»; *анхачвѣ* «крестьяне» (неопределенный количественно коллектив, род людей) ~ *анхачваквѣ* «много крестьян».

2) *мтѣ* имело некогда значение форманта производных от имен и глагольных основ имен со значением «времени действия» (или «наличия признака»). Ср. *анхѣ-мтѣ* «время работы, рабочее время»; *агІѣ-мтѣ* «время» (вообще) (ср. *агІѣн* «во время», *аѳагІѣб* «время, пора», *аѳагІѣхад* «наступило время»); *аѳыжымтѣ* (*аѳымтѣ*) «утреннее время, утром» (ср. *аѳыжѣан* «полдень»); *ажвымтѣхѣ* (*ажвымтѣхѣ*) «время старости, старость» (ср. *аѳІкІвынхѣ* «время молодости, молодость») и нек. др. Суффикс утратил в абазинском свою производительность, сохраняемую в полной мере в абхазском.

В абхазском известны еще некоторые словообразовательные суффиксы имен, например: *уѣ* (в *апс-уѣ* «абхазец», *акѳрт-уѣ* «грузин», *аѳыр-уѣ* «мицгрелец» и нек. др.), в абазинском совершенно не встречающиеся.

Характеризуя положение дела в целом в абхазском и абазинском языке, следует признать, что так называемое именное словопроизводство развито в этих языках (сравнительно, например, с языками того типа, к которому принадлежит русский) чрезвычайно слабо, что объясняется синтетическим по существу характером их строя. Естественный процесс, приводящий в других языках к обесмысливанию реальных морфем, поставленных в служебное положение по отношению к равноправным им морфемам, не успел привести в абазинском к тем значительным последствиям, которые преобразуют языки аморфно-синтетического строя в языки агглютинативные (широко пользующиеся при построении речи потерявшими свое первоначальное значение морфемами) и флективные (характеризуемые вторичными фонетическими изменениями основы, вступающей в сложение со служебными элементами), хотя единичные явления и агглютинативного и даже флективного порядка имеются в абазинском языке.

Система склонения. Система склонения представляет, в силу только что сказанного, весьма ограниченное число падежей, под которыми обычно понимаются такие формы имени, которые сводятся к изменениям формы основного слова, не влияющим на его реальный смысл и характеризующим лишь его синтаксическое положение в контексте речи (фразе). В отношении некоторых форм, признаваемых нами в дальнейшем изложении падежами, следует оговорить относительную условность самого понятия падежа и трудность разграничения, в частности, «падежной» формы слова от сочетания (типа постпозиционных синтагм) самостоятельно-значимых морфем.

Таблица абазинского склонения

1) Падеж неопределенный (лишенный внешней формальной характеристики), например: *тшы* «лошадь» (неопределенная); *напIы* «рука» (вообще).

2) Падеж определенный (сочетание определенного члена + падеж неопределенный): *а-тшы* (определенная, известная говорящему) «лошадь»; *а-напIы* (определенная, принадлежащая неразумному существу) «рука».

3) Падеж единичности (сочетание падежа неопределенного + формант *кI*): *тшы-кI*, *напIы-кI* «одна лошадь», «одна рука».

4) Падеж орудивный (формант *ла*): *тшыла*, *напIыла* при посредстве лошади, руки.

5) Падеж наречный (формант *та*): *тшы-та*, *напIы-та* в качестве лошади, руки.

6) Падеж лишения (формант *дъа*): *тшы-дъа*, *напIы-дъа* без лошади, без руки.

Таблица эта требует следующих пояснений:

1) Падеж неопределенный, совпадающий с «чистой» основой имени, имеет основание считаться лишенным всякой, даже отрицательной характеристики, лишь с точки зрения абхазского словоупотребления, поскольку в абхазском языке значение его неопределенно и в отношении числа (*тшы* «лошадь, лошади», *напIы* «рука, руки»). Редкий в абхазской речи, падеж этот может быть освещен следующими примерами из абхазского литературного языка: *багIв зладъам* «в котором нет кости» (или костей), *хшывы анадлуам* «лекарства (или лекарств) не полагается» и т. п. (как видно из примеров, этот падеж употребляется преимущественно с отрицательным глаголом). Иначе обстоит дело в абазинском, где форма падежа неопределенного означает по преимуществу неопределенность или неизвестность (с точки зрения говорящего) предмета, взятого в единственном числе, и где, следовательно, отсутствие внешней формы не мешает признавать падеж характеризованным, отсутствием форманта мн. числа, в качестве формы ед. числа.

2) Падеж определенный получает, в силу двоякой значимости фор-

манта *a*, две различные синтаксические функции: независимую и зависимо-применную. Стоя в первом случае вне тесной связи с другим именем, этот падеж не является, строго говоря, такой формой, которая характеризует своей формальной принадлежностью (формантом *a*) положение слова во фразе. Вступая же в сочетание с предшествующим ему именем (из класса неразумных), формант *a* указывает на синтаксическую зависимость сочетающейся с ним именной основы, как определяемого, от предшествующего имени, играющего роль определения; например: *акйт атиш* «лошадь села».

3) Падеж единичности представляет собой сочетание основы слова с морфемой *кI*, признаваемой, как стоящий в известном отношении к числительному «один» *закIш* (соответствующая связь живее в абхазском, где «один» выражается более простой формой *акIш*). Смысл сочетания *тишкI* колеблется в абхазском между «одна, конкретная лошадь» и «некая, какая-то, безразлично какая лошадь». Формально синтаксическая значимость форманта *кI* выступает в сочетаниях характеризуемого им имени с числительными, счетными формантами, до 20: (например: *зIттишкI* «2 лошади», *хтишкI* «3 лошади», *жваттишкI* «10 лошадей», *жсвайзтишкI* «19 лошадей»).

4) Падеж орудивный образуется с помощью морфемы *ла*, имеющей весьма широкое служебное применение в абазинском и абхазском языках, а именно: в качестве префикса глаголов со значением «во что-либо», в качестве префикса глаголов со значением «посредством чего-либо», в качестве формы вида постоянного и, наконец, в качестве форманта отыменных и отглагольных (деепричастных) наречий.

Причисление орудивной формы к числу падежей, а не сочетаний имен с послелогом имеет различную степень обоснованности в абхазском и абазинском языках. В первом противопоставление двух рядов форм *тиш*ла — *ати(ы)ла*, *напIла* — *анапI(ы)ла* показывает ясно различие формы падежа и сочетания с послелогом, тогда как в абазинском, по отсутствию, на первый взгляд, примеров второго ряда, решение несколько затрудняется. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и в абазинском находит себе аналогичное формальное различие отношений собственно-послеложного и надежного. Ср. противоположения: *ханла йагIеврхьид* «пилкой пилят» (определенный предмет), *ахан йаглагIехьид* «при посредстве пыли заняты пилкой» (вообще, букв. «вила является тем, при посредстве чего занимаются пилкой»); *кватанла йырчвагъьид* «плугом пахнут» (определенную пашню) ~ *акватан йаглачвагъьид* «при посредстве плуга занимаются пахотой» (вообще). Эти примеры показывают то же противоположение, какое в абхазском выражается вышеприведенными двумя формами. Это обстоятельство позволяет нам отграничить надежную форму на *ла* от нормального типа сочетания имени с послелогом и признавать орудивную форму входящей в систему склонения, как такового, в обычном понимании этого грамматического термина. Значение падежа достаточно ясно на основании приведенных примеров. Ср. еще: *машйнала йырчпъид* «при посредстве

машины делают», *тшылла дгIайд* «он приехал при посредстве лошади» (т. е. верхом), *уандыра дцад* «он уехал при посредстве арбы» (т. е. на арбе).

5) Падеж наречный образуется с помощью морфемы *та*, имеющей, кроме того, следующие служебные функции в абазинском языке: глагольного префикса в значении «во что-либо», форманта отыменных и отглагольных наречий и — вторично — подчинительного союза «и». Как показывает это перечисление функций, роль морфемы *та* во многом аналогична роли *ла*, и возникает вопрос об их соотношении. Основное различие восходит к самостоятельному значению этих морфем, в каком случае *та* выражает нахождение внутри закрытого со всех сторон помещения или однородного вещества (например, воды, земли), тогда как *ла* означает нахождение лишь в глубине чего-либо, в состоянии неполной погруженности в соответствующее помещение или вещество. Отсюда вытекает важное грамматическое различие падежной и наречеобразующей функций этих морфем: *ла* выражает косвенную, посредственную причастность к действию соответствующего имени, переводимую по-русски словами «при посредстве чего-либо», тогда как *та* означает полное подчинение, как бы погруженность имени в действие, выражаемое по-русски или сочетанием именительного падежа с союзом «как», или так называемым сказуемым (наречным) творительным. Иногда тонкое различие это может быть иллюстрировано следующими примерами: *бжыла йахыцIуайа* «что получается из него при посредстве звука?»; *бжыта йахыцIуайа* «что получается из него в качестве звука, каковой звук исходит из него?»; *пхылла йыбад* «во время сна (букв. «при посредстве сна») он увидел»; *пхыта йыбад* «во сне (букв. «в качестве сна») он увидел»; *гвыгвыпта йыгIайд* «они пришли по группам» (цельми, независимыми друг от друга группами); *гвыгвыпта йышад* «они разделены по группам» (на зависимые друг от друга группы) и т. п. Приведенные примеры иллюстрируют также близость получаемого нередко значения (в особенности падежа *та*) к наречиям, что дает основание называть падеж на *та* «наречным». Другие примеры употребления: *мырадта йычпад* «он пожелал» (букв. «сделал своим желанием»), ср. *мырадта йычпад* «он пожелал» (букв. «сделал желание»); *ахи ашвыта йыхыргыйд* «молоко перерабатывают в сыр» (в качестве сыра, как сыр).

Основное «местное» значение нынешнего «наречного» падежа оставило по себе след в единичных словах, где *та* перешло давно из роли форманта словоизменения на роль форманта словообразования, как например: *агвта* «середина» (букв. «в сердце», *агвы* «сердце»); ср. еще абх. *амхат* «в поле» (*амхы* «поле»); *агIенат* «хозяйство» (*агIены* «дом») и др.

6) Падеж лишения, означающий «без чего-либо», признается нами за таковой в силу того же формального отсутствия основания считать данное сочетание основы существительного + морфема *дга* за сочетание с послелогом, каковое отмечено по поводу падежа орудивного. Исто-

рически морфема *д̄а* возникла из сочетания *д + ʒа*, где *д* — сокращенная форма форманта «отрицательных» прилагательных *да* (*х̄а̄ + да* «безголовый», от *х̄а* «голова»; *х̄ы̄лла + да* «не имеющий шапки», от *х̄ы̄лла* «шапка»; *ч̄ымла̄ + да* «не имеющий лестницы», от *ч̄ымла̄* «лестница»; *аны̄ + да* «не имеющий матери», от *ан* «мать»), а *ʒа* — упоминавшийся выше формант наречий места.

Падеж лишения образуется и от личных местоимений, как то: *са-рад̄а* «без меня», *урад̄а* «без тебя» и т. д. Соответствующая абхазская форма падежа лишения, имеющая формальным средством выражения *да*, противостоит близким по значению сочетаниям имен с послелогом *ада*; ср. *тӣыда* «без лошади» ~ *ати(ы)ада*; *напIыда* «без руки» *анапI(ы)ада*.

Падежи неопределенный, определенный, единичности, а также орудивный и наречный образуют более тесные подгруппы, отдельные члены которых сознаются соотносительно в противопоставлении друг другу, чего нельзя сказать о соотношении других форм, нередко сочетающихся между собой (сочетаются, в частности, форма определенного с формами орудивного и наречного, как например: *ар̄ы̄ асаб̄лла* «по этой причине», где *а* — формант падежа определенного, а *ла* орудивного и т. п.). Первую группу падежей можно назвать по ее значениям отвлеченной, вторую — конкретной и по ее функции — приглагольной. Последний падеж стоит обособленно, ввиду относительной смысловой изолированности образующей его морфемы.

Следы утраченных падежных форм. Слабая развитость системы склонения в абазинском языке в его современном состоянии находит яркое выражение в отсутствии таких, казалось бы, элементарных падежных форм, каковыми являются родительный (в абазинском выражаемый словосочетанием), дательный и местный (выражаемые или глаголом, или, реже, послеложным сочетанием). Заметно преобладающая роль глагола, в форме предикативного сочетания восполняющего недостаточность системы именного словоизменения в абазинском языке, является сейчас характернейшим фактом абазинской морфологической и синтаксической системы. Однако есть основания предполагать, что такое положение — результат постепенной утраты ряда падежных форм, так как ясные следы существования таковых легко обнаруживаются, в особенности при привлечении фактов абхазского языка. Сюда относятся четыре падежа, формантами коих служили: *-н*, *-с*, *-а*, *-ы*.

Падеж *н(ан)*, местного значения, существует в качестве такового и в абхазском языке; ср. *ак̄ьтан* «в селе» (*ак̄ьт* «село»); *а̄мгIван* «в пути, на дороге» (*а̄мгIва* «путь, дорога»); *а̄штан* «во дворе» (*а̄шта* «двор»); *ахIаблан* «в квартале» (*ахIабла* «квартал»), и т. д. В абазинском сравни: *ацIы̄х̄ван* «в конце» (*ацIы̄х̄ва* «конец»); *ак̄ьтх̄ан* «в начале (голове) селения» (*х̄а* «голова»); *а̄ган* «во-время» (от основы *а̄га* «время»); *дангIа̄йх̄ан* «во время его приезда» (*х̄а* «время»).

Далее в абхазском языке имеем примеры образования отглагольных форм со значением «во время совершения действия» (того же происхождения *цхалбаан* «во время спуска с гор», где *лбаа* — основа глагола

«спускаться вниз»); *ббын* «во время весеннего рева диких зверей» (*б(ы)б* — основа глагола «реветь»); *йасдэтдлан* «каждый раз, во время погружения в воду» (*тала* — основа глагола «погружаться во что-либо») и т. п. В абазинском языке см. редкие примеры: *цIхагIвшан* «полночь» (собств. «во время разделения ночи надвое», *гIвша* — основа глагола «делить надвое»); *хышхван* «во время доения»; *ббын* то же значение, что и в абхазском. Далее в абхазском сюда же относятся формы имен, оканчивающихся на *н(ы)*: *апсны* «Абхазия» (от основы *апс*, откуда *апсуа* «абхазец»); *агырны* «Мегрелня» (от основы *агыр*, откуда *агыруа* «мегрелец»); *захены* «Черкесия» (от *йзахс* «черкес»); *агваны* (*агванты*) «в середине»; *адзын* «зима» (время дождя, от *адзы* «вода»); *аггныжсгIван* «суровая погода» (здесь *аггны* «время града», от *агъ* «град»); *апхын* «лето» («время тепла», от *апха* «теплый») и т. д. В абазинском ср. *агваны* «во дворе»; *аргваны* «по близости» (*гва* утраченная основа глагольного значения «приближаться», ср. *йггвара* «заходить в гости»); *дзын* «осень» (время дождя, тогда как, соответственно изменению северокавказского климата сравнительно с закавказским, *аггны* «зима»); *пхын* «лето» («время тепла») и др. Наиболее важная функция этого «местного» падежа выражать в глагольных формах сопутствующие главному действию действия побочные, иначе говоря, образовывать деепричастия. Абхазский формант деепричастий *ны* утрачен абазинским языком так же, как, по существу, утрачен им и соответствующий местный падеж; восполнить этот пробел пришлось другим образованием «местного» значения, каковым является, как мы видели, по своему основному значению, форма на *та*, которая и выполняет в настоящее время в абазинском языке роль деепричастий¹.

Падеж *с*, утраченный абазинским диалектом Тапанта (и зеленчукским наречием), имеет в абхазском уже ограниченную сферу применения; в форме на *с* ставится имя существительное для выражения значения «(быть) чем-либо» (для кого-либо), например: *сацъс джъалъраупI* «он должен стать для меня братом»; *саръ ауыи ацъс джъасуIайтI* «я сделал его своим братом», *саръ уаръ абыс сѳумпхъадзан* «но считай меня своим отцом» и т. п. Уже в абхазском языке форма эта переходит из категории словоизменительных в категорию словообразовательных, что явствует из таких примеров, как *уыс* «дело» (букв. «служащее в качестве сделанного» от *уы* основы глагола «делать»); *чыс* «кушанье» (букв. «служащее в качестве съедаемого» от *чы* ~ *ча* основы глагола «кушать, есть»), в составе каковых слов она и сохраняется сейчас в абазинском языке (*уыс* «дело», *час* «кушанье», может быть и *гIвычIвгIвѳс* «человек» и др.).

(Злообразную эволюцию проделало это падежное окончание в зеленчукско-абазинском наречии, где оно служит особым формантом для образования слов со значением «материала для чего-нибудь»; ср. при-

¹ Ср. «К образованию условно-целевого наклонения в абхазских диалектах». «Иберийско-кавказское языкознание», т. II, 1948, стр. 17—31. (Ред.).

меры: *кэактанис* «материал для бешмета» (при *кэактан* «бешмет»); *хэманас* «материал для шапки» (при *хэмла* «шапка»); *айквас* «материал для брюк» (при *айквэ* «брюки»); *аунас* «материал для бурки» (при *ауна* «бурка»).

Утратив, таким образом, старую падежную форму на *с*, абазинский язык заменил ее расширением функции первоначально «местного» падежа на *та*, совмещающего, следовательно, роль двух абхазских падежей (ср. выше судьбу местного падежа на *ны*) в форме падежа «наречного». Эволюция значения нового падежа вполне понятна, если принять во внимание наглядную близость значения прямого «в таком-то месте» (таково значение абхазского *н(ы)* падежа) и переносного «вместо кого-либо, чего-либо» (таково, по существу, значение абх. *с* падежа).

Падежи, оканчивающиеся на гласные *а* и *ы*, одинаково плохо сохранились и в абхазском и в абазинском языках, хотя и в этом случае абхазский сохраняет некоторые интересные детали, утраченные абазинским. Значение первого падежа можно определить, как «местный, нахождения внутри чего-либо», второго, как «местный, нахождения вне чего-либо». Ясными следами первого в абхазском служат: *абна* «лес» (собств. «в лесу»), ср. *абын-хэва* «лесная свинья, кабан»; *уахэ* «сегодня ночью» (от *уахы* «ночь», ср. *уахыкI*, *ауах*); *арый айыквэса* (или *айыквэсан*) «в этом году» (от *айыквэс* «год», ср. еще *йасышыквэса* «ежегодно»); *йасымша* «ежедневно» (при *амш*, *мыш* «день»); *блэбэрхва* собств. название селения «Блабурхва» (букв. на холме Блабовых; от *(а)хвы* «холм»); *мгвэдзырхва* собств. назв. селения «Мгудзырхва» (на холме Мгудзовых) и др. Живым чередованием, но недостаточно определенно осмысляемым, является и в абхазском и в абазинском чередование *а* и *ы* в составе предикативных синтагм в положении перед префиксом местного значения. Ср. абазинские примеры: *йэдгылаб* «стоит вплотную у чего-либо» ~ *йэдгылаб* «стоит в отдалении у чего-либо» (*д* — префикс со значением «у, при»), *дэкчэлаб* «сидит на чем-либо стоящем» ~ *дэкчэлаб* «сидит на чем-либо лежащем» (наблюдаются разногласия в понимании в этом пункте); *йэквэса* «набрось вплотную» ~ *йэквэса* «набрось не вплотную» (например, мелкие предметы на большой стол); *акIныга астдэ йыквэб* «книга лежит на столе» ~ *атетрад' акIныга йэквэб* «тетрадь лежит, в свою очередь, на книге»; *сэдыйгвалан* «он меня прижимал» (к чему-то неопределенному) ~ *сэдыйгвалан* «он меня прижимал (к чему-то определенному)»; *амхы дэлаб* «он находится в поле» ~ *ауыс дэлаб* «он участвует в деле» и т. п. Из рассмотрения всех, относящихся сюда примеров вытекает факт утраты ясного понимания существа различия этих форм, сводящегося к указанному выше различию двух местных падежей, выражаемых чередованием элементов местоименного значения *а* и *ы* в составе глагольных синтагм, некогда, без сомнения, соотносительным с чередованием гласных в составе самой именной основы. Последнее предположение поддерживается: 1) чередованием гласных в основе личных местоимений (*са*, *сы* ср. означенные выше чередования); 2) чередованием гласных в целом ряде глагольных префиксов, связы-

ваемое, повидимому, вторично, со значениями: *a* — движения внутрь, *y* — движения вне (ср. ниже глагольные префиксы: *та* ~ *ты*, *ла* ~ *лы*; *цла* ~ *цлы*, *хга* ~ *хгы* и т. д.).

Множественное число. Склонение имен во мн. числе состоит в нормальном изменении по падежным окончаниям последней, входящей в состав производной основы морфемы мн. числа *ква*, вследствие чего ничем не отличается от склонения имен существительных в ед. числе и имеет те же падежные формы: *тиквâ*, *атиквâ*, *тикквакI*, (*a*)*тиквâла*, *тиквâта*, *тиквâдъа* и т. п. Особо следует отметить, что благодаря присвоенности абазинскому форманту мн. числа преимущественно словообразовательной функции, сочетание с *ква* выражает понятие множественности конкретнее, чем, например, русские окончания мн. числа. Отсюда вытекает отчетливое значение «несколько известное количество», связываемое с формой падежа единичности в противоположениях типа: *тиыкI йа тиквакI* «одна (лошадь) или несколько (известное количество) лошадей», *шIчIвâракI йа шIчIвâраквакI* «слог или несколько слогов» и т. п.

Так называемое неправильное, т. е. ограниченное единичными словами образование мн. числа имеет место в словах: 1) *апхIвъс* «женщина, жена» ~ *апхIвъса* (варианты: *ахIвъсаква*, *апхIвъскеа*, *апхIвъсча*, *апхIвъсргIа*, дифференцированные по значениям); 2) *агIвъ* «человек» ~ *аугIâ* «люди» (или *аугIаквâ*); 3) *агIвъчIвгIвъс* «человек» ~ *агIвъчIвгIвâраква* «люди». К этому последнему типу примыкают имена, означающие детенышей некоторых домашних животных, оканчивающиеся в ед. числе на *с*, как *асыс* «ягненок» ~ *асâраква*, *âдзыс* «козленок» ~ *âдзâраква* или *âдзысква* и нек. др.; первоначальное собирательное значение *ра* в этих последних примерах затемняется присоединением к нему *ква*.

Деление существительных по значению. По своему значению абазинские существительные разделяются прежде всего на две основные категории, выраженные грамматически внешними формальными признаками: 1) имена существительные, означающие существа разумные, под каковыми подразумеваются люди и приравниваемые к ним фантазией сказочные и мифологические существа и 2) имена существительные, означающие предметы и существа неразумные, к каковым относятся все животные. Основным формально-грамматическим различием служит здесь различие вопросительного местоимения, соотносительного с именем, в составе глагольных форм как предикативного, так и атрибутивно-предикативного значения; этим путем выражается та психологическая зависимость сказуемого от подлежащего, которой соответствует в языке грамматическое подчинение формы глагола тому имени, к которому он относится.

Основанным на несколько других принципах разделением существительных абазинского языка по значению является: во-первых, деление их по признакам единичности и собирательности и, во-вторых, деление их по признакам индивидуальности и генеричности, т. е. на имена собственные и нарицательные. Формальным выразителем различия

в первом пункте является по преимуществу постановка зависящих от имени собирательного слов в форме мн. числа, хотя бы само управляющее слово не имело формального значения мн. числа, а также, частично, в присвоении именам собирательным особой формы мн. числа *pa* и *rgla*. Различие имен нарицательных и собственных (помимо внешнего, графического способа различения имен собственных от несобственных с помощью заглавных букв) находит свое грамматическое выражение в отсутствии у имен собственных по крайней мере двух надежных форм (неопределенной и единичности) и, частично, в присвоении им новой формы мн. числа на *rgla*.

Имена прилагательные

Основанием для выделения части абазинских слов именного значения в группу имен прилагательных, под каковыми подразумеваются названия постоянных (пассивных) признаков, служат, помимо их особого значения, следующие формальные признаки, связанные с этой категорией: неспособность прилагательных сочетаться, сохраняя свое собственное значение признака, с притяжательными местоимениями; способность их сочетаться с наречием *ryçla* «более» для образования значения сравнительной степени; специальный прилагательный словообразовательный суффикс *da*; синтаксическая функция определения (атрибута), которое ставится по преимуществу вслед за словом, к которому прилагательное относится.

Склонение прилагательных. В отношении падежного словоизменения прилагательные ничем не отличаются от существительных, принимая в силу своего положения в конце атрибутивного сочетания все вышеперечисленные падежные склонения, известные из склонения существительных, например:

Образец склонения прилагательного

(в типичном сочетании с существительным)

Единственное число

Падеж неопределенный <i>тидыу</i>	«большая лошадь» (ближе неизвестная)
Падеж определенный <i>атидыу</i>	«большая лошадь» (известная, вышеупомянутая).
Падеж единичности <i>тидыукI</i>	«одна большая лошадь» (какая-то, какая-либо)
Падеж орудивный <i>тидыула</i>	«при посредстве большой лошади»
Падеж наречный <i>тидыута</i>	«в качестве большой лошади» (как большая лошадь)
Падеж лишения <i>тидыудъа</i>	«без большой лошади»

установленному правилу постановки их за тем словом, к которому они относятся, в действительности не являются таковыми: *арма напIи* «правая рука», *агъма щанIи* «левая нога» и т. п. примеры являются пережитком той эпохи, когда осмысляемые, как прилагательные «правый», «левый» и т. п.) означали имена существительные «правая рука», «левая нога» (присутствующий в составе этих слов элемент *ма* сохранился, в значение «рука», например в *мачвы*, ср. выше) и т. п.

Степени сравнения. Другим грамматическим последствием смыслового различия слов со значением качественных и относительных признаков служит наличие в отношении первых особых описательных синтаксических сочетаний с наречием *рыцIа* «больше», служащих для выражения различий в свойствах качественных признаков по количеству, или так называемых степеней сравнения. Например: *ахъацIа йыхъа апIыс ахъа ацIыс рыцIа йыдыуб* «голова мужчины больше, чем голова женщины» (букв. «голова мужчины взамен головы женщины более велика»); *атыдзабъын ацIысгый ахIамач абъын рыцIа йычIкIвыиб* «стена база меньше, чем стена дома» (букв. «стена база взамен стены дома более мала»); *ауапIа ацIыс аква рыцIа йаргваныб* «дождь ближе, чем бурка» (поговорка) и т. п. Отсутствие особых форм степени сравнения подтверждает вышеуказанную общую характеристику абазинской системы словопроизводства, как отличающуюся своей бедностью и ограниченностью.

Несамостоятельность прилагательных. Из вышесказанного вытекает, что, оставаясь самим собою, прилагательное лишено в большинстве случаев самостоятельной логической, а потому и фонетической (словесной) значимости; при желании сосредоточить свое внимание на признаке, как таковом, вне его непосредственной зависимости от какого-либо предмета или лица, качеством которого оно является, говорящий на абазинском языке прибегает обычно или (при полном обособлении признака) 1) к превращению его в самостоятельный предмет мысли, что выражается внешне в переходе его в категорию существительных, или (при частичном обособлении или противопоставлении его предмету мысли) 2) к превращению его в признак активный, что выражается в переходе его в категорию причастий или глагола. Ср. в качестве примера первого рода отношений: *бзый* «хороший» ~ *бзыйра* «хорошесть»; в качестве примеров второго рода: *йыбзыйыу*, (*йыбзыйыз*) «являющийся хорошим» («являвшийся, герр бывший хорошим»), *йыбзыйхад* «стал хорош», *йыбзыйхыуид* «станет хорош» и т. п. От прилагательных образуются при помощи специальных формантов (главным образом *та*) названия признаков признака, т. е. наречия, например: *бзыйта* «хорошо» (*бзый* «хороший»); *дыута* «громко» (*дыу* «большой, громкий»); *цкъата* «чисто» (*цкIа* «чистый»); *мачIмачIымца* «постепенно» (*мачI* «малый») и т. п. Следует заметить, что категория образованных от прилагательного наречий весьма неустойчива в смысле постоянной тенденции говорящих подставлять взамен них соответствующие формы отглагольных наречий (деепричастий), что выражается внешне присо-

единением морфемы *йы* (местоименный показатель связанности действия, характеризуемого наречием, с неразумным, неопределенным субъектом), следовательно: *йыбзыйта* (букв. «оно будучи хорошо»), *йыдыута* («оно будучи велико, громко»), *йыцкьата* («оно будучи чисто»), *йымачл-мачлымца* («оно будучи постепенно» и т. п. Ср. ниже в отделе наречий).

Причастия

Причастием называются такие слова, которые объединяют в своем значении и форме черты имени (точнее — имени прилагательного) и глагола. Таким образом, переходя к причастиям, мы вступаем в сферу той ответственной в абазинском языке части речи, какой служит глагол, формы которого являются сейчас тем необходимым центральным звеном, с помощью которого разъясняются синтаксические отношения, связывающие отдельные части важнейшей единицы речи, именуемой предложением или фразой. Составляя часть общей категории, именуемой глаголом в широком смысле этого слова, причастия выделяются из них по тому (синтаксическому) признаку, что они, как правило, не составляют сами по себе сказуемого предложения, а выступают в двух других функциях: с одной стороны, как имена прилагательные, в роли атрибута (определения) при имени существительном, с другой же стороны — и эта вторая функция является для них практически основной — в роли так называемого обособленного глагольного члена предложения; и в той и другой роли внешние показатели отношений морфем внутри причастных форм характеризуют их, благодаря присутствию в них безличных или местоименных формантов, как атрибутивно (апозитивно)-предикативные сочетания.

Глагольные категории причастий. В силу принадлежности к глаголу, причастия выражают в своей форме целый ряд более или менее специально-глагольных категорий, а именно: 1) категорию положительности и отрицательности; наличную, помимо глаголов, как признаков активных, и в прилагательных, как признаках пассивных, и в связанных с ними наречиях; 2) категорию переходности (с ее оттенками — залогами: действительным, переходно-позудительным и возвратным) или непереходности (с ее оттенками — залогами: средним страдательным и взаимным) и тесно связанную с ней категорию действия и состояния; 3) категорию вида (в ее подразделениях на виды результативный, concessивный, продолжительный, затруднительности, потенциальный, утвердительный, интенсивный, постоянный, повторительный и совершенный); 4) категорию времени (в ее подразделениях — временах: настоящем, прошедшем, недавно прошедшем, будущем и аористе); 5) категорию (глагольного) лица и числа.

Категория положительности и отрицательности неразрывно связана с существом глагола, как выражения представлений об активных признаках, приводимых в предикативную (сказуемую) связь с основ-

ным предметом мысли, выраженным существительным. В первом случае зависимость активного признака от основного предмета мысли предполагается осуществившейся — *йыцауа* «идуший», *йычауа* «кушающий», *йыгIеуа* «бегущий» и т. п. означают, что признак движения, кушания, бегания действительно связывается с тем предметом или лицом, которым он приписывается в речи. Во втором случае предполагается отсутствие такой зависимости: *йымцауа* «не идущий», *йымчауа* «не кушающий», *йымгIеуа* «не бегущий».

Категория залоговости и ее виды. Категория залоговости (переходности и непереходности) выражает те различные отношения, в каких субъект (производитель) действия и само действие стоят к объекту (результату) этого действия. Форма переходности указывает на существование по крайней мере двух непосредственно участвующих в действии лиц или предметов — одного действующего и другого — испытывающего действие; внешним выражением этой множественности участников действия служит наличие, в составе формы причастия, множественности морфем личных (или личных и относительных) местоимений.

При этом форма залога действительного указывает, что участвуют два различных лица или предмета, например: *йызбауа* «видимый мною» (два участника — предмет, который видят, и лицо видящее, отождествляемое в данном случае говорящим с самим собой), *йылчпауа* «делаемое ею» (два участника — предмет, который делают, и лицо, в данном случае женского рода, производящее действие), *йыуфауа* «кушаемое тобою» (два участника — предмет, который кушают, и лицо кушающее, отождествляемое в данном случае с тем, к кому обращена речь) и т. п.

Форма залога понудительного выражает наличие двух различных участников действия, из коих один понуждает к действию, а второй испытывает это понуждение, например: *йыгIалыргIыла* «тот, которого она ставит» (букв. «заставляет вставать» — два участника действия: побуждающая к действию и побуждаемый); *йылырчауа* «тот, которого она кормит» (букв. «заставляет кушать» — тот же состав участников); *йылырцауа* «тот, которого она гонит» (букв. «заставляет идти») и т. п.

Форма залога переходно-побудительного указывает, что участвуют три лица или предмета, из коих одно (одни) побуждает (или допускает) совершать действие, другое (или другой) подвергается этому побуждению (допущению), а третье (третий) испытывает самое действие, например: *йыусырбауа* «тот, которого я тебе показываю» (букв. «которого я заставляю тебя видеть» — говорящий побуждает к действию, собеседник подвергается побуждению, третье лицо или предмет представляется логическим объектом действия); *йылсрыфIуа* «то, которым я ее потчую» (букв. «тот, которого я заставляю ее кушать» — говорящий-побуждающий, лицо женского рода, подвергаемое побуждению, предмет, испытывающий действие) и т. п.

Форма залога возвратного выражает двоякое участие одного и того же предмета или лица в действии, но представляемого дважды — в роли

субъекта и роли объекта, например: *тиадызгалуа* «приготавливающийся» (одно и то же лицо мыслится приготавливающим и приготавливаемым); *тишылчауа* «она притворяющаяся»¹ (тот же анализ); залог возвратно-побудительный может быть иллюстрирован примером: *тиауырцуа* «ты побуждающий того мучить себя»² (здесь одно и то же лицо, в данном случае собеседник, мыслится побудителем к совершению и жертвою того же самого действия; третье лицо, в данном случае из класса неразумных, выступает при этом исполнителем) и т. п.

В примере: *йышывырдыруа* «то, что вы узнаете» (букв. «то, что вы заставляете (побуждаете) себя знать»), лица, к коим обращена речь, выступают в роли одновременно побудителя и побуждаемого, третьим участником является предмет действия; значение сочетания оказывается, таким образом, косвенно-возвратным.

Категории форм переходности противостоят формы непереходности. Непереходность характеризует действие, как лишенное затрагиваемого им непосредственно постороннего субъекту объекта, соответствующие формы причастий имеют, как правило, лишь одну морфему местоименного значения.

При этом залог средний выражает такое положение действителя, когда он активно, как бы произвольно совершает приписываемое ему действие, например: *йыцауа* «идуший» (действующее лицо мыслится активным); *йычауа* «кушающий» (бук. «занятый едой», активно совершающий процесс еды); *йыгIвуа* «бегущий» и т. п.

Иначе представляется действие при форме залога страдательного, когда предмет или лицо, которому приписывается соответствующий глагольный признак, мыслится как неактивный, как бы невольно подвергающийся процессу действия, например: *йыцтIакIхауа* «понижающийся» (без участия собственной воли); *йадгIлахауа* «доставляемые» (с разных сторон в одно место, без всякого своего участия в процессе); *йытамIмIхауа* «который не завершается» (букв. «не становящийся завершённым») и т. п.

Форма залога взаимного выражает взаимное участие нескольких действителей в действии, одинаково распространяющемся на всех участников его, например: *йалIлуа* «сходящиеся вместе» (взаимно), *йацынхауа* «вместе работающие», *драбакIуа* «он, который борется с ними»³ (участвующими взаимно в борьбе).

Дополнительные замечания. К изложенной группировке причастий по признаку принадлежности их к тому или иному залогу, как формальному средству выражения объективной (т. е. не зависящей

¹ Скорее — «она притворяясь». (Ред.).

² Точнее — «ты, (муж.) побуждая того убить (→ мучить (?)) (убивая) себя». (Ред.).

³ Правильнее — «он (человек) борясь с ними». (Ред.).

Вообще автор не всегда разграничивает приведенный здесь тип деепричастий и причастия. Вследствие этого, как в данном случае, так и в других местах, означенные формы им переведены причастиями. (Ред.).

от субъективного отношения говорящего) характеристики носителя действия, не лишне сделать пояснение: употребляемые нами термины «действительный и страдательный залог» имеют в виду лишь условное, терминологическое значение, отнюдь не соответствующее обычному (в частности, в русской грамматике) словоупотреблению, где они выражают особые соотносительные, т. е. противопоставленные друг другу, формальные залоговые разновидности одних и тех же глаголов переходного значения (например: «делающий» ~ «делаемый», «давший» ~ «данный» и т. п.). Формы, условно названные нами этими терминами, не соотносительны друг другу непосредственно, а лишь в меру их принадлежности к двум разным, противостоящим одна другой, основным категориям переходности и непереходности.

Формальные признаки залогов. Основным различием, объединяющим все виды входящих в состав соответствующих групп подгрупп, сравнительно со всеми подгруппами другой группы, является деление на глаголы переходные и непереходные. Различие между ними заключено в первую очередь в самом наличии, а затем в том или ином порядке последовательности входящих в состав глагольных форм местоименных показателей логических субъекта и объекта действия, выражаемого глаголом. Переходные глаголы характеризуются наличием показателя субъекта и объекта действия, а также господствующим положением, т. е. постановкой на первое место в составе глагольной синтагмы так называемого прямого объекта действия глагола, под которым понимается предмет или лицо, непосредственно испытывающие на себе действие, и постановкой лишь на второе место — логического субъекта действия. Глаголы непереходные имеют местоименный показатель одного лишь субъекта, а в тех, относительно редких, случаях, когда присутствует второй (объектный) показатель (см. об этом ниже), ставят на первое место в синтагме показатель субъекта.

Говоря здесь о местоименных показателях лиц, непосредственно участвующих в действии и выражаемых глагольной синтагмой, следует заметить, что, в силу упомянувшегося уже многократно полисинтетизма (сложносоставности) глагольных форм абазинского языка, в составе синтагмы присутствуют нередко местоименные показатели лиц и предметов непосредственного (т. е. или субъектного, или прямо объектного) отношения к действию не имеющих, а задеваемых этим действием косвенно. Формальным показателем косвенности участия в действии служит присутствие в непосредственном соседстве велед за таким, в вопросе переходности глагола безразличным, местоименным показателем того или иного глагольного префикса, стоящего к нему в отношениях послелога или слова, им определяемого. Так, например, форма *йыздзгагылыу* «стоящий рядом с которым» является непереходным глаголом и имеет всего лишь один местоименный показатель предмета или лица, участвующего в действии, именно *й(ы)*, тогда как *з*, образующее вместе с префиксом *дзга* постпозитивное сочетание со значением «рядом с которым», непосредственного отношения к действию стояния, как тако-

вому, не имеет; так же очевидно обстоит дело с формами *йьсдзхъагълыу*¹ «стоящий рядом со мной», *йьудзхъагълыу* «стоящий рядом с тобой» и т. п. Аналогичным образом обстоит дело с первым *з* в составе синтагмы *уызъытшигЛауа* «то, чего ты ищешь», вопреки иллюзии, создаваемой русским переводом, так как *з* не имеет непосредственно никакого отношения к основному значению глагола, в силу выделимости здесь префикса *зы* со значением «для» (*зы* «для которого, в интересах которого»); точный перевод с учетом формального состава синтагмы: «ты для которого (за которым) занятый глядением»); *йьгIарнъцIуа* «исходящий от них» (перевод точно воспроизводит форму синтагмы, где местоимение *р* вместе с префиксом *ны* означает «из них, от них»); так же обстоит дело и с *р*, в составе синтагмы *йьрылшыуа* «то, что они могут», в силу выделимости *л* в качестве префикса со значением «изнутри» (*рыл* «изнутри них», синтагма в целом означает собственно: «то, что изнутри них рождается, возникает») и во многих других, подобных же примерах. Однако последний пример показывает, что выделимость префикса из состава синтагмы достижима в некоторых случаях лишь путем исторического (этимологического) анализа неразложимой с современной точки зрения морфемы: в данном частном случае в силу утраты в самостоятельном употреблении глагольной основы *ша* в значении «возникать, быть творимым» (она сохранилась лишь в абхазском).

Принимая во внимание указанное формальное отличие переходных глаголов от глаголов непереходных, необходимо считать и залог взаимный за одну из разновидностей глаголов непереходной категории; в вышеприведенном примере *драбаКIуа* второй местоименный элемент синтагмы, именно *р*, зависит от несознаваемого теперь, как такового, префикса *а* (переводимого: «при участии кого-либо»), и синтагма в целом означает, при условии точной передачи ее грамматического смысла в абазинском языке: «он, занятый борьбой, при (непосредственном) их участии».

Количество примеров подобного затемнения смысла сложной формы незначительно и повлиять на грамматическую значимость установленного различия — с одной стороны — сочетаний местоименных выразителей косвенных объектов действия глагола с префиксами, с другой стороны — независимых по положению выразителей субъекта и непосредственного объекта — не может. Образцом наиболее характерных и употребительных по существу непереходных глаголов этого рода, подающих повод к недоразумениям, могут служить следующие: *сапшыуа* «я на него смотрящий»¹ (*с* — субъект, *а* — косвенный объект класса неразумных, *л* — вероятный префикс со значением «впереди»); *сапхъауа* «я его читающий», или «я ему кричащий» (*с* — субъект, *а* — косвенный объект,

¹ Префикс *йь-* в формах *йьсдзхъагълыу* и *йьсдзхъагълыу* имеет разные функции и поэтому их нельзя перевести одинаково; в первом случае следует: «тот (что-то) стоит рядом с которым». (Ред.).

n — может быть префикс того же значения); *сийццIауа* «я его (существо муж. рода) кусающий»¹ (*c* — субъект, *йы* — косвенный объект, *ц* — «зуб», букв. «я ему зуб(ом) ударяющий»); *сийцIауа* «его спрашивающий» (*c* — субъект, *йй* — косвенный объект, *цI* — вероятный префикс со значением «из-под», букв. «я из-под него извлекающий»¹). Сюда же относятся примеры: *судхъуа* «я тебя тянущий»¹ (*c* — субъект, *уы* — косвенный объект, *хъ* — основа глагола) и *сдсуа* «я его (неразумное существо) бьющий» (*c* — субъект, *a* — косвенный объект, *c* — основа глагола), к сложению, с префиксом не сводимые.

В анализе этих глаголов приходится учитывать несомненные примеры употребления местоименных частиц для выражения косвенного (дательного) отношения в глаголах «давать» и «говорить» (как например: *йырнатуа* «то, что он (неразумный) дает им» (где *p* выражает объект «им»), *йырдсхIеуа* «то, что я говорю им» (и переводит форму *сдсуа* «я ему наносящий удары»¹).

Соотносительность форм переходного и непереходного значения, образуемых от одной и той же глагольной основы, выражается в настоящее время в сравнительном меньшинстве глаголов. Ср. например: *йыIеуа* «занятый писанием» (непереходное значение), *йымыIеуа* «то, что она пишет» (переходное значение); *йычегъвауа* «занятый паханием» (непереходное значение), *йырчегъвауа* «то, что они пахнут» (переходное значение); *йыбкъауа* «занятый молотью» (непереходное значение), *йыубкъауа* «то, что ты молотишь» (переходное значение); *йашIдхуа* «занятый ломкой кукурузы» (непереходное значение), *йашIырхуа* «то, что они ломают» (переходное значение) и т. п. Таким образом, устанавливается ближайшая взаимозависимость глагольных форм, вышеназванных нами средним и действительным залогами.

В целом ряде случаев категория переходности и непереходности выражается лексически, т. е. различием основ глаголов, как например: *йычауа* «занятый едой» (непереходное значение), *йысфяуа* «то, что я ем» (букв. «едомый мною» — переходное значение); *йыджыкылуа* «начинающийся» (непереходное значение), *йыджыкыырцIауа* «начинаемый ими» (переходное значение) и т. п.

Понудительный залог. Однако преобладающим в настоящее время средством различения этих значений служит так называемый понудительный залог, позволяющий от огромного большинства глаголов непереходного значения получать формы переходности. Образуется понудительный залог с помощью морфемы *p*, стоящей непосредственно перед чистой основой глагола и не отделяемой никакими другими служебными морфемами; в тех глаголах, которые имеют префиксы, иногда и не признаваемые сейчас, как таковые, *p* вставляется между ним и основой глагола, например, от глагола *нгард* «работать, заниматься сельским трудом», *йынхауа* «работающий», но *йындырхауа* «понуждаемый ими работать» (пример показывает, что при сочетании в составе син-

¹ Следовало их перевести соответствующими деепричастиями. (Ред.).

тагмы двух *p*: *p* понудительного и *p* показателя субъекта действия 3-го лица мн. числа, подвергается диссимиляции второе, а если оно имеется, то и третье *p* и превращаются в *d*; ср. еще: *йынкъыддыргау* «то, что они побуждают их вести», где первое *d* — показатель лиц понуждаемых, а второе — лиц, понуждающих к действию; оба *d* замещают нормальное *p*, встречаемое вне форм понудительного залога. Морфологически соотносительными оказываются здесь, таким образом, залогов средний и понудительный. Присоединение морфемы *p* к основе глагола переходного значения дает формы переходно-побудительного залога, имеющего вдвойне переходное значение. Залог переходно-побудительный оказывается формально производным залога действительного.

Возвратный залог. Формы возвратного залога характеризуются особой частицей *тшы*, не различаемой в абазинском языке, в отличие от абхазского, но лицам и занимающей в составе глагольной синтагмы первое место; ср. например: *йыччуа* «спящий, спящая»¹, но *тшыйрыччуа* «он, заставляющий себя спать», *тшыларыччуа* «она, заставляющая себя спать», в абхазском — соответственно *йытшыирыччуа*, *атшыларыччуа*, формы, дающие в абазинском совершенно иной смысл: «он, усыпляющий свою лошадь», «она, усыпляющая свою лошадь», *тшыдырелъыз* «я, который записался» (букв. «я, который заставил их записать себя?» — *Ред.*) и т. п. Наряду с частицей *тшы* в роли возвратного местоимения выступает нередко в повседневной речи существительное *хъа* «голова», сопровождаемое, для различения лиц, соответствующими притяжательными местоимениями, так например: *схъа йазысхъауа* «я, говорящий о себе»²; *хъа йыззынкъымгауа* «не умеющий себя вести» (букв. «не умеющий вести свою голову»); *уыхъа йазымхыуи* «то, что ты не сделаешь себе самому» (букв. «своей голове»). Роль этого существительного не ограничивается ролью местоимения возвратного, но переходит и в сферу личных; таким образом, *схъа* «моя голова» заменяет «я» (*саръ*), *уыхъа* «твоя голова» заменяет «ты» (*уаръ*) и т. п.

В зависимости от характера того глагола, к которому присоединяется частица *тшы*, формы возвратного залога могут быть формально соотносительны с залогом действительным, понудительным и переходно-побудительным.

Страдательный залог. Формами залога страдательного называем условно такие производные, иногда от глагольных, а в подавляющем большинстве случаев от именных основ, сочетания с основой глагола *харъ* «делать» (утраченного в самостоятельном употреблении абхазским, но сохраненного абазинским), каковые именуются обычно, и по существу верно, отыменными глаголами; переводятся эти глаголы

¹ Точнее «засыпающий» (*Ред.*).

² Следует «то, что я говорю о себе». (*Ред.*)

описательно: «становиться, делаться чем-либо». Название это в условиях абазинского языка не отражает всей полноты фактов, поскольку здесь: допустимы, с помощью глагола *харà*, образования от основ, свое именное значение совершенно утративших, как например: *йыстахъхауд* «желательно мне» (основа *тахъ* самостоятельно существует только в глагольном значении, например: *йыстакъбу* «желательное мне, любимое мною»), *йыштIыххауа* «поднимающийся» (сложная основа *штIы + х* с префиксом служит самостоятельной основой глагола со значением действительного залога, например: *йыштIыргауа* «поднимаемое ими») и т. п.

Наряду с отыменными глаголами, образуемыми глаголом *харà*, существуют совсем иного рода отыменные глаголы, по значению и способу образования соотносительные ближайшим образом с формами страдательного залога и образующие характернейшую для абазинского и абхазского языков категорию глаголов состояния, требующую особого рассмотрения.

Категория действия и состояния. Категория глагола в собственном значении этого слова выражает «действие» в широком смысле, т. е. независимо от того, имеет ли место активное проявление чьей-либо воли или нет. В этом широком смысле и русские «лежит, спит», и т. п. так называемые состояния являются действиями, что показано в самой форме приведенных слов, ничем не отличающихся от «бежит, кричит» и т. п. Однако и в русском языке есть возможность выразить совершенное отсутствие «действия» в том признаке, который сочетается предикативно (в качестве сказуемого) с предметом или лицом, выполняющим роль субъекта фразы: достигается это сочетанием именной формы со связкой «быть», имеющей единственную функцию выражать невыразимые иначе, чем глагольной формой, отношения времени, к которому относится данная предикативная связь. Это основное противоположение действия и состояния, выражаемое в ряде языков различными грамматическими категориями, имеет непосредственное отношение к формам залога, поскольку отсутствие действия в формах состояния исключает, строго говоря, самое понятие залога, как выразителя отношения субъекта действия к объекту: там, где нет действия, нет и залогов. Однако естественное соотношение понятий залога и действия нарушается в тех случаях, когда (как это имеет место, в частности, в абазинском) в представлении сочетаются действие и состояние, иначе говоря, когда действие мыслится, как состояние. Выразителем такого сочетания служит нередко в абазинском языке особая система форм глагола, которую назовем, в отличие от обычных форм глаголов действия, статической (по значению — связочной).

Система статических форм имеет, в отличие от форм обычных, динамических, свои особые форманты словообразования. Применительно к причастиям, различие это может быть показано следующей таблицей:

Таблица основных причастных формантов
абазинского языка

а) Причастия состояния (статические)	б) Причастия действия (динамические)
Настоящее время — <i>у</i>	Настоящее время — <i>уа</i>
Прошедшее время — <i>э</i>	Прошедшее время — (<i>э</i>)
Будущее время — <i>ра</i>	Будущее время — <i>ури ~ уаи</i>

Вышеприведенная таблица может быть иллюстрирована следующими примерами:

1) Причастие состояния настоящего времени: *йытыу* «находящийся в чем-либо» (основа глагола *та*); *йыгыу* «существующий» (основа *ыга ~ ага*); *йымзыу* «имеющий» (основа *ма*); *йыгылыу* «стоящий» (основа *гыла*); *йыцахыу* «давно прошедший» (основа *цахъа*); *йиртахыу* «то, чего они хотят» (основа *тахъ*). Эта форма часто употребляется в качестве средства превращения в причастие состояния любого слова и даже сочетания слов. Например: *йыуысыу* «являющиеся его делом» (*йыуыс* «его дело»); *йыуапышу* «похожий на тебя» (*уапи* «подобно тебе»); *йарганыу* «находящиеся поблизости от него (неразумн.)» (*арганы* «близкий»); *йырдырчыу* «то, что они должны знать» (*рдырчы* «то, что им должно знать»); *зхъа йашъыйтыу* «свободный» (букв. «тот, голова которого свободная»); *зчарауырыу* «долго обедающий» (букв. «тот, которого обед — *чара* долгий — *уыра*); *зшигърахцапйыкыу* «имеющий трехногую пегую лошадь» (букв. «которого лошадь пегая, три ноги имеющиеся»); *атгънчъара зджыклатарыу* «тот, у которого солонкой мешок из шулятной кожи барана»; *пеглачъыта абна зыбъазартахыу* «те птицы, местообитания которых лес» и т. п.

Последние четыре примера (взятые из старинных поэтических текстов) показывают характерное использование причастной формы на *у* в роли прилагательных со значением «обладающий чем-либо». Соответствующие отрицательные формы образуются путем замены *у* посредством *м*, причем *а*, изменяющееся в соседстве с *ы*, восстанавливается: *йытам* «не находящийся в чем-либо», *йыгам* «не существующий», *йымзам* «не имеющий», *йыгылам* «не стоящий», *йиртахым* «то, чего они не хотят», *йыуысым* «не являющееся его делом», *йыуапышым* «не похожий на тебя», *зхъа йашъыйтым* «не свободный» и т. п.

Особое положение занимают причастные формы совершенного вида, оканчивающиеся на *хыу*: им противостоят формы отрицательные на *с*, например: *йымцъс* «не ходивший» (или редко *йымцахыу*); *йымчпахыу* «раньше сделанный ею» ~ *йылымчпъс* «раньше не сделанный ею» (или *йылымчпахыу*); *йырихыу* «вскипяченный» ~ *йымырышъс* «не вскипяченный» и т. п.

2) Причастие состояния прошедшего времени: *йытаз* «находившийся в чем-либо», *йыгаз* «существовавший», *йызмаз* «имевший», *йыгылаз* «стоявший», *йиртахыз* «то, чего они хотели», *йыуысыз* «являвшееся его

делом», *йьудлшыз* «бывший похожим на тебя», *йәрваныз* «то, что находилось поблизости от него», *эхъа йашьвйтыз* «бывший свободным», *штийгъра хцанГыкГыз* «имевший трехногую пегую лошадь» и т. п. Редко встречается форма без конечного *э*, например: *йьсыма* «я имею, имел при себе» (букв. «тот, которого я имел всегда»)¹. Отрицательные формы: *йьтдмьз* «не находившийся в чем-либо», *йьгамьз* «не существовавший» и т. д. употребляется сравнительно редко.

3) Еще более редкой формой является причастие состояния будущего времени, образуемое, как правило, лишь от глаголов переходного значения, т. е. минимум с двумя местоименными показателями участвующих в действии или состоянии лиц или предметов (о значении этого причастия в глаголах действия см. ниже); *йьзхъдйцГара* «тот, которому он поверит» (категорически) (основа *хъацГа* «верить»); *уьзцГард* «тот, которого ты спросишь» (основа *цГГа* «спрашивать»); *дызтыйнцГара* букв. «он (разумн.) за какую цену которого он (разумн.) предложит на продажу» (основа *тынцГа*); *дызтыйхра* букв. «он (разумн.) за какую цену которого он (муж.) получит взамен» (основа *тных*) (в выражении *дызтыйнцГарый дызтыйхрый гыйдырам* «он не знает ему цены», где последние *и-* союз «и»); ср. еще *дызныцГбарму* «тот, которого он видит в первый раз» (? Ред.) (основа *ныцГба* «видеть в первый раз») (форма причастия будущего в сочетании с формантом причастия настоящего?). Чаще всего причастия будущего времени формы состояния связываются с глаголом «желать, хотеть» в форме (*й*)*атахъьб* «нужно», (*йь*)*гыатахъьм* «не нужно» и т. п. Например: *дысрә тахъьн* «он должен был бы умереть» (букв. «он, который умрет (наверное), следовало было»); (? Ред.); *йьцГбард йьхГатахъьз уард уакГвын* «тот, которого мы хотели видеть, был ты»; *йьцГбахард гыстахъьм* «я не хочу, чтобы он был вторым» (букв. «он (неразумн.), который сделается наверное вторым, я не хочу») и т. п.

Не случайная близость формы причастия состояния будущего и неопределенной формы глагола действия (*цард* «ходить», *чард* «кушать», *нхард* «работать», *гГдгра* «приносить» и т. п.) дает повод смешивать эти две формы, откуда наряду с *йьцГдгра тахъьб* «нужно, чтобы его (неразумн.) принесли», возникает неправильное *йьцГдгра тахъьб* «нужно, чтобы он принес» (вм. ожидаемого **йьцГдйггра* или **йьцГандгра*). Отрицательные формы причастия будущего имеют перед основой глагола *м*, например: *йьуьсымхара гыйгам* «нет ничего (такого) того, которое я наверное не сделаю для тебя» (основа *ха* «делать»).

4) Причастие настоящего времени действия: *йьгьлуа* «встающий», *йьгьлуа* «бегущий», *йьлдьруа* «то, что она знает», *йьцтГдлуа* «лежащий», *йьргьыкысуа* «нападающий на них», *йьцГьруа* «кричащий» и т. п. Отрицательные формы также имеют *м* перед основой, например: *йьмгьлуа* «не встающий», *йьмгьлуа* «не бегущий», *йьлымдьруа* «то, чего она не знает», *йьцтГдмылуа* «не лежащий» (префикс *цтГа* + основа

¹ Буквальный перевод, данный здесь автором, неточен. (Ред.).

а); *йыргейкымысуа* «не нападающий на них» (префиксы *гвы* + *квы* + основа *с*); *йымыҕыруа* «не кричащий» и т. п.

5) Причастие прошедшего времени действия: *йыгылыз* «вставший», *йыгылыз* «бежавший»; *йылдырыз* «то, что она знала», *йыцтҕалыз* «легший», *йыргейкысыз* «напавший на них», *йыцҕрыз* «кричавший». Формант *з* заимствован от причастий прошедшего времени состояния, что явствует из форм сочетаний причастий действия с вопросительными и относительными местоимениями, из форм причастий производных (отименных) глаголов (например: *йылаҕаха* «ставший глупцом», наст. *йылаҕахаа* «становящийся глупцом») и некоторых других выражений и форм, не имеющих *з*, *дыгҕэздэ* «он, очень обтесавшийся» (от основы *гҕэзэ* «обтесывать»); *йызба* «первый встречный» (букв. «тот (который) которым видан») (? Ред.) и т. п. В отрицательных формах перед основой ставится *м*: *йымгылыз* «не вставший», *йымгылыз* «не бежавший», *йылымдырыз* «то, чего она не знала» и т. д.

6) Причастия будущего времени действия: *йыгылыуаи* «тот, который встанет», *йыгылыуаи* «тот, который побежит, будет бежать», *йылдыруаи* «то, что она будет знать», *йыцтҕалуаи* «тот, который ляжет», *йыргейкысуаи* «тот, который нападет на них», *йыцҕыруаи* «тот, который будет кричать». В образовании этой формы наблюдается различие между двумя группами глаголов; глаголы, имеющие в конце основы *ы* (все вышеприведенные), образуют причастие будущее формантом *уаи*, имеющие *а* (*йыцауа*, *йычауа*, *йылфауа* и т. п.) — формантом *уи* (след. *йыцыйуи* «тот, который пойдет», *йычыуи* «тот, который будет кушать», *йылфыйуи* «то, что она будет кушать» и т. п.). По ассоциации значений двух будущих формы причастий состояния будущего времени примыкают иногда к системе причастий действия, откуда *йыгылыра* «тот, который встанет обязательно», *йыгылыра* «тот, который побежит» и т. п. Обычно в сочетаниях, вышеуказанных при причастиях будущего времени состояния с *атахъыб*. Отрицательные формы образуются постановкой *м* перед основой, т. е. *йымгылыуаи*, *йымгылыуаи* и т. п.

Категория вида. Категория вида служит средством выражения объективной характеристики самого действия или состояния, как такового, с точки зрения присущих ему особенностей наступления или течения. Абазинский язык различает морфологически целый ряд более или менее точных видовых оттенков в глаголе, неизвестных русскому и другим языкам. Считая основную форму глагола, в силу сказанного выше о значении простейшей глагольной основы в абазинском языке (см. выше), за вид результативный, отметим следующие производные формы вида, существующие в абазинском языке и отражаемые соответствующими формами причастий:

1) вид постоянный, характеризующий действие или состояние, как совершающееся или существующее постоянно и систематически; образуется морфемой *ла*, присоединяемой суффиксально к основе глагола, например: *йыца-ла-уа* «ходящий постоянно», *йыца-ла-э* «ходивший постоянно». Наряду с абазинским формантом *ла* встречается в том же зна-

чении и заимствованное из кабардинского языка *заньт*, например: *йыцазаньтша* «постоянно ходящий», *ла* представляет собой собственно основу глагола «быть внутри чего-либо»; ср. *йдыму* «находящийся внутри чего-либо»;

2) вид повторительный, характеризующий действие или состояние, как наступающее вторично или повторно; образуется морфемой *x* с обязательностью постановки ударения на одном из предшествующих слогов: *йыца́хша* «идущий снова, вторично или повторно (несколько раз)»; *йыца́хыз* «ходивший снова»; значение формы этого вида во многих случаях теряется и переходит в (с трудом уловимый) оттенок отсутствия новизны, наступления действия или состояния;

3) вид интенсивный, означающий, что действие или состояние имеет место в степени особо интенсивной или окончательно определившейся. Соответственно двум, смешиваемым друг с другом, оттенкам значения вида, он имеет два формальных средства выражения: *ча* (оттенок собств. интенсивности) и *дза* (оттенок окончательности, определенности), например: *йыца́чыз* «много ходивший», *йыца́дыз* «совсем сходящий»; *ча* первоначально относилось к разумному субъекту (или объекту) действия и тождественно упоминавшемуся выше форманту мн. числа класса разумных, *дза* представляет собою основу глагола «достигать». В единичных примерах находим третий суффикс интенсивного вида *чIча*;

4) вид итоговый или утвердительный, означающий, что действие или состояние не вызывает никаких сомнений в его совершении; формантом вида утвердительного служит *за*, обычно сочетающееся с *ла* в форме *лаза*. Встречается в причастиях чаще всего в сочетании с формантом причастий действия будущего времени *шш*, например: *йамазлышш* «то, которое он (без сомнения) будет иметь».

Формант *за*, образующий, в особенности в абхазском, более отчетливую видовую категорию утвердительности, представляет собою основу утраченного ныне глагола с общим значением «существовать, находиться в определенном месте», которая сохраняется в таких абазинских пмсках существительных, как, например: *ныза* «главарь» (собств. «оказавшийся или находящийся впереди»), морфема *ны* в значении «впереди» известна во множестве таких синтагм, как *ныц* «зуб», *ныцIа* «предписание», *нынцIа* «нос» и т. п.), *дзаньза* «селезенка» (собств. «находящееся в боку», ср. *адза* «бок», *адзарта*, *адзацIыс* «ребро»). В глаголах имеем редкие примеры: *йадрьпхьзаб* «они их наверно научили» (от основы *пхьа*); *йджIзаб* «наверно будет» (от основы *аIе*);

5) вид совершенный, означающий, что действие или состояние совершилось давно и представляется окончательно прекратившимся, например: *йыцахьыу* «давно ходивший», *йыцахьыз* «давно ходивший» (формант *хьа*);

6) вид затруднительности, означающий, что осуществление действия или состояния встретило затруднение; формантом служит сложная морфема *уачва*, например: *йыдыруачвыу* «которого трудно узнать» (основа *дыр* «узнать»); *йыгIаууачваз* «которого трудно было най-

ти» (основа *gIau* «находить»); *yachva* здесь полусамостоятельное слово со значением «трудный» (соответствует абх. *ayadaǵIe* «трудный»);

7) вид потенциальный, означающий, что действие или состояние не встречает затруднений. Образуется, в отличие от других видов, префиксальной морфемой *z* (этимологически восходит к послелогу *zy* «для» и ставится вместе с зависящим от него местоимением впереди других, имеющихся в составе глагольной формы префиксов, непосредственно вслед за первым местоименным показателем, входящим в состав синтагмы), например: *ǵyryzǵǵyrua* «которого они могут узнать, которого им не трудно узнать»; *ǵyryzgIǵuz* «которого они смогли найти, которого им было не трудно найти». Встречается по преимуществу с отрицанием, приобретая значения вида невозможности; замещает нередко формы отрицательно-утвердительного (изъявительного) наклонения в глаголе, сближаясь своим значением с категорией наклонений; см. об этой категории ниже в разделе «Глагол», например: *ǵyryzǵǵyrua* «которого они не могут узнать; то, чего они не знают»; *ǵyryzgIa.mǵyuz* «которого они не могли найти, не найденный ими». Из примеров явствует, что формы вида потенциального допускают легко сочетания с другими видами, что также ставит его в обособленное положение в ряду видовых форм абазинского языка;

8) вид продолжительный, означающий, что действие или состояние, однажды наступившее, продолжается: выразителем этого вида служит морфема *rkIva* (этимологически восходит к основе вспомогательного глагола *akIv* «быть, существовать»). Особенностью этого вида, в отличие от большинства предшествующих, служит то, что формант *rkIva* присоединяется нормально не к чистой основе глагола, а к основе причастной, чаще всего основе причастия настоящего времени, например: *ǵycauǵ-rkIvaua* «продолжающий идти»; *ǵyckIvǵnyrkIvaua* «продолжающий быть молодым» (*ǵyckIvǵny* здесь вм. *ǵyckIvǵnyu* формы причастия состояния) и т. п. (лишь в более редких примерах *rkIva* присоединяется непосредственно к основе глагола, например в субстантивированном *ckIvǵyarkIva* «плакса», от основы *ckIvǵya* «плакать»). Таким образом, этот вид приближается к типу сочетаний слов, имеющих каждое свою законченную синтаксическую форму;

8) еще в большей мере это относится к следующему виду — концессивному, выражающему допустимость наступления действия или состояния, для чего к основе глагола или же форме повелительного наклонения (совпадающего, за исключением местоименных префиксов, с чистой основой глагола) присоединяется та или иная форма глагола *ura* «давать делать», например: *ǵyca(ǵ)auǵ* «дающий возможность идти, допускающий совершение хождения», *yuca(ǵ)auǵ* «дающий тебе возможность идти» и т. п.

Из числа перечисленных видов абазинского языка не все имеют тождественные формы выражения в абхазском. Такими специфическими для абазинского языка формами служат 4-й (в его осложненной форме *zla*), 6-й, 8-й и 9-й виды.

Категория времени. Категория времени, в настоящее время почти выработавшаяся в абазинском языке, оказывается при ближайшем рассмотрении производной от категории вида, иначе говоря, по своему происхождению формы времени являются прежними формами различных, существовавших в абазинском и абхазском языке, по существу безотносительных ко времени видовых значений. Вполне очевидный характер носит и сейчас видовая значимость формы давнопрошедшего на *хъа*, относимая нами к категории вида (см. выше, вид 5-й).

Проследить постепенное развитие временных различий позволяет сравнение с абхазским языком, лучше сохраняющим пережиточную абазино-абхазскую систему видов, в настоящее время существенно преобразившуюся и принявшую только что охарактеризованные формы. Из трех основных, существующих в абазинском и абхазском языке времен — прошедшего, настоящего и будущего — прошедшее представляет собой форму, лишенную особой внешней характеристики и относимую к прошедшему времени в силу основного (результативного) значения чистой основы глагола. Ясно выраженный именной характер значения этой основы, а также необходимость отличать его от формы повелительного наклонения, во 2-м лице мн. числа совпадающей с аналогичной формой причастий, дает повод к сочетанию *ес*, в непроизводных формах причастия, с формантом *з* (имеющим значение связки), например: *йыцъа(з)* «ходивший» (действие мыслится здесь, как факт «состояния»). Этим путем вызывается совпадение двух форм: причастия прошедшего динамического (или действия) и причастия прошедшего статического (или состояния). Лишь различие значений основ глаголов устраняет смысловое неудобство такого совпадения.

Настоящее время, сохраняющее в абхазском языке свое первоначальное значение лучше, чем в абазинском, образуется с помощью форманта начинательного значения *уа*; таким образом, *йыца-уа* означало первоначально не столько «идуший», сколько «начинающий идти» (откуда постоянные колебания в значении между собств. «настоящим» и «недалеким будущим», характерные в понимании особенно абхазских форм). Присоединение к производной основе форманта начинательного вида причастия прошедшего времени состояния — *з*, связанного по происхождению с морфемой *за* утвердительного вида, создает значение букв. «начало действия или состояния, находившееся в определенном моменте прошлого», откуда обычное сейчас вторичное значение сочетания *уа+з* в смысле прошедшего несовершенного, недавнего: *йыцауа́з* «тот, который шел», т. е. «начинавший идти в «определенный момент прошлого» (в абазинском форма *йыцауа́з* чередуется с *йыцъуа́з*; факт чисто фонетического происхождения, вызывающий, однако, более или менее индивидуальные и произвольные попытки различного осмысления форм: *йыцауа́з* в смысле «ходивший многократно», *йыцъуа́з* «ходивший однократно»).

Форма будущего времени сохраняется в первоначальном виде лишь в абхазском (*йыцѧ+ша*), представляет собою результат сочетания основы спрягаемого глагола с основой вспомогательного глагола *шарѧ* «доставаться на долю, выпадать на долю» (сохраняется в близком значении «делить на части» в абазинском, ср. еще: *ашарабѧра(ква)* «отборные, лучшие части»); смысл сочетания давал видовой оттенок долженствования, неопределенной целеустремленности действия или состояние, откуда *йыцѧша* «тот, который пойдет» (неопределенно) букв. «тот, которому следовало бы пойти (в силу того, что это досталось ему по разделению функций между действующими лицами)». Этой ясной по своему происхождению абхазской форме соответствует абазинская форма тождественного значения. *Йыцѧуш*, возникшая, повидимому, по аналогии с формой причастия прошедшего недавнего *йыцѧуз* (имеются, как указано выше, параллельные формы прошедшего недавнего на *уш*, например: *йыгѧуаш* «который должен бежать, который побежит»; след. абазинский формант разложим на *уа+ш*, *уу+ш*; ср. еще формы настоящего времени отрицательно-утвердительного наклонения: *йыгѧцѧум* «он не идет», но *йыгѧйгѧуам* «он не бежит»).

Сочетание неопределенно-долженствительной формы *йыцѧша* (*йыцѧуш*) с формантом *з* (= *йыцѧша-з*, *йыцѧуш-з*) переносит факт долженствования в прошлое и дает сложной форме обычное сейчас значение сослагательного наклонения «тот, который пошел бы в определенный момент прошлого».

Изложенная система первоначально видовых форм абхазско-абазинского глагола (в его динамическом значении), дающая в современном понимании систему основных времен, осложняется, как мы видим на примере форм, осложняемых формантом *з*, внесением в нее первоначально не связанных с динамическими статических форм. Нам остается добавить к перечисленным формам еще две, по существу также вневременного значения, но приобретающие таковое при включении их в стабилизирующуюся систему времен. Первая из них малоупотребительна, в силу своей двусмысленности, одинаково и в абазинском и в абхазском, и имеет своим окончанием *ра* — именного значения (ср. *ра* — формант имен собирательных и отглагольных). Употребляется она соотносительно с аористом (в глагольных формах, оканчивающихся связкой *б*), в значении причастия будущего определенного. Эволюция значения этой формы довольно прозрачна: действие, мыслимое в своем законченном состоянии, как существующее постоянно, относимо, с точки зрения времени, легче всего в будущее (с оттенком полной категоричности, уверенности в его совершении), откуда *йыца+рѧ* «тот, который пойдет безусловно, категорически» (например: *йыцарѧ атахѧйб* «он должен пойти», букв. «ему (*йы* здесь в значении неразумного субъекта действия) желательно его состояние совершившейся ходьбы»). Сочетаясь с формантом *з*, причастие на *ра* несколько видоизменяет свою звуковую форму (вм. ожидаемого *ра+з* имеем *рыз*); значение этого сочетания — «определенное будущее, мыслимое, как состояние в определенный

момент прошлого», что дает в переводе на другие языки форму сослагательного наклонения, например: *йыца + рьыз* (форма, повидимому, малоупотребительная) «тот, который наверное, безусловно пошел бы в известный момент прошлого».

Здесь следует отметить одну смысловую особенность большинства тех (за исключением связки *б*) временных форм, которые принадлежат по своему происхождению к категории состояния: это их относительность, предполагающая всегда сопутствующее им главное действие, которое служит в качестве точного показателя времени совершения и существования тех или иных фактов состояния, интересующих говорящего. Объясняется эта относительность естественной трудностью различения состояний во времени и направленностью внимания на моменты действия, как более конкретные выражения активного изменения явлений и их признаков. В силу такого относительного значения форм состояния становится понятным использование формы на *ра* (в ее кратком виде *р*) в значении относительной формы условного наклонения в абхазском языке, как например: *сакIвза-р* «если я буду» (собств. «мое бытие дано, как факт» из *сакIвза + ра*) и т. п.; в абазинском Тапанта и Шкарава форма условного наклонения на *р* осложняется допускающим различные объяснения элементом *кв(ын)*, например: *сакIвзар + квын* (зеленч. *сакIвзари + кв*). Вторая форма состояния, имеющая своим формантом *у* (= основе глагола *у-ра* «делать»), сохраняет значение аориста (т. е. неопределенного времени) с преобладанием оттенка времени естественно и практически наиболее значимого, именно настоящего¹, например: *йытйу* (собств. *йы + та + уы*, где *йы* — известное уже вопросительное местоимение в роли неопределенно-личного местоименного форманта глагольности (в данном случае причастности) значения синтагмы *та* основы глагола «быть внутри», *уы* «совершившееся, сделанное») «находящийся постоянно (в частности, и сейчас) внутри чего-либо». В абхазском формы типа *йытйу*, в сочетании со связкой *пI*, дают формы аориста в изъявительном (положительно-утвердительном) наклонении, в абазинском присоединение *б* устраняет, в силу своей гелетической однозначности с *пим*, элемент *уы* (последний элемент синтагмы), что создает различие между *йытй + упI* (в абх.) и *йытй + б* (в абаз.) «он (неразумн.) находится постоянно (в частности, и сейчас) внутри чего-либо».

Рассмотренные формы времени (а первоначально — вида) можно представить в следующей таблице:

Таблица времен абазинского причастия

	а) Причастия состояния
Наст.	<i>йытйу</i> — «находящийся внутри»
Прош.	<i>йытйз</i> — «находившийся внутри»

¹ Положение автора об увязке суффикса *у* с основой глагола *у-ра* «делать» является спорным. (Ред.).

Буд.	<i>йтӕзлара (йтӕзлыуи)</i> — «который будет находиться внутри»
Сослагат. неопред.	<i>йтӕзларыз (йтӕзлыуиыз)</i> — «который находился бы внутри»

б) Причастия действия

Наст.	<i>йыцауӕ</i> — «идущий»
Прош. соверш. недавнее	<i>йыцауӕз</i> — «ходивший недавно»
Прош.	<i>йыцӕз</i> — «ходивший, сходивший»
Буд. неопр.	<i>йыцыуи</i> — «который пойдет»
Буд. опр.	<i>йыцарӕ</i> — «который пойдет» (наверное, обязательно)
Сослагат. неопр.	<i>йыцыуиыз</i> — «который пошел бы»
Сослагат. опр.	<i>йыцарӕыз</i> — «который пошел бы» (наверное, обязательно)

Таблица показывает естественную дифференцированность времен действия и слабую развитость времен состояния, различимых лишь по признаку «всегда» (аорист) и «прежде» (прош.). Высенные в таблицу формы *йтӕзлара* и *йтӕзлыуи* (с их производными) мало употребительны и представляют собой осложнение основы глагола показателем вида утвердительного, по аналогии с «повелительным состоянием» (см. ниже).

Категория лица. Характерной особенностью абазинских причастий является их изменяемость по лицам и числам, наглядно свидетельствующая об особом, сравнительно, например, с русскими причастиями, характере этих форм. Таким образом, наряду с *йыцауӕ* «идущий», *йылбауӕ* «видимый ею», *йырнӕтуа* «то, что оно дает им» существуют еще осложненные личными местоимениями формы тех же причастий настоящего времени действия.

С точки зрения их морфологической структуры, эти личные причастия представляют собою синтагмы аппозитивно-предикативного (придаточно-сказуемого) типа (см. выше, тип VII). Что же касается их синтаксической функции, то в ней они сближаются чаще всего с русскими деепричастиями, отличаясь от существующих в абазинском языке деепричастий в собственном смысле слова отсутствием специальных окончаний деепричастия, подчеркивающих глагольно-наречный характер синтагмы.

Таблица изменения причастий по лицам и числам¹

а) Непереходного значения	
Единственное число	Множественное число
1-е лицо <i>сцауӕ</i> «я идущий»	<i>хIцауӕ</i> «мы идущие»
2-е лицо <i>уыцауӕ</i> «ты идущий»	<i>швцауӕ</i> «вы идущие»
» <i>бцауӕ</i> «ты идущая»	

¹ Все формы, приведенные в таблице, за исключением *йылбауа*, *йыжвбауа*, *йырбаквауа*, *йырнӕтуа*, *йыгIшвӕтквцауа*, деепричастного образования

3-е лицо *дцауà* «он (разумн.) идущий» *йыцауà* (*йыцакцауà*) «они идущие, идущие» (вообще)

» *йыцауà* { «он (неразумн.) идущий»
«идущий»
(вообще)

б) Переходного значения

Единственное число

1-е лицо *сыубауà* «я, которого ты (муж.) видишь»

2-е лицо *уызбауà* «ты, которого я вижу» или «ты, видит» который

бызбауà «ты, которую я вижу»

3-е лицо *дыббауà* «он (разумн.), которого ты (жен.) видишь»

йылбауà { «он (неразумн.), которого она видит»
«тот, которого она видит» (вообще) и т. п.

Множественное число

1-е лицо *хIабауà* «мы, которых он (неразумн.) видит»

2-е лицо *швыгIбауà* «вы, которых мы видим»

3-е лицо *йыжсбауà* «они, которых вы видите; те, которых вы видите» (вообще)

» *йырбакцауà* «они, которых они видят; те, которых они видят» (вообще) и т. п.

в) Переходного значения (с косвенным объектом)

Единственное число

1-е лицо *судьIауа* «я, которого она дает тебе»

2-е лицо *уысйIауа* «ты, которого он (муж.) дает мне»

» *блIстIауа* «ты, которую я даю ей»

3-е лицо *дбьхIауа* «он (разумн.), которого мы даем тебе (жен.)»

» *йырIауа* { «он (неразумн.), которого он (неразумн.) дает им»
«тот, которого он (неразумн.) дает им» (вообще)
и т. д.

Множественное число

1-е лицо *хIйIбIауа* «мы, которых ты (жен.) даешь ему (муж.)»

2-е лицо *швIдIауа* «вы, (которых) который дает ему (неразумн.)»¹

3-е лицо *йызыIауа* «они, которых ты даешь которому; те, которых ты даешь ему» (вообще)²

» *йыхIыIветкIауа* «они, которых вы даете нам; те, которых вы даете нам» (вообще) и т. д.

Приведенные в таблице формы представляют собою, при всем своем разнообразии, лишь незначительную часть форм, допустимых и обра-

¹ Правильнее «тот, который вас (от)дает ему» (класс вещей) (Ред.).

² Правильнее «ты (муж.) тот, которому (или: те, которым) даешь то (или: те)». (Ред.).

зусмых ежечасно в абазинском языке. Источником разнообразия служит здесь включение в состав формы причастия от одного до трех местоименных показателей непосредственных участников того действия (или состояния), которое выражается тем или иным причастием. Больше количество местоименных частиц, теоретически допустимое (в силу их способности указывать не только на непосредственных участников действия, но и на не имеющих непосредственного отношения к нему, в сочетании с послелогами, о чем см. выше), на практике не встречается, как осложняющее чрезмерно непосредственный анализ и понимание соответствующей формы.

Таблицы нуждаются в некоторых пояснениях:

1) Количество и качество наличных в составе синтагмы местоименных показателей различно, главным образом, в зависимости от значения глагольной основы и, во вторую очередь, от субъектного или объектного (все равно — прямого или косвенного) положения этих показателей, причем субъектным (подлежащим) положением является всегда положение в начале синтагмы. В значении субъекта используются личные и вопросительные местоимения в краткой форме на *ы*, в роли объекта — притяжательные местоимения и неопределенно-притяжательное местоимение *э*.

Различие косвенно-объектного положения от прямо-объектного выражается только в форме 3-го лица ед. числа класса неразумных и лишь при стечении трех местоименных показателей рядом (как мы видим в *йы + р + на + туга*), а также в составе глагольной формы переходного значения с префиксом (например, *йы + иш + аке + на + гауа* «как следует» (букв. «как оно (неразумн.) приводит к тому (неразумн.); форма, производная от сложной основы *аке + га*).

2) Следует иметь в виду, что субъектный местоименный показатель 3-го лица ед. и мн. числа *йы*, стоящий в начале синтагмы, устраняется в случае непосредственного соседства играющего роль субъекта имени перед синтагмой; ср. например: *амч швэбызта* (sic! Ред.) *йырнэтуа* «сила, придаваемая им в большом размере тем» (неразумн.), но *амч рнэтуа* «сила, придаваемая им тем» (неразумн.). Правило это, отражающее грамматическую зависимость слова синтагмы предикативного (сказуемого) значения от слова субъектного (подлежащего) значения, терпит нередко в современном словоупотреблении нарушение, например: *арэт йыдзахьйэд* «они шьют» (вм. закономерного *арэт дзахьйэд*); обоснованным является сохранение *йы* в случаях необходимости избежать неупотребительный в начале слова гласный *ы*, как например: *царда й + ыцIаб* «многое находится» (там), *ажьа й + ыгIвьйэд* «заяц бежит» и т. п. (грамматически закономерные **ыцIаб*, **ыгIвьйэд* неупотребительны).

3) Как указывалось выше, стечение двух местоименных показателей *йы* в одном слоге влечет за собой фонетически закономерную утрату одного из них (например: *йычпауа* «то, что он делает», вм. **йычпауа*, ср. *йычпауа* «то, что она делает»; *йыцтIацауа* «они,

идущие вслед за ним», вм. **ййыцтлацауа*, ср. *йылыцтлацауа* «они, идущие вслед за нею» и т. п.).

4) В формах 3-го лица мн. числа чередуются формы типа: *йыцауа* и *йыцакцауа*, т. е. формы, напоминающие ед. и мн. число склонения имен. Значение этого *кца* может быть двойким в формах, где присутствуют два неопределенных местоименных показателя 3-го лица. Так, например, *йырчпауа* «делаемое ими» ~ *йырчпакцауа* «делаемые ими»; *арахIарф зыдзхъагылму* «тот, рядом с которым стоит эта буква» ~ *арахIарф зыдзхъагылмакму* «те, рядом с которыми стоит эта буква», т. е. в первом случае *кца* определяет множественность значения местоимения *йы*, во втором — местоимения *з*. Употребление форм, осложняемых посредством *кца*, ограничивается нормально лишь случаями особой необходимости и нарочитости выражения множественности смысла того или иного местоименного показателя, которая остается в других случаях невыраженной и лишь подразумеваемой контекстом речи.

Склонение причастий. Формы мн. числа причастий 3-го лица (в 1-м и 2-м лице множественность выражена в самом местоименном показателе) дают повод коснуться вопроса о склонении причастий. В силу своей частичной принадлежности к именам (по значению и в особенности по своей синтаксической функции они совпадают в абазинском языке с категорией прилагательных относительных), причастия теоретически допускали бы такую возможность склонения, которая, однако, парализуется в значительной степени, в силу причин двойкого свойства: 1) внешняя форма причастия, заключающая в себе обязательное указание на определенный или неопределенный субъект действия, устраняет возможность различения падежей определенного и неопределенного, 2) глагольное значение причастий влечет за собою неизбежное осмысление образованных от них падежей орудивного и наречного, как наречий (деепричастий), что вырывает соответствующие формы из системы собственного склонения имен и переводит их в категорию другой части речи (аналогичную судьбу испытывает нередко, как мы видели, форма на *та* наречного падежа и в прилагательных). Действительно, значение абазинских причастий самих по себе, вне связи с морфемами словоизменения по падежам, соответствует обычно или русским прилагательным качественным, или причастиям, в каковом значении они предшествуют имени и лишены, следовательно, возможности изменяться сами по себе по падежам (изменяется лишь имя); при перевесе же их глагольной функции, они соответствуют по значению русским деепричастиям или придаточным предложениям, в каковом случае они тем менее могут считаться именами по значению своих производных форм. Ср., например: *йыгIайуаш аскыш* «следующий (букв. «тот, который придет») год»; *быгIвымсыз уау* «отличный (букв. «мимо которого ты (жен.) не можешь пройти») яд»; *дыгIыушыз азгIвд* «смертельная для него (букв. «которая унесла бы его») болезнь»; *йыузымI-вбуш агыргIвд* «непростительная (букв. «которая тебе не простится»)

«ошиб́ка», где причастия соответствуют по значению русским прилагательным и причастиям; в примерах *алых хлыпчауа* «мы, не делая различия» (букв. «различие нами не делаемое»); *арый дрымбадзауа* «они его совершенно не видя» (букв. «этот (разумн.) ими совершенно не видимый»); *аудый шабгыу* «он целиком» (букв. «он, как являющийся целым»); *дзауа дгаларыйад* «идучи он встретился с ними» (букв. «оп идущий он встретился с ними») и т. п. причастия стоят независимо от последующих имен, но имеют определенное значение или русских наречий (деепричастий), или русских придаточных предложений. Поэтому сочетания причастий с морфемами *ла* и, в особенности, *та* (не говоря уже о специально наречных формантах *мца*, *зива* и т. п.) относятся нами безусловно к числу деепричастий.

Деепричастия. Категория деепричастий или отричастных наречий, означающая активный признак другого признака, т. е. сопутствующее главному действию (или состоянию) действие (или состояние), может считаться морфологически выраженной при наличии наречных формантов, из коих главными являются упомянутые *та* и *мца* (*мцра*, *мцара*). Употребление этих формантов в общем факультативно и выражения *дгылма йыхIвад* и *дгылмамца йыхIвад* одинаково означают по-русски: «вставая, он сказал», лишь с той разницей, что *мца* подчеркивает момент одновременности действий, если *дгылматта йыхIвад* означает иногда «он сказал, что он, мол, встает», то этот оттенок значения должно относить не за счет значения формы, как таковой, а глагола «говорить», поскольку, например, между параллельными выражениями *звэтра азивьма*, *звэтра азивьмамца* и *звэтра азивьмата* нет разницы, и они, в общем приблизительно одинаково, передают одно и то же значение «вы будучи внимательны, со вниманием» (первое выражение букв. «внимание, которое к тому у вас имеется»; второе — «пока (есть) внимание, которое к тому у вас имеется»; третье — «будучи внимание, которое к тому у вас имеется»).

Единственным формантом, применение которого ограничено причастными наречиями и который в наречиях иного происхождения не встречается, служит морфема *кIва* (связанная по происхождению с основной глагола *акIе* «быть, существовать»), сочетающаяся с отрицанием *м* в значении деепричастия отрицательного аористного значения. Например: *йыцэмкIва* или *йымцэкIва* «он, не ходивши»; *дрымбадзэкIва* «они его совершенно не видя»; *сыйпхIамкIва* «я, не будучи его дочерью» (*сыйпхIадзэмкIва* «я, не будучи совершенно его дочерью»); *йапийэмкIва* «они не будучи сходны» и т. п.; значение послелога «кроме» приобретает нередко деепричастие *акIевымкIва* (основа *акIе*), так например: *аше акIевымкIва* «кроме сыра», *арат рэкIевымкIва* «кроме этих» и т. п.

В употреблении деепричастия на *кIва* следует отметить еще одну особую функцию его — выражать категорическую необходимость сделать что-либо, как, например, в *хлымуцтэйкIва* (основа *цтый* «посылать») «нам необходимо пойти», точнее: «будучи невозможно, чтобы ты нас

не послал». Такое употребление основано на пропуске глагола, определяющего десирчаствие (примерно: *амаль гьдмам хГыумитыйКва* «нет возможности, чтобы ты не послал нас» и т. п.).

Распространенные причастия. Причастия, играющие исключительную роль в абазинской речи, замещая слабо развитую в абазинском языке синтаксическую категорию придаточных предложений, выполняют это свое последнее назначение как самостоятельно, так и, в особенности, в сочетании с некоторыми местоименными и паречными морфемами. Такого рода сочетания причастий с дополнительными морфемами назовем «распространенными причастиями».

Из числа этих сочетаний типичнейшими и важнейшими являются следующие:

I. Распространенные причастия предикативного значения. Сочетания причастий с вопросительными местоимениями *да* и *йа*, имеющие предикативное значение, т. е. играющие роль (основного) сказуемого вопросительного предложения, например: *йырймайа* «что они имеют?», *йырймада* «кого они имеют?» (соотносительно с *йырймыу* «то, что они имеют; тот, которого они имеют», ср. выше замечание по поводу *йысыма*); *йырймазйа* «что они имели?», *йырймазда* «кого они имели?» (соотносительно с *йырймаз* «то, что они имели; тот, которого они имели»); *йылхаудйа* «что она делает?» (ср. *йылхауд* «то, что она делает»); *йылхайа* «что она сделала?» (ср. *йылхаз*, замещающее здесь, согласно сказанному выше, **йылхэ*: «то, что она сделала»); *йылхыуийа* «что она сделает?» (ср. *йылхыуи* «то, что она сделает»); *йыжвдыруайа* «что вы знаете?», *йыжвдыруада* «кого вы знаете?» (ср. *йыжвдыруа* «то, что вы знаете; тот, которого вы знаете»); *йыжвдырузйа* «что вы знали (недавно)?», *йыжвдырузда* «кого вы знали (недавно)?» (ср. *йыжвдыруз* «то, что вы знали (недавно); тот, кого вы знали (недавно)»); *йыжвдыр(ыз)йа* «что вы знали?» (ср. *йыжвдырыз* «то, что вы знали»; краткая форма *йыжвдыр* имеет самостоятельное значение 2-го лица мн. числа повелит. наклонения: «узнайте»); *йыжвдыруаийа* «что вы узнаете?» (ср. *йыжвдыруаи* «то, что вы узнаете») и т. п.

Приведенные примеры показывают, что, сочетаясь с местоимениями вопросительными, причастия состояния настоящего времени утрачивают свой формальный признак (*у*). В отношении форм причастия прошедшего действия наблюдается чередование чистой основы и основы, осложненной формалтом *з*; с этим чередованием может ассоциироваться незначительное смысловое различие: формы, сохраняющие *з*, приобретают, благодаря этому сохранению, слабо уловимый оттенок несколько большей конкретности, определенности того, что служит предметом вопроса.

II. Распространенные причастия предикативного и полупредикативного значения. Сочетания причастий с относительными и вопросительными местоименными наречиями

ан(анба), ш(шпа), га(аба), ахь(ахьла), образующие причастия относительные и вопросительные, имеющие соответственно аппозитивно-предикативное или предикативное значения, т. е. играющие роль сказуемого придаточного (причастия относительные) или главного (причастия вопросительные) предложения. К примерам, приведенным выше, можно добавить следующие:

1) *ан, уангIагълау* «когда ты встанешь» (основа *гIа + гъл*), *уангIагъла* «когда ты встал», *уангIагълара* «когда ты встанешь» (определенно). Последний пример показывает сочетание наречия с редко встречающимся вне данной связи с относительным наречием причастием будущего времени состояния, оканчивающимся на *ра*. Ср. еще *ауий андфра* «когда он (неразумн.) съест» (определенно) (основа *ф*), *ауьса андъазара* «когда так будет» (основа *ьъаза*), *ауьт анрылцIра* «когда они отойдут от них» (основа *лцI*), *йангIайъзара* «когда они соберутся» (основа *ай + зза*), *ауий аныъбаръ* «когда я это увижу» (основа *ба*). Нередки случаи осложнения относительного сочетания с *ан* последующим послеложным наречием времени, уточняющим значение относительного причастия, например: *шванългара амцтахъ* «после того, как вы окончите»; *йаншвхIауъ агIан* «в то время, как вы говорите», *дангIай асхъан* «после того, как (когда) он приехал», *санцъбырг* «как только я пошел» и т. п.:

2) *анба, данбалагауа* «когда он начинает?», *данбалага* «когда он начал?», *данбалгыуи* «когда он кончит?»;

3) *ш, йышъжсгIеуа* «как вы пишете», *йышъжсгIе(ыз)* «как вы написали», *йышъжсгIеуаи* «как вы напишете», *йышъжсгIеуахъдзыгъый* «как тебе только угодно», *дышъгъаз* «когда он был», *йышгIайра рахIв* «скажи им, чтобы они приехали» (букв. «как они приедут»; основа *гIай*), *ауат рыцIа йышбэыйхыуи йышбагъахыуи хIацтаб* «мы стремимся к тому, чтобы они стали лучше и крепче» (основы: *бзый + ха, багъа + ха*), *уышъжсгIеуахъыым йысагIад* «я слышал, что они тебя не желают», *уышгIайъ йышпабъыйъ* «как хорошо, что ты пришел!» и т. д. Примеры показывают, что формы, сочетающиеся с *ш*, переводятся различным образом: «как» (основное значение), «когда», «что» и «чтобы». Значение «как» передается отчетливо в сочетаниях с последующим наречием *апш(та)*, например: *дышъхъуъз (дышъхауъз) апшита* «как он работал», *йышатахъыу апшита* «как надлежит» и т. п.

На пропуске основного глагола, от которого зависит форма причастия относительного образа действия, основано приобретаемое причастием значение категорического приказания, в таких выражениях, как: *йышъжсгIеуаи* «ты будешь пить!», «пей-ка!» (дополнить, например: *уымбалъарыгъа* «не дурачься! . .»), *йышъжсгIеуа* «ты обязательно будешь пить!» (дополнить, например: *здырыд* «я знаю, что» . ..);

4) *шпа, йышпашвхIауа* «как вы говорите?», *йышпашвхIа* «как вы сказали?», *йышпашвхIауи* «как вы скажете?»;

5) *дъатъу акът* «селение, где он находится» (где он живет), *дъатъз акът* «селение, где он находился, жил», *йыгарылцIеуу* «там,

где следует поставить его» (неразумн.), *йыгагмчыу* «где должен стоять», *йыгаргылартам* «где не следует стоять», *йыгаргылартыу* «где следует стоять», *дырабакагуз йкыб* «потому что он с ними воевал», *дыдабзаз* «пока он был жив». Соответствует русским: «где», «куда», «так как», «откуда». В сочетании с послелогом: *ауый ауаса даныз азъаба* «так как он был таков», *дыайгарый йылыйхарый йымдыруа* «он, не зная, куда ее увести и что с ней сделать»:

6) *аба, дабанхъауа* «где он учится?» (основа *пхъа*), *убацауа* «куда ты идешь?», *йабъагажвгуаш* «откуда мы достанем?» (собств. «приведем») (основа *гIа + г*);

7) *ахъ, дахыгыу* «та сторона, где он находится», *дахыгъаз* «та сторона, где он находился»; чаще в сочетаниях с *га*: *йахыаныу* «то место, где оно (селение) расположено, лежит» (основа *ны*).

8) *хъна, дахныгыу* «в какой стороне он находится?», *дахныгъаз* «в какой стороне он находился?», *йахныыз* «в каком месте оно находилось?», *йахныа* «в какую сторону он пошел?», *йахныгашыл* «с какой стороны он вошел?». Как видим, и здесь чередуются, смотря по значению глагола, значения наречия: «где», «куда», «откуда».

III. Распространенные причастия полупредикативного значения. Сочетания причастий с различными другими наречными элементами, вполне аналогичные по способу образования и синтаксическому употреблению вышеозначенным деепричастиям на *та* и *мца*, из коих отметим наиболее употребительные:

1) *(з)ыва* «точно, подобно, будто»; *дыгансызыва тшычпъд* «он притворился усталым» («точно он устал»; от основы *гIанса* «уставать»), *дарбзъыва дыгаб* «он (таков), точно его кто-то (неразумн.) облизал» (от основы *рбза* «облизывать»), *дыбауызыва сыгаб* «я точно (будто) вижу его», *дыбъызыва сыгаб* «я как будто видел его», *дыбыуышызыва сыгаб* «я как будто увижу его». Ср. *тшызыва* «точно лошадь, как лошадь», и т. п.;

2) *ма* (первоначально — основа глагола «иметь»), присоединяемое впереди основы причастия, дает особый оттенок значения, как видно из следующих примеров: *змабзыыу* «которому кажется хорошим», *змадыцуу* «которому кажется большим», *зма — магыз* «которому казалось недостаточным» и т. п. (оборот, чуждый абхазскому литературному языку);

3) *нацIыкIа(ра)*, *нацIкIа(ра)* «до тех пор, пока не», «вплоть до того момента, когда», например: *йышнацIыкIа* «до тех пор, пока оно не замерзло», *сысын(а)цIыкIа(ра)* «до тех пор, пока я не умру; вплоть до момента моей смерти», *йыубана — цIыкIа* «до тех пор, пока ты не увидишь», *йыивзыгIена — цIкIара* «до тех пор, пока вы не сможете написать» и т. п. *нацIыкIа(ра)* соответствует абх. *нацIы(нацIа)* и представляет собою сочетание глагольной формы причастия относительного прошедшего времени от основы *цI(ы)* «проходить» (о времени) с наречием *кIа(ра)* «по направлению к»; ср. абаз. *ахыкIала* «по направлению к тому» (неразумн.);

4) *йжьтара* «с тех пор, как», *сцййжьтара* «с тех пор, как я пошел», *сцййжьтара* «с тех пор, как я кушал», *сцаууйжьтара* «с тех пор, как я иду», ср. *ауийжьтара* «с тех пор» (соотв. абх. *йжьтай*);

5) *пхьадза* (*зый*) «всякий раз, как», *сцйпхьадза* «всякий раз, как пойду» (например, *дызбййб* «я его вижу»), *дгларгвйквыспхьадзагый* «всякий раз, как он на них наадал» и т. п. Ср. *пхьадза* в составе местоименного значения формантов (ср. выше);

6) (*з*)*лакгый*, в сочетании с относительными причастиями времени, образа действия и т. д., дает соответственно значения «когда бы ни», «как бы ни» и т. п., например: *санцаллакгый* «когда бы я ни пошел», *йанйквылакгый* «когда бы то ни было», *йышйгазлакгый* «как (каков) бы он ни был», *дганйлакгый* «где бы он ни находился» и т. п.

IV. Супин. Причастие будущего времени состояния в слегка измененной форме (именно, с окончанием *р* вм. *ра*) сочетается с сохранным только в абхазском языке послелогом *ныс* «для»; получаемая в результате форма имеет значение супина («для того, чтобы сделать») (sic!), каковое название и можно присвоить соответствующим формам абазинского глагола. Примеры: *уырйлаалыныс* (*уырйлаалныс*) *бзыйб* «хорошо, чтобы ты вступил в число их», *уасакла уыйдырпсахыныс йачейжвад* «они сговорились, чтобы обменять тебя на одну овцу», *йычпарныс мыурьдта йьман* «он имел намерение сделать» и т. п. Как показывает пример *уырйлаалныс*, окончание причастия *р* устраняется иногда при стечении с предшествующим *л* основы глагола¹, откуда *хлгйадылныс* «чтобы мы приходили» (*хлгйадылыныс*), *йацыйбыныс* «чтобы они соревновались» (*йацыйбыныс*) и т. п. Соответствующая абазинскому супину абхазская форма образуется сочетанием с послелогом *азь* (переходит диалектически в *ацы* или *цы*, например: *сцаразы* (*сцарцй*) «для того, чтобы я пошел»).

Глагол

Глагол в узком смысле слова. Рассмотренные нами причастия, количественно безусловно преобладающая в абазинской речи форма глагольного значения, познакомили нас с целым рядом грамматических различий, свойственных им в силу их принадлежности к глаголу в широком смысле этого слова. Нам остается рассмотреть глагольные формы в узком смысле слова, понимая под глаголом систему форм, служащих (наряду с некоторыми видами распространенного причастия в предложениях вопросительных, о чем см. выше, для выражения сказуемого законченного предложения. Таким образом, принадлежность того или иного слова, относящегося по своему общему значению активного признака к обширной грамматической категории глагольных форм, к глаголу в указанном, специальном

¹ Суффикс *-р* в данной форме устраняется и в других случаях. См. К. Ломтатидзе. К образованию условно-целевого наклонения в абхазских диалектах. «Иберийско-кавказское языковедение», II, 1948. (Ред.).

смысле определяется: его синтаксической функцией сказуемого законченного предложения; наличием формальных (морфологических) признаков особой, неизвестной причастиям грамматической категории наклонения. Так как в предикативном (сказуемом) употреблении встречаются все имена существительные и прилагательные и многие наречия — для этой цели они сочетаются или с формантами глаголов состояния, или с формами глаголов действия (страдательного залога) — можно считать и эти сочетания глаголом в узком смысле слова; следовательно, в абазинском языке спрягаются, т. е. изменяются по системе глагола, не только глаголы в обычном смысле, но и имена и наречия. При этом местоимения личные, как указывалось выше, а также и наречия сочетаются в предикативном употреблении специально с основой вспомогательного глагола *акв*.

Отглагольное имя. К числу не относящихся к глаголу в узком смысле глагольно-именных форм принадлежит, кроме причастий, отглагольное имя, практически наиболее целесообразная «словарная» форма абазинского глагола, переводимая на русский язык двояким образом: посредством отглагольного имени действия (как *царь* «хождение, ходьба», *пхарь* «работание, работа», *барь* «видение» и т. п.) посредством так называемого неопределенного наклонения. Действительное употребление этой формы сближает ее, с одной стороны, с именами и мы имеем примеры почти полного перехода ее в категорию имен существительных, как по значению, так и по употреблению (*нхара дьбу* «большое хозяйство», *рашварь* «время полотьбы», *гвалыхра* «рассудительность», *алыхра* «различие» и т. п.), с другой стороны, она служит глагольным дополнением, в особенности при глаголах движения (*пхарь йыцад* «они пошли работать», *апхара дцад* «он пошел учиться», *заргарь сцад* «я пошел за кизилем», т. е. букв. «принести кизил», *чвалъара хцад* «мы отравились за сеном», *тагъварь йыцад* «они пошли кататься на коньках», *ачарь салгад* «я кончил есть», *ачарь джыкьырцад* «они начали кушать» и т. п.); во втором случае, форма отглагольного имени сближается по значению с супином, имеющим, как мы видели, свою специальную форму в абазинском языке, ср. параллелизм: с одной стороны, *ауат амырцарь ахъазла* «для того, чтобы они (растения) не замерзли» (*амырцарь* — отглагольное имя), с другой, — *аулаквй йамгарныс ахъазла* «для того, чтобы люди не замерзли»¹ (*йамгарныс* — супин).

Отрицательные формы отглагольного имени или «неопределенного наклонения» образуются путем присоединения частицы в глаголах действия — в начале основы (*дырра* «знать», *мдырра* «не знать»), в глаголах состояния — в конце основы глагола (*аъазлара* «быть», *аъамыллара* «не быть»).

Категория наклонения. Помимо категорий положительности (отрицательности), переходности (непереходности), действия (состояния), вида, времени и лица, глагол в узком смысле слова различает

¹ В абазинском тексте пропущено слово *моръа*. (Ред.).

наклонения. Наклонениями называются такие грамматические формы, которые выражают субъективное отношение говорящего к содержанию действия (или состояния), точнее, к характеру связи, которая предполагается осуществившейся в сочетании предиката (сказуемого) с субъектом (подлежащим). Определяя собою смысл законченной фразы, формы наклонения, естественно, связываются с теми словами, которые обуславливают ее законченность, т. е. с глаголом в узком смысле этого слова. Абазинский язык различает следующие пять основных наклонений: 1) повелительное, с подвидом уступительным, 2) желательное, 3) изъявительное (утвердительное), 4) вопросительное и 5) сослагательное, с подвидом условным. Каждое из этих наклонений имеет две более или менее характерные разновидности, положительную и отрицательную.

Повелительное и уступительное наклонения. Наклонение повелительное выражает в абазинском языке повеление двух видов: или категорически требуемое осуществление признака действия, или допускаемое осуществление признака состояния, подразумеваемых сказуемым. Первой цели служат формы собственно повелительного наклонения, второй — формы наклонения уступительного. И те и другие могут быть представлены в виде следующих таблиц:

Таблица форм повелительного наклонения (действия)
Непереходного значения

Единственное число		Множественное число
2-е лицо	<i>уыцà</i> «иди» (ты, муж.)	} <i>швца</i> «идите»
»	<i>бцà</i> «иди» (ты, жен.)	
2-е лицо	<i>уыгыл</i> «вставай» (ты, муж.)	} <i>швгыл</i> «вставляйте»
»	<i>бгыл</i> «вставай» (ты, жен.)	

Переходного значения

Единственное число		Множественное число
2-е лицо	<i>сга</i> «неси меня»	<i>сыжсгà</i> «несите меня»
»	<i>йыгà</i> (<i>йыгаквà</i>) «неси его (неразумн.), их»	<i>йыжсгà</i> (<i>йыжсгаквà</i>) «несите его (неразумн.), их»
»	<i>дга</i> «неси его» (разумн.)	<i>дыжсгà</i> «несите его» (разумн.)
2-е лицо	<i>сдыр</i> «узнай меня»	<i>сыжсдыр</i> «узнайте меня»
»	<i>йыдыр</i> (<i>йыдырква</i>) «узнай его, их»	<i>йыжсдыр</i> (<i>йыжсдырква</i>) «узнайте (его, их)»
»	<i>ддыр</i> «узнай его»	<i>дыжсдыр</i> «узнайте его»

Таблица форм повелительного наклонения (состояния)

Единственное число		Множественное число
2-е лицо	<i>уыгýлазла</i> «постой-ка»	} <i>швгýлазла</i> «постойте-ка»
2-е лицо	<i>бгýлазла</i> «постой-ка»	

Таблица форм уступительного наклонения

а) Непереходного значения

Единственное число		Множественное число	
1-е лицо	<i>сгылмыргIад</i> «пусть я встану»	<i>хIгылмыргIад</i>	«пусть мы встанем»
2-е лицо	<i>уыгылмыргIад</i> «(пусть) ты (муж.) встанешь»	<i>швгылмыргIад</i>	«пусть вы встанете»
»	<i>бгылмыргIад</i> «(пусть ты (жен.) встанешь»		
3-е лицо	<i>дгылмыргIад</i> «пусть он (разумн.) встанет»	<i>йыгылмыргIад</i>	«пусть они встанут» (<i>йыгылкваргIад</i>)
»	<i>йыгылмыргIад</i> «пусть он (неразумн.) встанет»		
1-е лицо	<i>сгылмазд</i> «допустим, что я стою»	<i>хIгылмазд</i>	«допустим, что мы стоим»
2-е лицо	<i>уыгылмазд</i> «стой» («не ходи»)	<i>швгылмазд</i>	«стойте» (не ходите)
»	<i>бгылмазд</i> «стой» («не ходи»)		
3-е лицо	<i>дгылмазд</i> «допустим, что он (разумн.) стоит»	<i>йыгылмазд</i>	«допустим, что они стоят» (<i>йыгылкмазд</i>)
»	<i>йыгылмазд</i> «допустим, что он (неразумн.) стоит»		

б) Переходного значения

Единственное число		Множественное число	
1-е лицо	<i>йыздырыргIад</i> «пусть я узнаю (то)»	<i>йыгIдырыргIад</i>	«пусть мы узнаем (то)»
2-е лицо	<i>йыуддырыргIад</i> «пусть ты (муж.) узнаешь (то)»	<i>йыжвдырыргIад</i>	«(пусть) вы узнаете (то)»
»	<i>йыбдырыргIад</i> «пусть ты (жен.) узнаешь (то)»		
3-е лицо	<i>йыуддырыргIад</i> «пусть он (разумн.) узнает (то)»	<i>йырдырыргIад</i>	«пусть они узнают (то)» (<i>йырдыркваргIад</i>)
»	<i>йылдырыргIад</i> «пусть она узнает (то)»		
»	<i>йаддырыргIад</i> «пусть он (неразумн.) узнает (то)»		
1-е лицо	<i>йыздырызд</i> «допустим, что я знаю (то)»	<i>йыгIдырызд</i>	«допустим, что мы знаем (то)»
2-е лицо	<i>йыуддырызд</i> «допустим, что ты (муж.) знаешь (то)»	<i>йыжвдырызд</i>	«допустим, что вы знаете (то)»
»	<i>йыбдырызд</i> «допустим, что ты (жен.) знаешь (то)»		
3-е лицо	<i>йыдырызд</i> «допустим, что он (разумн.) знает (то)»	<i>йырдырызд</i>	«допустим, что они знают (то)» (<i>йырдыркмазд</i>)
»	<i>йылдырызд</i> «допустим, что она знает (то)»		

йадьрызд «допустим, что он
(неразумн.) знает (то)»

Замечания к таблицам. Вышеприведенные таблицы нуждаются в некоторых пояснениях:

1) Формы повелительного наклонения действия весьма употребительны, наряду с простейшим, результативным видом, в сочетании с формантами видов постоянного и повторительного, например *уццәх* «иди слова, уходи», *уццәлә* «ходи» (постоянно); основа утвердительного вида служит для образования повелительного наклонения состояния, производных от него форм отглагольного имени (например, *гәлазлара* «стоять», *чIвәзлара* «сидеть», *алазлара* «находиться в чем-либо» и т. п.) и малоупотребительных причастий будущего времени состояния (например, *йыгәлазлыуи*, *йычIвәзлыуи*, *йәлазлыуи*, *йыгәлазлара*, *йычIвәзлара*, *йәлазлара*).

2) Некоторые формы повелительного наклонения, образуемые от основ повелительных залогов, служат для выражения смысла увещательного, поощрительного, например: *хIшвырчә* «давайте сделаем, сделаемте-ка», *хIшвырчә* «давайте кушать, покушаем-ка», *хIайшвырызә* «давайте соберемся», *хIшвыргIвә* «давайте писать, начнем-ка писать», *хIыншвырчә* «давайте работать» и т. п.

3) Различие значения двух видов уступительного наклонения (имеются соответствующие формы и в абхазском литературном языке, например: *сыпсәйтI* «пусть я умру», *сыпсәзәйтI* «допустим, что я умер, мертв») сводится к основному различию причастия состояния будущего времени (от которого с помощью форманта *гIа+д* образована первая разновидность) и причастия состояния прошедшего времени (от него с помощью форманта *д* образована вторая разновидность). Отсюда более категорический характер первого вида, связанный со значением причастия будущего (см. выше), и более объективно-равнодушный характер второго. В современном употреблении разница оттенков сознается довольно неотчетливо, и в частности второй вид ограничен в своем употреблении преимущественно 2-ми лицами глаголов непереходного значения состояния, вытесняющими формы собственно повелительного наклонения. В других лицах эта вторая форма употребительна по преимуществу в сочетании с основой глагола «говорить» (*хIвә* «сказав, мол, скажем» и т. п.) для образования уступительных форм, со значением русского «хотя и», например: *сәйлаәдхIвә* «хотя я и стою», *сәзәдхIвә* «хотя я и ходил», *йадьрыздхIвә* «хотя он и знает, узнает» и т. п.; существуют и образованные по аналогии формы настоящего и будущего времени, например: *сәуәдхIвә* «хотя я и иду», *сәйуиәдхIвә* «хотя я и пойду» и т. п. Происхождение форм уступительного наклонения, сводящееся к использованию ими форманта *д* изъявительного наклонения, становится очевидным при сопоставлении их с некоторыми современными примерами употребления собственных форм изъявительного наклонения в значении опитативном (категориче-

свого пожелания), встречаемом в формулах, соответствующих русскому «да» (будет), например: *йышвымыждарахад* «да будете вы несчастными, да постигнет вас несчастье» (отличается особой интонацией от *йышвымыждарахад* «для вас наступило несчастье»), (*царда*) *нышвцйыд ныуцйыд* «да проживаете вы (долго), да проживешь ты долго» (без интонации оптативности эти же слова означают: «вы стали, ты стал безболезненным, не имеющим болезни») и т. п. Что касается форманта *гIа*, семантическая функция его разъясняется значением префиксального *гIа* в противопоставлениях типа: *йыжвдыр* «знайте» ~ *йыгIажвдыр* «узнавайте» (собств. «приближайтесь к тому, чтобы знать»); в суффиксальном употреблении формант *гIа* известен в сочетании с глагольными основами, распространенными префиксами *л*, *цI*, *т*, *н*, например: *аьырдыгIара* «уменьшать» (от основы *р(ы)ды* «терять»), *аьдргIара* «различать» (от основы *д(ы)р* «знать»), *ацIкIгIара* «давить, жать» (основа *кI(ы)* «держатъ»), *аьфгIара* «выедать, выгрызать» (от основы *ф* «есть») и т. п. Сочетанием второй формы уступительного наклонения (в несколько измененной форме *эт* вм. *эд*) с формантом наклонения сослагательного *н* объясняются формы со значением русского «хотя бы и», «если даже и», например: *сцэдэтын* (*сцэдэтынгыый*) «если бы даже я (и) пошел», *йыздырызтын* (*гыый*) «если даже я (и) знаю (узнал бы)» и т. п. Развиваясь по аналогии с формами со значением «хотя и», образования на *этын* (*гыый*) получают три возможные разновидности: *сцауэдэтынгыый*, *сцёуэтынгыый* «если даже я и иду (пойду)», *сцэдэтынгыый* «если даже я и пошел», *сцёушыэтынгыый* «если даже я и пойду», *йыздыруаэтынгыый* «если даже я и знаю», *йыздырызтын* (*гыый*) «если даже я и знал», *йыздыруашыэтынгыый* «если даже я и буду знать».

Отрицательные формы повелительного и уступительного наклонения. Формы отрицательные, соответствующие формам повелительного положительного наклонения, образуются с помощью форманта сослагательного наклонения (*н*); первоначальное сослагательное значение этих форм ныне уже теряется и смысл приводимых ниже форм повелительного отрицательного действия сводится попросту к запрещению.

Таблица форм наклонения повелительно-отрицательного (действия)

Непереходное значение

Единственное число		Множественное число	
2-е лицо	<i>уымцан</i> «не ходи» (ты, муж.)	}	<i>швымцан</i> «(вы) не ходите»
»	<i>бымцан</i> «не ходи» (ты, жен.)		
2-е лицо	<i>уымгылын</i> «не вставай» (ты, муж.)	}	<i>швымгылын</i> «вы не вставайте»
»	<i>бымгылын</i> «не вставай» (ты, жен.)		

ного склонения положительного сочетаются нередко с различными частицами для придания приказу (повелению) смягчающего оттенка например: *йыхIвə* (*Sic! Ped.*) «скажи» ~ *йыхIвəс* «скажи-ка», *йIасəхIе* «скажи мне» ~ *йыгIасəхIвыст* «скажи-ка мне, пожалуйста» (ожидается нечто удивительное), и проч. Аналогичные служебные слова известны и в абхазском (абаз. с, ст здесь соответствуют абх. *ц, цт*).

Наклонение желательное. Ближайшим по значению к повелительному (уступительному) наклонению является наклонение желательное. Формантом желательного наклонения, выражающего нереальное пожелание, т. е. такое, выполнение которого совершенно не зависит от воли говорящего, служит *нда*, например: *сцəнда* «о, если бы я пошел!», *сытсцəнда* «о, если бы я умер!», *сыйпхIанда* «если бы я была его дочерью!», *сыйпхIапсанда* «о, если бы я была его приемной дочерью!», *дымында* «о, если бы он встал!», *йыуагIанда* «послушай-ка» (собств. «о, если бы ты послушал!»), *адзы дьуханда* «о, если бы вода стала высокой!» и т. п. Прибавление *з*, форманта причастий прошедшего времени состояния, переносит пожелание в прошлое: *сцəндаз* «о, если бы я тогда пошел!», *сытсцəндаз* «о, если бы я тогда умер» (форма мало употребительная). Прибавление *ра*, форманта причастий будущего времени состояния, в свою очередь осложняемого окончанием *з* (= *рыз*), дает формы: *сцəндарыз*, *сытсцəндарыз*, по существу лишь допускаемые, но не употребляемые в значении, равном *сцəнда* *сытсцəнда* и т. д. Также почти неупотребительные отрицательные формы образуются присоединением частицы *м* перед основой в глаголах действия: *сымцəнда*, *сытсцəнда*, *дымедымында* и т. д. или, после основы в глаголах состояния (или после спрягаемого имени): *сыйпхIамында* и т. п.

Наклонение изъявительное. Наклонение изъявительное выражает лишенное всякой окраски воли и чувств сообщение и служит основным (с точки зрения мыслительного содержания речи) средством изложения и описания фактов, наблюдаемых, как в повседневной жизни, так и в сфере отвлеченного и научного. Формантами этого наклонения служат: для выражения форм действия *ид* и *д*, частично *б* для выражения форм состояния *б*. Происхождение первых двух установить в настоящее время не легко, ввиду полной утраты ими какого-либо, хотя бы минимального оттенка реального значения; трудность анализа усугубляется противоречивостью абазинского и абхазского языков по части использования этих двух вариантов. Можно лишь предположить, что значение этих элементов было глагольным по преимуществу, поскольку они являются в сущности единственным формантом, придающим другим, полуименного значения формам, характер действительности, составляющий, как сказано выше, основную природу глагола. Вероятным представляется происхождение *б* (по своей функции не глагола в строгом смысле, а связки) от частицы указательной со значением «вот», представленной сейчас в составе местоимений *абарый*, *абаный* и т. п.; допуская такое происхождение связки, при-

шлось бы считать современную абхазскую звуковую форму морфемы — смычногортанное *nl* — фонетически вторичным вариантом этой частицы.

Формы глаголов действия. Формы изъявительного наклонения глаголов действия могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Таблица форм изъявительного наклонения глаголов действия

а) Глаголы с основой, оканчивающейся гласным *a*
Формы положительные

Наст.	<i>сцѳѳд</i> «я иду»
[Прощ. недавн.]	<i>сцѳун (сцауѳн)</i> «я шел, ходил»
Прощ. (законч.)	<i>сцад</i> «я пошел»
[Прощ. завис.]	<i>сцан</i> «я пошел и...»
Буд. неопр.	<i>сцѳуншд (сцауѳшд)</i> «я пойду, собираюсь пойти»
[Прощ. сослаг.]	<i>сцѳуншын (сцауѳшын)</i> «я пошел бы, я хотел бы пойти»
Буд. категор. (аорист)	<i>сцаб</i> «я пойду» (обязательно)
[Прощ. сослаг. 2-е]	<i>сцарѳн</i> «я бы пошел» (потом)

Формы отрицательные

Наст.	<i>сыгѳѳцум (сыгѳцауѳм)</i> «я не иду»
[Прощ. недавн.]	<i>сыгѳѳцумызд (сыгѳцауѳмызд)</i> «я не шел, не ходил»
Прощ.	<i>сыгѳмыцѳд</i> «я не пошел»
[Прощ. завис.]	<i>сыгѳцѳмызд</i> (не употребительно)
Буд. неопр.	<i>сыгѳѳцѳшым (сыгѳцауѳшым)</i> «я не пойду, не предполагаю идти»
[Прощ. сослаг.]	<i>сыгѳѳцѳшымызд (сыгѳцауѳшымызд)</i> «я не пошел бы, я не хотел бы идти»
Буд. категор. (аорист)	<i>сыгѳцарѳм</i> «я не пойду» (категорически)
[Прощ. сослаг. 2-е]	<i>сыгѳцарѳмызд</i> «я не пошел бы» (потом)

б) Глаголы с основой, оканчивающейся гласным *y*

Формы положительные

Наст.	<i>сыпсѳѳд</i> «я умираю»
[Прощ. недавн.]	<i>сыпсуѳн</i> «я умирал»
Прощ.	<i>сыпсѳѳд</i> «я умер»
[Прощ. завис.]	<i>сыпсын</i> «я умер и...»
Буд. неопр.	<i>сыпсуѳшд</i> «я умру, собираюсь умереть»

[Прощ. сослаг.	<i>сытсуа̄шын</i> «я бы умер, я хотел бы умереть»]
Буд. категор.	<i>сытс̄ьб</i> «я умру (обязательно), я мертв»
[Прощ. сослаг. 2-е. (категор.)	<i>сытср̄ьн</i> «я бы умер» (потом)]

Формы отрицательные

Наст.	<i>сыгьпсӯам</i> «я не умираю»
[Прощ. недавн.	<i>сыгьпсӯамызд</i> «я не умирал»
Прощ.	<i>сгьымтс̄ьд</i> «я не умер»
[Прощ. завис.	<i>сыгьпс̄ьмызд</i> «я не был мертв»]
Буд. неопр.	<i>сыгьпсӯашым</i> «я не умру, не собираюсь умереть»
[Прощ. сослаг.	<i>сыгьпсӯашмызд</i> «я бы не умер, я не хотел бы умереть»]
Буд. категор. (аорист)	<i>сыгьпср̄ьм</i> «я не умру (категорически)»
[Прощ. сослаг. 2-е. (категор.)	<i>сыгьпср̄ьмызд</i> «я бы не умер» (потом)]

Замечания к таблицам. По поводу таблиц необходимо сделать следующие замечания:

1) Наблюдается указанное в таблицах различие в образовании форм глаголов, в зависимости от последнего гласного основы, но по аналогии с формами глаголов на *ы*, глаголы на *а* допускают варианты: *сцаӯашд* (*сцъӯашд*) *сыгьцаӯам* (*сыгьц̄ьам*), *сыгьцаӯашым* (*сыгьц̄ьушым*), дифференцируемые иногда по значениям (формы с *ауа* означают при такой дифференциации более замедленное или затрудненное вмешательством чужой воли действие).

2) Элемент *гы*, вставляемый в формах изъявительно-отрицательного наклонения непосредственно вслед за первым местоименным показателем, входящим в состав синтагмы, первоначально факультативная частица (союз *и*), в этом сочетании означавшая «ничуть не, несколько не, совершенно не», проникая из сочетаний типа *зак̄ьг̄ьй зым̄ьд* «я ничего не видел»; отсюда, в конце концов, получилась нынешняя форма с обязательным *гы* — *йыгьзым̄ьд* «я не видел».

3) Наряду с формами наклонения изъявительно-отрицательного, весьма часты отрицательные формы, осложняемые формантом потенциального вида *з* (см. выше), предпочитаемые во многих случаях формам простым. Ср. например: *йыгьсызд̄ьруам* «я не могу знать» *вм. йыгьзыд̄ьруам* «я не знаю», *йыгьрызг̄ьгам̄ьуд* «они не могли его найти», *вм. йыгьг̄ьгарм̄ьуд* «они не нашли его» и т. п.

4) Форма настоящего времени положительного значения, оканчивающаяся на *ьд*, представляет собою фонетически сильно искаженное первоначальное сочетание причастия настоящего времени состояния,

например: *сцауа*, с формантом *ид*. Это явствует, в частности, из сравнения с абхазским, где (правда уже в незначительном меньшинстве глаголов) теоретически оправданная форма с окончанием *ауайтI* имеет по сей день реальное существование (ср. например: *йьсахIауайтI* «я слышу» от причастия *йьсахIауа* «то, что я слышу» + *итI*; окончание *итI* придает сочетанию значение действия, совершающегося в определенный момент). Постепенный переход от доказываемого этими абхазскими формами морфологически ясного первоначального *сцауайд* и *сцыйд* можно проследить в наречиях и говорах абхазского и абазинского языков: а) *сцуйейтI*, *сцуойтI*, *сцойтI* «иду» (или *сыпсудейтI*, *сыпсудейтI*, *сыпсдойтI*, «умираю») — формы, характеризующие различные закавказские говоры абхазского языка; б) *сцо(тI)* (или *сыпсѐ(тI)*) — форма настоящего времени в говоре кувинском; в) *сцуйтI* (или *сыпсайтI*) — форма наст. вр. в говоре *ансуа* (здесь существует параллельно и *сцауайтI*, *сыпсудейтI*); г) *сцыйд* (из трудно-произносимого **сцыйд*; ср. судьбу *у* в зеленч.-абаз. *сыпсайтI*, *сыпсѐтI*) — форма тапантинская. Элемент *уа* всплывает в абазинском снова в форме отрицательной, отчетливее в одном варианте (*сыгь-(цыуа-м)*), менее отчетливо во втором более употребительном (*сыгь-цыу-м*).

5) Форма прошедшего времени *сцад* результат сложения причастия прошедшего *сца* (без дополнительного *з*, о котором см. выше) с формантом *д*. В этом случае абазинский язык дифференцирует форманты настоящего (*ид*) и прошедшего (*д*) времени там, где абхазский знает лишь один *итI* (ср. *сцауйтI* «иду», *сцайтI* «пошел»). Наличие в самом абхазском, преимущественно в бзыбском наречии, форм прошедшего времени, содержащих одно *тI*, например: *далагтI* «он начал», *дыдзтI* «он исчез» и т. п., равно как абхазские же сочетания *сцаштI*, *сцауыштI*, содержащие также краткий элемент *тI* без сопутствующего ему *и*, дает основание предположить, что окончание *ид* || и *тI* выражало первоначально только настоящее время, а окончание *д* || *тI* — прошедшее и будущее и что абазинский в этом отношении лучше сохраняет распределение формантов по временам.

б) Форма будущего времени — результат сложения причастия будущего *сцуйи*, образованного, возможно, по аналогии с формой *сцуйз* (см. выше), с тем же формантом *д*. В литературном абхазском соответствующая форма звучит *сцаштI* (из **сцаша* + *тI*), в зеленчукско-абазинском, почти также как и в абазинском Тапанта, *сцуйштI* (*сцауаштI*). Обращает на себя внимание утрата в формах отрицательных настоящего и будущего времени элемента действия *тI* и замена его суффиксальным *м* отрицания, что объясняется очевидной ассоциацией обеих названных форм по значениям с формой аориста на *б* в глаголах состояния, где *б* закономерно заменяется при отрицании частицей *м* (см. ниже тип *сыгьа* + *б* «я существую» ~ *сыгьа* + *м* «я не существую»).

7) Форма будущего категорического на *б* включается в систему форм действия лишь вторично; как указывалось выше, она принадлежит по существу системе форм состояния, в каковой за ней и сохра-

няется морфологически обоснованное значение аориста. В этой форме абазинского языка совпадают таким образом две различные формы, имеющие в абхазском языке каждая свое особое выражение (ср. абаз. *счIваб* «я сижу» (аорист) и «я сяду» буд. категор. при абх. *счIваунI* «я сижу», *счIванI* «я сяду»). Оттенок категоричности, безусловности, присущий значению этой формы, проистекает из того, что действие мыслится в сущности как законченное (*сца* «я пошедший» + *б* связка аориста) и потому не зависящее от чьей-либо посторонней воли. Отсюда возможность вторичного осмысления ее, как зависящей только от воли самого говорящего (*сцаб* означает собств. «я пойду по своей воле, по своему усмотрению» или, что по существу то же: «я пойду, если Вам угодно, для того, чтобы удовлетворить, со своей стороны, ваше желание»).

8) Формы, заключенные в квадратные скобки (прошедшего недавнего, прошедшего зависимого и прошедших сослагательных) относятся по образованию с помощью *н* не к изъявительному, а к сослагательному наклонению, что сохраняется частично в их значении. Однако образование соответствующих форм отрицательных указывает на ассоциативную связь с изъявительным наклонением, благодаря присутствию конечного *д*; это обстоятельство служит основанием для включения их в систему форм изъявительного наклонения. Значение прошедшего времени в формах *сцун* (*сцаун*), *сцуншын* (*сцауншын*) и *сцарын* представляет собою результат осмысления заключенного в форманте *н* (связанном генетически с формантом *н* местного падежа имен) значения определено, во времени, фиксированной соотносительности с каким-либо другим действием; таким образом *сцаун* собств. «я идущий в определенный момент, когда совершается, совершилось или совершится другое действие», *сцарын* «я, который пойдет (определенно) в определенный момент» (совершения другого действия), *сцауншын* «я, который пойдет (вероятно) в определенный момент» (совершения другого действия). Связываясь во фразе по преимуществу с формантами изъявительного наклонения прошедшего времени (большинство высказываний обычно имеет ввиду указание на действия уже так или иначе определившиеся), формы сослагательного наклонения приобрели постепенно по существу чуждый им оттенок прошлости, откуда их современное значение и употребление. Чаще всего употребляется прошедшее недавнее, в начале рассказа или сообщения, преимущественно для введения, за которым следует изложение событий в форме прошедшего законченного времени; реже самостоятельное употребление этой формы (при описаниях). Форма прошедшего зависимого самостоятельно не употребляется совершенно, а лишь в связи с прошедшим, для выражения быстро сменяющих друг друга событий, например: *сцан дызбад* «я пошел (и сразу же) увидел его». Прошедшее сослагательное лучше других сохраняет, во всех случаях применения, сослагательное значение формы и употребляется в качестве сказуемого придаточных предложений во фразах условного (нереального) значения, как например:

ауый ауауыс йымчарыкен(ыз) сарй сарын «если бы он не сделал этого, я бы должен был пойти (пошел бы обязательно)».

9) В таблицу форм изъявительного наклонения не включены многочисленные производные видовые формы, хотя некоторые из них и приобретают смысл по преимуществу временный. Особенно это относится к формам вида совершенного на *хъа*, например: *сцэхъад* «я уже давно ходил», *сцэхъай* «я давно ходил» (одновременно с другим данным моментом), *сгъымцъаст* «я еще не ходил» (тогда, давно) и т. п. Так, например, возможны еще: *сцалыйд* «я постоянно хожу», *сцалан*, *сцалад* и т. п.; *сцэхъыйд* «я снова иду», *сцэхын*, *сцэхуан*, *сцэхд* и т. п.; *сцадзъад* «я окончательно сходил», *сцачвэд* «я много походил», *сцауъркIылад* «я продолжаю идти» и т. п.

19) Формы отрицательные прошедшего недавнего и прошедшего сослагательного допускают еще иную расстановку элементов отрицания, см. ниже в таблице форм наклонения сослагательного.

Формы глаголов состояния. Формы изъявительного наклонения глаголов состояния могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Таблица форм состояния изъявительного наклонения глаголов

		Формы положительные
Аорист		<i>сыбзыйб</i> «я хорош»
Прош.		<i>сыбзыйын (сыбзыйн)</i> «я был хорош»
[Буд.		<i>сыбзыйхыуид</i> ¹ «я буду хорош, стану хорош»]
Аорист		<i>йыстахъыб</i> «я хочу»
Прош.		<i>йыстахъын</i> «я хотел»
[Буд.		<i>йыстахъыуид</i> «я буду хотеть, мне станет хотеться»]
Аорист		<i>сыгъаб</i> «я существую, есмь»
Прош.		<i>сыгъан</i> «я существовал, был»
[Буд.		<i>сыгъазлыуид</i> «я буду существовать»]
Аорист		<i>сгъылаб</i> «я стою»
Прош.		<i>сгъылан</i> «я стоял»
[Буд.		<i>сгъылазлыуид</i> «я буду стоять»]
		Формы отрицательные
Аорист		<i>сыгъбзыйм</i> «я не хорош»
Прош.		<i>сыгъбзыймыд</i> «я не был хорош»
[Буд.		<i>сыгъбзыйхыушым</i> «я не буду хорош, я не стану хорош»]

¹ Приведенные в таблице формы будущего времени нельзя считать формами состояния (Ред.).

Аорист	<i>йыгыстагым</i> «я не хочу»
Прош.	<i>йыгыстагымызд</i> «я не хотел»
[Буд.	<i>йыгыстагхыушым</i> «я не буду хотеть»]
Аорист	<i>сгыгтам</i> «я не существую, меня нет»
Прош.	<i>сгыгтамызд</i> «я не существовал, меня не было»
[Буд.	<i>сгыгтазыушым</i> «я не буду существовать»]
Аорист	<i>сыгыгалам</i> «я не стою»
Прош.	<i>сыгыгаламызд</i> «я не стоял»
[Буд.	<i>сыгыгалазыушым</i> «я не буду стоять»]

З а м е ч а н и я к т а б л и ц е. Таблица требует нескольких замечаний:

1) Форма аориста (неопределенного времени) выражает в глаголах состояния факт постоянный и по существу как бы вневременной; только соотносительно с формой прошедшего, он приобретает преимущественно значение настоящего. Форма прошедшего (с оттенком прошедшего постоянного недавнего) по способу образования (путем форманта *н*) относится не к изъявительному, а к сослагательному наклонению; она употребительна главным образом в описаниях. Категория будущего времени не выработалась с достаточной четкостью в глаголах состояния в силу, вероятно, самого понятия состояния, как чего-то, представимого легче как бывшее или наличное. Недостаток различия восполняется образованными формами будущего времени по типу глаголов действия, как это показано в таблице в квадратных скобках. Повидимому, наряду с формами типа *сыгазыушуд*, допустимо в этом значении и сочетание основы вида утвердительного со связкой *б*, т. е. *сыгазлаб*;

2) Спрягаемые «имена» (как например, *бзый*) в параллельных формам состояния формах действия сочетаются в большинстве случаев с вспомогательным глаголом *зара*, след. *сыбзыйгид* «я становлюсь хорош, хорошою», *сыбзыйхун* «я становился хорош», далее *сыбзыйхад* «я стал хорош, похорошел», *сыбзыйхан*, *сыбзыйхаб* «я стану хорош, похорошею» и проч.

Глаголы вспомогательные. Вспомогательный глагол *сызаб* «есмы» — лишь один из нескольких, существующих в абазинском языке вспомогательных глаголов. Точное определение количества таких глаголов затрудняется тем, что понятие вспомогательности глаголов вполне условная грамматическая категория, выражающая лишь одну синтаксическую функцию того или иного глагола реального значения, его способность выполняться по временам, в сочетаниях, называемых сложным сказуемым, роль связки и утрачивать поэтому известную часть своего реального значения. В такой вспомогательной роли выступают чаще всего глаголы: *аглыгара* «наличествовать, быть» (наиболее близкий по своему значению к связке); *агазара* «существовать» (отсюда *сызаб* и проч.); *аурд* собств. «делать» (а сейчас скорее «произво-

Таблица форм состояния наклонения вопросительного

Формы положительные

Аорист	<i>сыбзыйма</i> «хорош ли я?»
Прощ.	<i>сыбзыйзма</i> «был ли я хорош?»
[Буд.	<i>сыбзыйхушма</i> «стану ли я хорош?»]

Формы отрицательные

Аорист	<i>сыгьбзыймма</i> «разве я не хорош?»
Прощ.	<i>сыгьбзыймызма</i> «разве я был не хорош?»
[Буд.	<i>сыгьмбзыйхушма</i> «разве я стану не хорош?»]

Наряду с формами, оканчивающимися на *ма*, существуют формы с окончанием на *мый*, придающие вопросу оттенок удивления или неуверенности (см. *сыарыма* «пойду ли я?», *сыарымый* «пойти ли мне? неужели я пойду?» и т. п.). Осложнение формантов *ма* и *мый* наречием *цт(а)* также подчеркивает вопрос, например, *сыгьмцъмацта* «разве я не пошел, что ли?», *сыарымыйцт* «пойти мне, что ли?». В качестве особенности зеленчукских форм вопросительного наклонения, следует отметить постановку ударения на *ма* (в кувинском говоре).

Наклонение сослагательное. Наклонение сослагательное выражает вообще, что наступление действия или состояния зависит от какого-либо другого действия или состояния. Соответственно двум различным типам возможной зависимости — условной и безусловной, формы сослагательного наклонения, объединяемые общим формальным признаком (именно суффиксальной морфемой *н*, которая, как уже указано выше, того же происхождения, что *н* местного падежа и *н(ы)* абхазских деепричастных форм, о них см. выше), распадаются на две группы: формы зависимости безусловной, под каковой следует понимать одновременность данного действия (состояния) другому действию (состоянию) — эти формы примкнули в процессе развития системы абазинского глагола к формам наклонения изъявительного и рассмотрены нами выше — и формы зависимости условной, под каковой разумеется предположение: «если будет это, то будет и то». Естественный параллелизм частей фразы, составляемый из двух предложений условного характера, служит причиной тому, что в абазинском языке и первая половина фразы условного значения, первоначально не имевшая признака сослагательного наклонения, стала его иметь. Доказывается это сопоставлением, с одной стороны, абхазских языков и абазинского Тапанта — *сыарыквын* «если я пойду» соответствует зеленч. абаз. *сыарыкве(ын)*, где *(ы)н* не обязательно, абх. (бзыбск. и кодорск.) *сыа(за)р* (окончание *р = ра* причастий будущего времени состояния, см. выше), с другой же стороны, очевидной связью форм и значений наклонения уступительного (типа *сыаэтынгый*, рассмотренных нами выше) и наклонения сослагательно-условного. Существующие ныне в условном значении формы сослагательного наклонения могут быть представлены в форме следующей таблицы.

Таблица форм наклонения (условно)-сослагательного и времен, их исконно формально обуславливавших

Формы положительные

Формы основные

Прощ. несоверш.	<i>сцъун (сцаудан)</i> «я шел, я шел бы»
Прощ.	<i>(сцан «я пошел и...»), сцад «я пошел»</i>
Буд.	<i>сцъуиын (сцаудиын)</i> «я пошел бы» (раньше)
Буд. опр.	<i>сцарын</i> «я пошел бы безусловно» (раньше)

Формы относительные

Прощ. несоверш.	<i>сцъузтын (сцаудзтын)</i> «если бы я шел»
Прощ.	<i>сцъзтын</i> «если бы я пошел»
Буд.	<i>сцъуиызтын (сцаудиызтын)</i> «если бы я пошел» (раньше)
Буд. опр.	<i>сцарыквын(ыз)</i> «если бы я пошел (раньше), если я пойду»

Формы отрицательные

Формы основные

Прощ. несоверш.	<i>сгыъцъумызд (сгыъцаудмызд)</i> или <i>сгымцъузд (сгымцаудзд)</i> «я не шел, я не шел бы»
Прощ.	<i>сгымцъад</i> «я не пошел»
Буд.	<i>сгыъцъуимызд (сгыъцаудимызд)</i> или <i>сгымцъуиызд (сгымцаудиызд)</i> «я не пошел бы»
Буд. опр.	<i>сгыъцарымызд</i> «я не пошел бы»

Формы относительные

Прощ. несоверш.	<i>сцъумызтын (сцаудмызтын)</i> или <i>сымцъузтын (сымцаудзтын)</i> «если бы я не шел»
Прощ.	<i>сымцъзтын</i> «если бы я не пошел»
Буд.	<i>сцъуимызтын (сцаудиимызтын)</i> или <i>сымцъуиызтын (сымцаудииызтын)</i> «если бы я не пошел» (раньше)
Буд. опр.	<i>сымцарыквын(ыз)</i> «если бы я не пошел (раньше), если я не пойду»

В осмыслении и употреблении этих форм наблюдается смешение их временных функций и способность замещать друг друга без заметного влияния на смысл. Форма *сцан*, заключенная в квадратные скобки, не способна образовать законченного предложения и замещается в этой роли ближайшей по морфологической структуре формой *сцад*. Ожидаемые по аналогии формы *сцарымызтын (сымцарызтын)*, повидному, не употребительны.

Другие примеры условно-сослагательного наклонения: *сгылхуазтын* «если я снова встану», *амдаль амазтын* «если бы оказалась возможность», *йыхъауцІгузтын* «если ты веришь», *йыхъаумцІгузтын(гый)* «если (даже) ты не веришь», *йырхІварыквын* «если они скажут», *йууфарыквын* «если ты покушаешь», *дӕпхъахырквын* «если он снова будет читать», *дымгӕлырквын* «если он не встанет» и т. п.

Наряду с формами, характерными для Тапанта, оканчивающимися особым формантом *квын*, существует возможность и примеры употребления в Тапанта другой формы условного значения, оканчивающейся союзом *(ы)й* или *гый*, например: *уыхІварый(гый)* «если (даже) ты и скажешь», *йыхІварарый(гый)* «если я (даже) скажу», *йӕкІваргый* «если он и будет (таков)», *уыІасӕдылыргый* «если даже ты и явишься ко мне» и т. п. Эта форма примыкает к числу тех многочисленных вариантов формы условного наклонения, которые известны в абаз. зеленч. (*сцӕрый, сцӕрыкк, сцӕрквын, сцӕзарый, сцӕзарыкк, сцӕзакк, сцӕзарквын*, все формы Тапанта *сцарыквын*).

Как уже упоминалось выше, к числу наклонений тяготеет по своему значению вид потенциальный, который употребляется по преимуществу в сочетании с вопросительным *ма* (т. е. вопросительным наклонением) или же в форме, соответствующей изъявительному наклонению отрицательному.

Проведем здесь еще несколько характерных примеров употребления потенциального вида: *уызӕпхыума* «умешь ли ты читать?», *уызӕгуввыума* «умешь ли ты писать?», *уызӕпхъадзыума* «умешь ли ты считать?», *йыгъызбӕдзыушым* «они не смогут жить», *йыгъыызгІауам* «он не найдет, не сможет найти», *йыгъыызгІауам* «он не найдет, не сможет найти», *йыгъыызгІауам* «она не смогла поймать» (ср. *йыызгІауам* «она смогла поймать»), *йыгъыызгІауам* «она не могла сказать» и т. п.

Структура синтагм глагольного значения. Подведем некоторые итоги предшествующему рассмотрению причастий и глагола в тесном смысле.

Размещение различных элементов, образующих сложную синтагму глагольного слова, подчиняется нормально следующим правилам: 1) на первом месте синтагмы стоит или местоименная морфема, выразитель грамматического субъекта действия, которая может отсутствовать, если это местоименная морфема *йы*, попадающая в непосредственное соседство с вневглагольным словом, означающим этот же субъект (см. выше), или формант возвратного залога (в формах возвратных); 2) на втором месте стоит отрицательная частица *гъы*, если это форма изъявительного наклонения отрицательного; 3) далее идет формант потенциального вида *з*, с предшествующим ему непосредственно местоименным показателем лица, которому приписывается невозможность совершить данное действие. При отсутствии формы потенциального значения, элемент *з*, в значении послелога «для», в сочетании с предшествующим ему соответствующим притяжательным местоимением, может занимать то же место; 4) при отсутствии сочетаний с *з*, стоит местоименный выразитель непрямого объекта действия; 5) затем идет местоименный выразитель

логического субъекта действия; 6) затем следует, если форма отрицательная и из числа ставящих частицу *м* перед основой глагола, частица отрицательная *м*, между которой и основой может стоять только *р* — формант повелительного залога; 7) затем следует основа глагола, которая оформляется последовательно по категориям: сначала вида, затем времени и наклонения; 8) в конце ставится или формант наклонения (при отрицательных формах это нередко частица *м*), или же какой-нибудь суффиксальный элемент наречного или союзного значения (*цта, йа, съый, ой, хIва* и т. п., см. об этих суффиксальных элементах в отделе союзов и частиц, ниже).

Изложенный порядок размещения составляющих глагольную синтагму морфем предполагает простые глагольные основы, неосложненные префиксальными элементами более или менее самостоятельного, чаще всего наречного, значения. Однако в большинстве случаев в абазинском языке приходится иметь дело именно с глаголами, имеющими префиксы.

Глагольные префиксы. Количество и смысловое качество префиксальных элементов, входящих в сочетание с простейшими, «чистыми» глагольными основами, велико и разнообразно, и полное перечисление всех глагольных префиксов этого рода может быть делом только более или менее обстоятельного словаря абазинского языка. Однако здесь нам все же необходимо перечислить важнейшие и наиболее употребительные префиксы, нередко (в случаях переходности значения производного глагола) отделяющиеся от основы и допускающие вклинивание между ними и основой глагола форманта повелительного залога *р*, частицы отрицания *м* и местоименного показателя логического субъекта действия.

Они разделяются на две категории: I категория — префиксы, употребляемые без препозитивных местоименных частиц косвенного объекта, и II — префиксы, определяемые препозитивно-притяжательным местоимением.

Наиболее употребительные из префиксов первого рода: *гIа*, указывающий на общее направление движения в сторону говорящего, и противоположный ему по значению префикс *на*, выражающий движение по направлению от говорящего. Примеры: *гIа + йрә* «приходить» (собств. «двигаться сюда»), *на + йра* «уходить» (собств. «двигаться туда»), *гIа + гра* «нести сюда», *на + гра* «нести туда». Эти два префикса весьма часто сочетаются с другими, и, кроме того, основное значение их сглаживается до степени весьма неопределенного и непереводаемого на другой язык оттенка характеристики движения действия, например, *д + на + ййдзхъачIвад* «он сел рядом с ним (муж.)» (*д + на + йй + дзхъа + чIва + д* букв. «он в том направлении с ним рядом сел»); *йы + гIа + джвыквыйцIад* «он начал» (*йы + гIа + джвыквы + й + цIа + д*, букв. «то в этом направлении он начал, наружу положил»); *йы + гIа + лжвгIвыгIа* «выпишите» (*йы + гIа + л + жв + гIвы + гIа* букв. «то в этом направлении из вы выпишите сюда») и т. п. Повидимому то же *гIа* употребляется и суффиксально, непо-

средственно за основной глагола, в сочетании с префиксами *л*, *н*, *т*, *ц* (см. выше).

Сочетания недопускающего ударения форманта взаимного залога *а* встречается реже, в самостоятельном употреблении и в форме *ай* с морфемой *ба* (*а+ба*) или с одним из нижеуказываемых в разделе II префиксов *ц*, *д*, *ла*, *та*, *м*, что дает сложные префиксы *ац*, *ад*, *ала*, *ата*, *ам* (сюда же сочетание *аз*). Примеры: *абабарà* «видеться друг с другом» (*аба+бара* «видеть»); *абацрà* «воевать друг с другом» (*аба+цра* «убивать»); *ацынхарà* «работать вместе» (*ацы+нхара* «работать»); *ацыбзàзара* «жить вместе» (*ацы+бзàзара* «жить»); *адгýлра* «становиться рядом друг с другом» (*ад+гýлра* «становиться, вставать»); *адкýлра* «собирать воедино, друг с другом» (*ад+кýлра*, где *кýлра* производное от *кýлра* «держать»); *алалра* «сходиться друг с другом в одно место» (*ала+лра* последний корневой элемент *л*, самостоятельно не существующий, означает «движение вглубь чего-либо»); *алажвèрà* «варить совместно друг с другом, сваривать» (*ала+жвèра* «варить»), *ата̀рашвара* «переполоть, полоть вторично» (*ата+рашвара* «полоть»); *ата̀псахра* «пересыпать, сыпать вторично» (*ата+псахра* «сыпать опять»); *амдарà* «расхаживать»; *амýцýлра* «расходиться» (*амы+цýлра* «двигаться»); *азгарà* «собирать» (*аз+гара* «нести»); *аздарà* «собирать» (*аз+дара* «вести»). Сюда же относится префикс *агýв* «мимо»; *агýвýсра* «проходить мимо», *агýвýцтра* «пропускать мимо». Из числа перечисленных префиксов большинство дает в сложении с простыми основами глаголы непереходного значения, не допускающие инфиксальных (вставляемых между префиксом и основой) элементов.

кýла указывает на движение вниз (на землю, пол и т. п.). Например: *кýлсарà* «сыпать на землю, сеять» (*кýла+нсара* «сыпать»), *кýладжвèджварà* «плевать» (*кýла+джвè+джвара* «вниз воду извергать») и т. п.

джвýк, *джвýл* указывает на движение изнутри наружу («в поле»), например: *джвýквýлра* «выходить наружу», *джвýлдара* «вывести наружу» (*джвýл+дара* «вести»); *джвýлýлра* «выйти наружу» (*джвýл+цýлра* «двигаться»).

тшкýлара (*тшкýлары*) «в углу» (из угла), например: *тшкýларагýлра* «встать в углу», *тшкýларыцýлра* «выходить из угла».

цтýла (*цтýлы*) «вниз плашмя» (снизу), например: *цтýлацýлара̀* «класть», *цтýлýлра* «ложиться», *цтýлýлхра* «поднимать».

пхýа (*пхýы*) «вперед (спереди), вперед» например: *пхýагýлра* «стать впереди», *пхýýсра* «обогнать» (букв. «двигаться вперед»).

тшгýва (*тшгýвы*) «у очага» (от очага), например: *тшгýвацýлара̀* «положить у очага» (огня), *тшгýвýлхра* «взять от очага» (из огня).

та (*ты*) «внутри» (изнутри), например: *тацýлара̀* «класть» (внутри), *тыцýлра* «выходить» (изнутри).

бжýа (*бжýы*) «посреди, из среди», например: *бжýагýлра* «встать посреди», *бжýýцýлра* «выйти из среди».

тшýжвè «на лошадь, с лошади», например: *тшýжвèцýлара̀* «сажать на лошадь», *тшýжвèцýлра* «слезать с лошади».

типын «на берегу», например: *типынгыла* «встать на берегу», *типынчѳаыла* «сесть на берегу».

ниѳа «перед», например: *ниѳагыла* «встать перед».

уахѳета «сзади», например: *уахѳетагыла* «стать сзади».

гѳена «в (доме), внутри», например: *гѳенагыла* «встать внутри».

кѳыла (*кѳыл*) «сквозь», например: *кѳылакѳра* «всовывать», *кѳылацѳра* «проходить» (сквозь).

цѳкѳла «сзади» (у стремени), например: *цѳкѳлацѳра* «положить сзади» и т. п.;

II. Ко второй группе префиксов, сочетаемых с местоимениями, относятся:

аз «для», например: *азцѳра* «идти для кого-либо, к кому-либо», *азыныгѳра* «искать» (собств. «смотреть для кого-нибудь»), *азыѳра* «случаться» (букв. «приходить для кого-либо»), *азхѳарѳ* «хватать» (собств. «тянуть для кого-либо»).

хѳ (*ы*) «по направлению к» (от), например: *хѳшварѳ* «отставать» («падать по направлению от кого-либо»), *ахѳысра* «касаться» (букв. «ударять по направлению к чему-либо»), *хѳыныра* «смотреть на кого-либо».

дѳхѳа «рядом с», например: *дѳхѳагыла* «встать рядом», *дѳхѳахѳра* «подбежать» (рядом к).

ла (*лы*) «внутри» (изнутри), например: *лацѳра* «класть внутри», *лахра* «вынимать изнутри».

н (*ы*) «внутри» (изнутри), например: *ныцѳра* «класть внутри, вникать», *ныцѳра* «выходить изнутри».

че (*ы*) «от» (поверхности), например: *чѳѳѳра* «отъедать», *чѳгарѳ* «упосить» (с поверхности).

кѳвы «от» (спины), например: *кѳвыхѳра* «отделять», *кѳвыцѳра* «отходить».

д (*ы*) «около, рядом», например: *дѳгыла* «встать рядом», *дѳцѳра* «положить рядом».

цѳ (*ы*) «вместе с», например: *цѳынхѳарѳ* «работать вместе», *цѳцѳра* «положить вместе».

цѳа (*цѳы*) «под» (из-под), например: *цѳацѳра* «класть под», *цѳыцѳра* «выходить из-под».

кѳ (*ы*) «на (верх), с (верху)», например: *кѳцѳра* «класть на что-либо», *кѳѳхѳра* «снимать».

цѳта «вслед», например: *цѳтацѳарѳ* «идти вслед», *цѳтагѳаыра* «приходить вслед», *цѳтаныра* «смотреть вслед».

мыцѳа «впереди» например: *мыцѳацѳра* «класть впереди».

хѳа(*хѳы*) «на поверхность» (с поверхности), например: *хѳаыла* «ложиться на что-либо», *хѳарѳышѳра* «набрасывать», *хѳыхѳра* «снимать сверху», *хѳацѳра* «класть наверх» и др.

Перечисленные глагольные префиксы, сочетаясь друг с другом, образуют нередко сложносоставные префиксы. Процесс осложнения простых глагольных основ различными префиксами продолжается на наших глазах и служит одним из частных проявлений общей тенден-

ции абазинского языка инкорпорировать в состав сказуемого относящиеся к нему слова, в данном случае — определяющие глагол наречия.

Наречие

Под категорию наречий подводятся нами слова, не склоняемые и не спрягаемые (т. е. не имена и не глаголы) и выполняющие синтаксическую функцию обстоятельства при глаголе или прилагательном. Непроизводные наречия характеризуются бесформенностью, т. е. неделимостью на части — на морфемы, реально или формально смысловые (см. например: *йацъ* «вчера», *йахъчIвâ* «сегодня», *дâра* «очень, весьма», *агIыла* — *псыла* «едва, еле-еле», *нырчв* «по ту сторону», *аудцIа* «внутри» и т. п.).

По внеграмматическим, т. е. формально не выраженным признакам значения, наречия распадаются на несколько групп: наречия времени, места, образа действия, меры и т. п. Относясь, таким образом, в своем большинстве к фактам словаря, а не грамматики, наречия подлежат рассмотрению здесь лишь в той мере, в какой они производятся с помощью специальных формантов наречий от основ именных или глагольных. Применение формантов наречия для придания слову синтаксической функции обстоятельства более или менее факультативно, в силу способности всех вышерассмотренных падежных форм склонения имен выполнять по мере надобности эту роль. Ср., например, такой ряд «наречий», как: *ауахъ* «в ту ночь (= опр. падеж «та, определенная ночь»), *уахъыжI* «однажды ночью» (= падеж единичности «одна ночь»), *уахъыла* (*уахъылла*) «ночью» (= орудивн. падеж от *уахъы* «ночь»), *уахъылата* «ночью» (= сочетания орудивн. и наречного падежей); *бзый* «хорошо» (= падеж неопр. «хороший», в составе, например *бзый уырбыйд* «они любят тебя», собств. «они видят тебя хорошо»); *âдзын* «в ту осень» (= опр. падеж «та осень»), *дэныжI* «(однажды) осенью» (= падеж единичн. «одна осень»), *дэныла* (*âдзылла*) «осенью» (= орудивн. падеж); *дэныта* «осенью» (= наречн. падеж); *âгара* «столько» (= такое количество) и т. п. В значении наречий имена употребляются все же преимущественно в форме падежей орудивного и, особенно, наречного. Разница значения этих форм сводится, как мы видели выше, к различию значения тех глагольных основ, к которым этимологически восходят форманты этих падежей. Таким образом, формы на *ла* означают собственно обстоятельство, внешне дополняющее действие, а формы на *та* — обстоятельство, внутренне определяющее действие. Отсюда разница оттенков в параллельных выражениях, как *агъныла* (собств. «при зиме, в течение зимы», здесь зима признак дополнительный) и *агъныта* «зимой» (собств. «в зиме, в зимнее время»; здесь «зима» — признак определяющий), *тIанIантала* «по-абазински», *тIанIантата* «в качестве абазин, как настоящий абазин» и т. п. Морфема *та* служит формантом наречий, производных от прилагательных: *мачI* «малый» ~ *мачIта*¹

¹ У автора было: *мачIа*, *мачIета*. (Ред.).

переход *мацара* из категории прилагательных в роль наречного определения при деепричастии;

3) *кIва* (*м+кIва*) образует отричастные наречия (деепричастия) отрицательного значения, как например: *дзI рIмыжскIва* «они, не пъя воды», *йицIарIмкIва* «не будучи острым», *йауIмкIва* «он (неразумн.) не делаая», *дымIцIкIва* (*дцIмкIва*) «он (разумн.), не ходивши (не ходя)» и т. п.

Служа своему прямому назначению обстоятельственного слова при глаголе (или, реже, при прилагательном), наречия становятся перед словом, к которому они относятся. Сочетаясь с существительными, они становятся позади того слова, к которому относятся, утрачивают некоторую долю своего самостоятельного значения и переходят в категорию слов служебного значения, называемых послелогоми.

Послелог

Наречия, входя в сочетания с существительными или субстантивированными (приравниваемыми к существительным) причастиями, становятся послелогоми. Послелог соответствует русским предлогам, с той существенной разницей, что наречное, самостоятельное значение сохраняется за ними в степени большей, чем в русских предлогах; в этом отношении их лучше сравнивать специально с русскими предложными наречиями (типа «вокруг», «около» и т. п.). Формальным выразителем послеложной функции наречия служит согласование наречий с предшествующим существительным или причастием в роде, лице и числе, путем сочетания их с соответствующими притяжательными местоимениями. Употребление послелогов вообще мало характерно для абазинского и абхазского языков, поскольку в большинстве случаев контекст (и прежде всего глагольная форма) определяет те отношения (главным образом пространственные), выразителем которых служат послелог, откуда значительная факультативность пользования ими (как правило, они ставятся лишь для усиленного, подчеркнутого указания на соответствующие значению послелога отношения).

Наряду с послелогам-наречиями, в значении послелогов употребляются и некоторые эквивалентные наречиям имена существительные в неопределенном падеже. Словообразовательным суффиксом значительной группы послелогов служит морфема *хъ*, отчасти в сочетании с морфемой *ла* (см. ниже), придающей трудно переводимый оттенок «движения вдоль».

Употребительнейшими послелогам в абазинском языке служат следующие:

ны «у, при, около», например: *акIт аннI* «в селеции», *ауIт рыннI* «у них» (в доме), *сарI сыннI* «у меня», *атыдзбIрдзаны* «в самом доме» и т. п. По аналогии образованы такие сочетания двух наречий, как например: *ауаIаннI* «(именно) там». Прибавление морфемы *дза* здесь и далее дает значение усиительное: *нынIдза* «вплоть до», например:

акыт анны́дза «вплоть до селения». Субстантивирюясь, *пны* получает значение существительного «дом, хозяйство»: *рыпны* «их дом», *рыпкы́а* «их дома».

тшы «на берегу, на краю», например: *а́бна атыпны́* «на краю леса, к лесу», *ады́ атыпны́* «на берегу река» (или «берег реки») и т. п.

ати(та) «подобно», например: *уарá у́апы(та)* «подобно тебе», *сарá сáпы(та)* «подобно мне» и т. п. По происхождению *ати* — глагольная основа, со значением «походить друг на друга».

да «кроме», например: *уарá у́йда* «кроме тебя», *сарá сýда* «кроме меня», *ларá лýда* «кроме нее» и т. п.

ма «с», например: *йылабá йýма* «он, со своей палкой», *тшыкI сáма* «я, с одной лошадей; я, имея одну лошадь» и т. п. По происхождению *ма* — глагольная основа, со значением «иметь».

а́гара «в меру, сообразно» (с количеством), например: *ау́йй а́гара* «столько», *мчыбчыкI а́гара* «с неделю» и т. п. Именного происхождения (*а́гара* «количество»).

тарá «вместо», например: *ау́т ртарá* «вместо них». Именного происхождения (*тарá* «место хранения, футляр»).

бжы́ара «между», например: *ау́т рыбжы́ара* «между ними». Именного происхождения (*бжы́а(ра)* «середина»).

цIы́хъва(н) «за», например: *сарá сцIы́хъва(н)* «за мной», (вслед за мной); именного происхождения (*цIы́хъва* «хвост»).

ры́уа(та) «из числа», например: *йыгIбажы́дз ры́уа* «из числа виданных нами», *сарá дары́хъвакы́т ры́уата* «я будучи из числа (жителей) селения Псыж» и т. п. Именного происхождения (*а́уа* «принадлежащий к данному коллективу, близкий друг»).

а́гIан «во время», например: *ау́т рáгIан* «в их время», *агъны́ а́гIан* «во время зимы», *сарá сáгIан* «в мое время» (именного происхождения — (*агIа* «время»).

(а́)хъаз(ла) «для», например: *ау́т рыхъаз(ла)* «для них», *ау́йй а́хъазла* «для этого» и т. д. Именного происхождения (*а́хъаз* для головы).

ахы́ла (ахы́Iы́ала) «(по направлению) к, в сторону», например: *йахы́Iы́ала* «в его сторону», *шварá швахы́ла (швахы́Iы́ала)* «в вашу сторону, по направлению к вам» и т. п.

хъахъ «на» (верху, поверхности), например: *ады́ ахъахъ* «на (поверхности) воды», *сарá схъахъ* «надо мной». Именного происхождения (*хъа* «голова»).

пахъ(ла) «перед», например: *сарá спáхъ(ла)* «передо мною, впереди меня», *атыды́ апáхъ* «перед домом».

(а)цIахъ(ла) «под», например: *атыды́ а́цIахъ* «под домом», *ау́т рýцIахъ* «под ними», *ады́ а́цIахъ* «под водой». Именного происхождения (*цIа* «дно»).

(а)цы́тахъ(ла) «сзади», например: *атыды́ а́цы́тахъ* «позади дома», *ау́т рýцы́тахъ(ла)* «позади их». Именного происхождения (*цы́та* «след»).

апхъá(ла) «до, перед», например: *ау́йй апхъá* «до этого», *акы́д*

апхъа(ла) «перед дождем», *уычарà апхъала* «прежде, чем ты будешь кушать».

амцтахь(ла) «после», например: *ауьй амцтахь* «после этого», *аква амцтахь* «после дождя», *уычарà амцтахь* «после того, как ты будешь кушать».

(à)*дзхъа* «рядом с», например: *ауьй адзхъа* «рядом с ним».

(а)*хъызла* «для, по поводу», например: *ауьт рыхъызла* «для них, по поводу них»; именного происхождения (*хъызь* «имя», следовательно букв. «именем»).

ахIà (айхIà) «более, свыше», например: *ауьй ахIà* «более этого», *ауьт райхIà* «более них». Именного происхождения (*ахI* «старший»).

ауьцIа «внутри», например: *атьдзъ ауьцIа* «внутри дома»; именного происхождения (*ауьцIа* «внутренность»).

Абазинскому языку чуждо приименное послеложное использование некоторых употребительных абхазских послелогов, каковы *къны* «при, около», *шы* у, при, на поверхности» и *зы* «для».

Числительные

Числительные не образуют в абазинском языке единой группы, выделенной по каким-либо внешним грамматическим признакам. Основанием для обособления их, в ряду других частей речи, служит исключительно объединяющее их всех значение счетных слов. По своей грамматической природе они распадаются на сочетания счетных префиксальных морфем с именами, это — числительные количественные, собирательные и разделительные, наречия — числительные обстоятельственные и причастия — числительные порядковые.

Числительные количественные. Числительные количественные первого десятка представляют собою в самостоятельном употреблении (например, отвечая на вопрос: *зъарайа* «сколько предметов?», *зъарайе* «сколько людей?») сочетание двух видов: относясь к предметам (вообще классу неразумных), основы числительных сочетаются со словом *ба*, утраченным в абазинском языке, означавшим «штука (товара)», (ср. абх. *абъ* «красный товар», форма единич. *бакI*), за исключением числительного «один», выражаемого особым самостоятельным словом *закIь* (абх. *акIь*); относясь к классу разумных, они соединяются со словом *гIв(ы)*, означающим «человек», за исключением первого и второго по порядку счетного слова: «один» (разумн.) выражается посредством *зиджъь* (абх. *аджъь*) и «два» (разумн.) — посредством *гIвиджь* (абх. *гIвиджьа*).

Таблица самостоятельных числительных первого десятка

а) Числительные класса неразумных (предметов):

<i>закIь</i> «один»	<i>цба</i> (абх. <i>фба</i>) «шесть»
<i>гIвба</i> «два»	<i>бжьба</i> «семь»

<i>xna</i> «три»	<i>agIbà</i> «восемь»
<i>niçba</i> «четыре»	<i>çvba</i> «девять»
<i>xvba</i> «пять»	<i>çvabà</i> «десять»

б) Числительные класса разумных (людей):

<i>zadzvè</i> «один»	<i>ççIvy</i> «шесть»
<i>çIvydç</i> «два»	<i>bvççIvy</i> «семь»
<i>xuy</i> (вм. <i>xçIvy</i>) «три»	<i>agççIvy</i> «восемь»
<i>niççIvy</i> «четыре»	<i>çvççIvy</i> «девять»
<i>xvçIvy</i> «пять»	<i>çvavççIvy</i> «десять»

Следует отметить, что *zadzvè* утрачивает уже нередко свое специальное отношение к классу разумных и сочетается со словами класса неразумных, например; *dçma zadzvèki* «единственная (одна) коза».

Числительные количественные второго десятка не требуют при счете прибавления *ba* (в счете предметов), сохраняя *çIvy* для обозначения счета людей.

Таблица самостоятельных числительных второго десятка

а) Числительные класса неразумных:

<i>çvèyç</i> «одиннадцать»	<i>çvèyç</i> «шестнадцать»
<i>çvèyçIv</i> «двенадцать»	<i>çvèyçvç</i> «семнадцать»
<i>çvax</i> «тринадцать»	<i>çvavçI</i> «восемнадцать»
<i>çvèyçniç</i> «четырнадцать»	<i>çvavçvç</i> «девятнадцать»
<i>çvèyçv</i> «пятнадцать»	<i>çIvavçv</i> «двадцать»

б) Числительные класса разумных:

<i>ççvèyçyçIv</i> «одиннадцать»
<i>çIvavçvavçIvy</i> «двадцать»

Дальнейший счет производится путем сложения 20 и 1:

<i>çIvavçvèyçzak</i> «двадцать один»	<i>çIvavçvèyççIvba</i> «двадцать два»
<i>çIvavçvèyçxna</i> «двадцать три»	<i>çIvavçvèyççvba</i> «тридцать»
<i>çIvavçvèyççvèyç</i> «тридцать три»	<i>çIvavçvèyççvèyçIv</i> «тридцать два»

и т. д.

«Сорок», «шестьдесят» и «восемьдесят» образуются по так называемому двадцатичному счету, т. е. путем умножения 20 на 2, 20 на 3, 20 на 4; таким образом: *çIvèyçIvavçv* «сорок» (*çIvèyç* числительное наречие «дважды», см. ниже), *xèyçIvavçv* «шестьдесят», *niçèyçIvavçv* «восемьдесят».

«Сто» выражается особым словом *çvçI* так же, как и «тысяча» — *çççy*.

При сочетании с теми предметами или лицами, которые подвергаются счету, естественно отпадает необходимость в пользовании вспомога-

ными словами *ба* и (отчасти) *гIвы*, и основа числительного на правах служебной морфемы примыкает префиксально к тому слову, к которому она относится. Таким образом, и «1 лошадь» — *тшыкI*, «2 дня» — *гIвымыкI*, «3 месяца» — *хымыкI*, «4 собаки» — *пцлакI*, «5 лет» — *хвысыкшыкI* (*хвысыкша*) и т. п.; «1 человек» — *гIвыкI* (*гIвычIгIейскI*) «2 мальчика» — *гIвычIкIынча(кI)*, «3 мужчин» — *хуыхъа(кI)* и т. п. До 19 числительные предшествуют слову, к которому относятся, и рассматриваются, как собирательного значения единицы, что явствует из сопровождающего их заключительного *кI* — форманта единичности. Образованная этим сочетанием синтагма может изменяться по падежам и осложняться другими служебными морфемами, например. *хмыкIыдза* «до трех месяцев» (от *хымыкI* «3 месяца»), *хажвâкIла* «тремя словами» (от *хажвâкI* — «3 слова»), *гIвшIчIвâракIка* «двуслоговые» (от *гIвшIчIвâракI* — «2 слога»), *бжьымыкIы* «в течение семи дней» (от *бжьымыкI* — «7 дней») и т. д. Начиная с двадцати порядок меняется, числительное рассматривается, как качественный атрибут существительного и ставится позади: *тшы гIважва* «20 лошадей», *сом хынгIважвых* «45 рублей», *тыдзъшкI* «100 домов», *угIâхивыгIв* «300 человек», (но *зкъы тшыкI* «1000 лошадей!») и т. п.

Числительные порядковые. Числительные порядковые представляют собой причастия страдательного залога, образованные от соответствующих счетных в их полной форме; такие порядковые представляют собою тапанта-абазинское и шкарава-абазинское новообразование (в абхазском порядковые числительные отсутствуют)¹.

Таблица числительных порядковых

йапхъахауâ (*йызакIхауâ*) «первый» (букв. «становящийся прежним, одним»)
йыгIвбахауâ «второй» (букв. «становящийся двумя»)
йыхпахауâ «третий»
йыпцбахауâ «четвертый»
йыхвбахауâ «пятый» и т. д.

Наряду с причастиями настоящего времени для той же цели служат иногда причастия прошедшего времени недавнего, например:

йыгIвбахыуз «второй», *йыпцбахыуз* «четвертый».

Прочие числительные. Числительные разделительные образуются путем повторения простого счетного, осложняемого нередко наречного значения формантами *мца* и *ла*.

Таблица числительных разделительных

Класс предметов

закIызакI (или *закIызакIымца*) «по одному»
гIвагIвбâ(ла) «по два»
хпакIпâ(ла) «по три» и т. д.

¹ Порядковые числительные имеются и в южных абхазских диалектах. (Ред.)

Класс людей

заджвэизадже (*заджвэдже, аджвэдже*) «по одному (человеку)»
гIвиджьгIвэджь(ла) «по два (человека)»
хуухуы(ла) «по три (человека)» и т. д.

Числительные собирательные образуются путем присоединения к счетным определенного члена или притяжательного местоимения, как например: *агIвба(гый)* «оба (предмета), *хIгIвэдж(гый)* «мы оба», *ахла(гый)* «все трое», *аццба(гый)* «все четверо» и т. д. Числительные наречия, отвечающие на вопрос *зъаранъа* «сколько раз?», образуются формантом *ны* (одного происхождения с утраченным падежом «местным»).

Таблица числительных наречий

<i>зны, зныкI</i> «однажды, один раз»	<i>бжьны</i> «семью, семь раз»
<i>гIван</i> «дважды, два раза»	<i>агIны</i> «восемью, восемь раз»
<i>хын</i> «трижды, три раза»	<i>жвын</i> «девятью, девять раз»
<i>пцын</i> «четырежды, четыре раза»	<i>жванъ</i> «десятью, десять раз»
<i>хвын</i> «пятью, пять раз»	<i>жвэызын</i> «одинадцать раз»
<i>цын</i> «шестью, шесть раз»	<i>жвыгIвын</i> «двенадцать раз»
	<i>шекIны</i> «сто раз» и т. д.

В значении «в который раз» от этих наречий образуются причастия страдательного залога, например, *ыгIвэанхмуз* «во второй раз», *ыхынхмуз* «в третий раз» и т. п. Наряду с *ыгIвэанхмуз* и *ыхынхмуз* существуют особые формы: *уадырзIвэна* «вторично» (обычно в значении «потом, затем»), *уадырхэна* «в третий раз».

В соответствии русским «вдвое, втрое» и т. д. на вопрос — *зъаранъла(йа)* «во сколько раз?» употребляются числительные наречия, осложненные формантом *ла*: *гIвэанла, хынла* и т. д. При умножении, в соответствие русским «на два, на три» и т. п., на вопрос *зъаръла(йа)* употребляют числительные счетные в сложении с *ла*: *гIвбъла, хпъла* и т. д.

При делении, в соответствие русским «на два, на три» и т. п., употребляются или числительные счетные в наречной форме на *та* (*гIвбъта, хпъта* и т. п.) или собирательные в сочетании с глаголом *ашиард* (например, *аццба йырзыца* «раздели на четыре»).

«Половина» выражается словом *бжа* (например: «пол гектара» — *габжэжI*, «полгода» — *сыкшыбжэжI*, «полторасто» — *шекIый бжэжIый* и т. п.). «Одна треть» — *зэжIы* *хпачIвэнта*, «одна четверть» — *зэжIы пцбачIвэнта*.

В заключение отметим, что наряду с сочетаниями *хтыдзэжI* «3 дома», *пцтшыкI* «4 лошади», и т. п. употребительны под влиянием кабардинского языка описательные обороты типа: *тыдзэнта хпа, тшыта пцба*

(букв. «в качестве домов три», «в качестве лошадей четыре» и т. п., ср. кабардинск. *унэу цы* «три дома» и т. п.).

Правила орфографии числительных. Отступления в порядке постановки числительных при именах от принятого в русском и других европейских языках влечет за собой некоторые последствия орфографического порядка, поскольку для передачи числительных пользуются цифровыми обозначениями, ставимыми обычно перед тем словом, к которому числительное относится. Для сохранения естественного для абазинского читателя порядка слов можно рекомендовать дифференцировать способ написания числительных до 10 включительно от следующих за ними и писать: 1 *тшыкI*, 2 *тшыкI*, 10 *тшыкI*, но *тшыкI* 11, *тшыкI* 19, *тшы* 20, *тшы* 100, 1000 *тшыкI*. В обозначении числительных порядковых целесообразнее всего выражать их следующим образом: 1-*хауа* «первый», 2-*хауа* «второй» и проч. В обозначении числительных разделительных писать можно таким образом: 2-*ба* «по два», 6-*ба* «по шести» и т. п. Иначе говоря, применять следует такой способ написания, чтобы буквенная часть выражения ограничивалась той последней морфемой, которая характеризует данную форму числительного. В обозначении цифр месяца и года, соответственно абазинскому порядку, обратному тому, который принят в русском языке, следует ставить на первое место название месяца и условное сокращение слова «год», а на второе — число, например: *нойдбр (амз) а-7*, (*нойдбр амз абжьба* «седьмого ноября») *ас. 1917 рны* (*асквыш зкы жевивдй-жвийбжь рны* «в тысяча девятьсот семнадцатом году»). В таком же положении находятся все иные цифровые обозначения, как-то: обозначение цен, веса, где на первом месте следует ставить (для единообразия во всех случаях одинаково, без исключения для первых десяти) сокращенное название единиц измерения, как например: с. 5 *кI* 60 = 5 руб. 50 коп. (абаз. *хесомкIый кIапыйкIа хынIважвдй*). Принцип единообразия в постановке цифр на втором месте говорит, как кажется, за то, чтобы и в таких символических сочетаниях, каковы обозначения градусов и процентов, предпочтение оказывалось порядку, обратному тому, который принят в большинстве других языков с иной системой выражения числительных отношений (т. е. чтобы писалось, например, $\%15$, вм. русск. 15%, $^{\circ}6$ вм. русск. 6° и т. п.).

Союзы и частицы

Естественное отсутствие в абазинском языке, не знавшем до 1933 г. письменности, сложной периодизации речи, т. е. отсутствие длинных, формально-взаимозависимых предложений и фраз, сводит потребность в так называемых союзах, под каковыми разумеются слова, соединяющие отдельные части фразы друг с другом, к весьма ограниченному количеству. «Бессоюзие» является, таким образом, одной из характерных, отличительных черт абазинского языка, в котором преобладают короткие предложения, соединяемые с соседящими одной лишь после-

довательностью во времени. Нам надлежит отметить здесь лишь немногие, служащие, главным образом, для соединения однородных членов предложения союзы и некоторые более характерные и употребительные частичные слова.

Важнейшими союзами служат служебные морфемы — *-гый*, *-хIва*, *-та(цта)* и самостоятельные слова: *йыцтый*, *йа*, *ауа́са (мца)*, *уадыргIва́на*, *уацIгы́хван*; далее сочетания, как например: *ауый̆ а́кIвы́здхIва* (*ауый̆ а́кIвы́зтын*) и др. Из числа их *-и* употребляется при сочетании стоящих в одинаковой синтаксической роли двух существительных или местоимений, как например: *а́лыгажгый̆ а́тажгый̆* «старик и старуха», *а́дысгый̆ ауа́рбажгый̆* «козленок и орел», *уа́рый̆ са́рый̆* «ты и я» и т. п., повторяясь после каждого из них. Специальное, притом частое применение находит себе союз и в числительных, как например: *уа́ндыр шкIгый̆ бжа́кIгый̆* «150 арб», *жвас̆мкIгый̆ гIва́нс̆кIгый̆* «10 рублей 40 копеек» (собств. «10 рублей и 2 двугривенных») и т. п.

Вышеуказанные сочетания *жвыйз*, *жвыйпц*, *жвыйц*, *жвыбъс* и *жвайже* содержат в себе примеры очень старых сочетаний с *й* (*жва + й + зы*, *жва + й + пцы* и т. д.), где *й* присоединяется лишь к первому элементу сложения. Союз *гый* представляет собою результат сложения известного больше из абхазского самостоятельного союза *гы* с тем же *й*, имеет то же основное значение, что и *й*, лишь несколько более определенное, выражаемое по-русски повторением союза «и» после каждого слова: *а́лыгажгый̆ а́тажгый̆* «и старик и старуха», *а́дысгый̆ ауа́рбажгый̆* «и козленок и орел» и т. п. В отличие от *й*, *гый* получает весьма часто применение в глагольных формах отрицательного и уступительного значения (примеры см. выше, в отделе глагола). Союз *хIва*, по происхождению основа глагола со значением «говорить», равнозначное русскому «скажем, мол», в роли союза со значением «и» выступает при более длинных перечислениях, например: *ати́кв̆а́хIвӑ а́жекв̆а́хIвӑ*, *ауаса́кв̆а́хIвӑ* «лошади, коровы, овцы и т. д.»; *хIва*, стоящее после того слова или слов, к которым оно относится, употребляется в смысле, заменяющем русское двоеточие (перед приводимыми словами другого лица) или кавычки, например: *ауый̆ а́м̆а́лтӑ й̆а́ма́йӑ хIвӑ й̆а́к̆а́н̆г̆а́м̆уа́н* «Есть ли какое-либо средство от этого, (говоря) рассуждали они, и т. п. В выражениях, подобных: *сц̆а́б̆хIвӑ см̆уа́рд̆а́б* «я намереваюсь пойти», *хIва* заменяет русский союз цели «чтобы». Нередко, во всех перечисленных случаях применения, союз *хIва* замещается более выразительными формами изъявительного наклонения того же глагола (*схIван*, *схIвийд* и т. п.). Морфема *та* употребляется в роли союза, как указывалось выше, в сочетаниях с глагольными формами наклонений повелительного и изъявительного. Для соединения однородных глагольных членов предложения допустимо, хотя и не общепринято, использование *та* в качестве сочинительного (т. е. стоящего между равноправными предложениями) союза, в значении русских: «но», «а», «же», например: *й̆а́н̆ша́рӑ ды́б̆б̆ый̆д̆ (тӑ) й̆а́н̆х̆ва́ла́рӑ ды́кĬт̆ы́м̆ух̆ый̆д̆* «когда светает, он ревет (как дикий зверь),

а (та) когда смеркается — становится курицей» (т. е. трусит). Союз *йицтэй* собств. «вслед за тем», играет более подчеркнуто ту же роль, что и *й*, например: *к'айдэйшэв йицтэй бакьбэй забж'ара* «между (именно) Кайдухом и Бакбием» (собственные имена местностей); иногда он соединяет числительные, например *август аг'важвэйцтэй ахпа рины* «23 августа».

Союз *йа* имеет значение разделительное «или» и повторяется обычно перед каждым словом, входящим в состав разделительного сочетания, например: *йа сарà йа уарà* «или я или ты».

Союз *ау'аса*, собств. «так», употребляется (вполне факультативно) в роли сочинительного союза «но», «однако», в начале предложения, а союз *ау'асамца(ра)* «таким образом, итак», в такой же роли подчинительного союза следствия; *уадьрг'ейана* (или *уац'йх'ван*) «затем, потом», *ау'йй ак'вызд'ива* «тем не менее, однако», *ау'йй ак'вмызтын* «как бы то ни было».

Из числа наиболее широко используемых частичных слов, т. е. слов, лишенных полного реального значения, следует назвать из самостоятельных слов, относящихся сюда, *цта* (*х'й'гын*) «да»; *мам'ау* (*мау*) «нет» (заменяют в ответах целое предложение); *абар* «вот», *ма* «на, возьми».

Из служебных морфем наиболее характерны упоминавшиеся выше *дза* — частица усилительного значения и *бырг* — частица подтверждающая, например: *анх'адзà* «прежде всего», *баг'адз'ата* «очень крепко», *май'радз'аб* «очень просто», *ак'втаб'ырг* «самая середина», *ак'йтмдзак'Ибырг* (sic! Ред.) «у самого края деревни» и т. п.

Глава IV

ФОРМЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Словосочетания и предложения (фразы). Любые два, три и более слов, следующие одно за другим в связной речи, составляют словосочетание. В таком широком, лишенном специально-грамматического значения смысле выражения «словосочетание», под это понятие подходят, например, и такие бессвязные по значению сочетания слов, как: *зны амив* «однажды медведь», *скейтыугый абагà* «все (наречие) лисицы», *рылны хьацIарала* «у них мужеством», *дрьмырцарныс мыубагIà* «чтобы его выгнать от них бойкот» и т. п. (примеры взяты из текстов сказок). Под словосочетанием во втором, более узком и имеющем грамматическое значение смысле понимается такое сочетание слов, когда не только смысл (реальный, внеконтекстовый), но и форма слов, входящих в состав сочетания, зависят от данного сочетания, в нем получают свое реальное обоснование. Примерами словосочетаний в последнем, специальном значении грамматического термина могут служить, например: *анхьà замàn* «в прежнее время», *ажелараква рны* «среди народа», *хьацIарала йыхьызгауата* «он (муж.), славясь мужеством», *зны амив чмазагIэхàд* «однажды медведь заболел», *ашевьрква шкейтыугый* «все звери», *абагà акIемызтым* «кроме лисицы» (собств. «если бы не было лисицы»), *ажелара дрьмырцарныс* «чтобы выгнать его из селения», *мыубагIà йькеырцарныс* «объявить ему бойкот» и т. п. В первом примере *анхьà* получает данный свой смысл именно в силу того, что стоит перед существительным *замàn*; в сочетании *ауьй анхьà* «перед этим» смысл этого же слова меняется. Грамматическая взаимозависимость смысла слов *ажелараква рны* также очевидна: *ажелараква* здесь не подлежащее предложения, а лишь слово, которое определяется следующим за ним послелогом *рны*, как косвенный объект предложения, не имеющий непосредственного отношения к действию, тогда как послелог *рны* своим *р*, в свою очередь, свидетельствует об отношении к имени в форме множественного числа. В сочетании *хьацIарала йыхьызгауата* первое слово дополняет смысл второго, будучи определяемо в свою очередь вторым, как свойство, принадлежащее лицу мужского пола, и т. д.

Примеры показывают, что наряду с формой отдельного слова, решающее во многих случаях значение может приобретать самый порядок последовательности слов. В этом отношении абазинский язык заметно отличается от тех языков, в которых последовательность слов, хотя и не всегда безразлична, все же отступает на задний план сравнительно с формальными признаками отдельного слова, достаточно определяющими его место и роль в речи.

Сводя основные, имеющие грамматическое значение, типы последовательности слов абазинского языка к общей, господствующей здесь тенденции, можно формулировать ее, примерно, следующим образом: слова, внешне дополняющие другое слово, ставятся перед ним, а слова, внутренне его дополняющие, за ним. Различение этих двух типов последовательности слов отражает, быть может, два осуществляемых в мышлении способа сочетания представлений, соответствующих отдельным словам: в одном случае мы имеем дело с сочетанием словесных эквивалентов первоначально-независимых представлений, тогда как в другом происходит расчленение на составные, взаимозависимые части первоначально единого, цельного представления с последующей подстановкой под каждую обособившуюся часть представления отдельного слова.

К категории «внешних» дополнений относятся в абазинском языке: 1) относительные определения, указывающие отношение данного предмета мысли к другим; 2) дополнения при имени, указывающие на принадлежность данного предмета мысли к другому предмету; 3) дополнения при причастии и глаголе, конкретизирующие результат, цель или сопутствующие обстоятельства совершающегося действия или состояния. Первая группа внешних дополнений выражается грамматически существительными (в роли прилагательных относительных), причастиями (с этой же функцией) и указательными местоимениями; ко второй группе принадлежат дополнения, выражаемые существительными и личными местоимениями; к третьей группе относятся, помимо существительных в роли прямого и косвенного дополнения, причастия в наречия (или деепричастия) по отношению к следующему за ними глагольному слову предложения.

В категории «внутренних» дополнений принадлежат некоторые качественные местоимения (как например, «все», «похожий» и т. п., см. выше) и приравняемые к ним числительные по отношению к определяемому ими существительному, но в особенности глагол по отношению к грамматическому субъекту выражаемого им действия. Этот последний вид отношений, связывающий субъект (подлежащее) и предикат (сказуемое), относится (наряду с специальной «фразовой» интонацией) к особому роду словосочетаний, имеющих значение законченного сообщения, называемому предложением и составляющему крупнейшую, наиболее важную единицу речи.

Типы словосочетаний. Прежде чем перейти к предложению, нам необходимо рассмотреть важнейшие грамматические типы слово-

сочетаний, не имеющих значения законченного сообщения. Таковыми являются (помимо рассмотренных выше, 1) сочетаний существительных с прилагательными относительными и качественными, образующими нормально одно слово и 2) сочетаний существительных с послелогоми, образующих нормально два слова), следующие сочетания слов:

1) Сочетание (атрибутивного) причастия с определяемым им существительным. Формальной характеристикой сочетания служат здесь соотносительные с существительными местоименные показатели в составе синтагмы причастий (*й(ы)* или *з*) и порядок слов — причастие предшествует слову, им определяемому. Примеры: *ййглайуаш астатйа* «следующая статья», *ауаъа (йырйламы йгйвычйвгйвыс)* «(там) вступивший в их число человек», *амара йаблыз ачвагъварта* «пашня, согретая (сожженная) солнцем», *йыгйашешайуа ашвыр* «растущий на вас плод», *йууыжвхуаш адзы* «вода, которую ты будешь пить» и т. п. Определяемое существительное стоит в оформленном определенным членом («определенном») падеже.

2) Сочетание (атрибутивного) указательного местоимения (в полной форме) с определяемым им существительным; местоимение предшествует существительному и согласуется с ним в числе. Примеры: *арый анхйвыс* «эта женщина», *арат анхачваквâ* «эти крестьяне», *ауый адзыл* «то место», *ауит амачваквâ* «те орудия» и т. п. Определяемое существительное стоит в «определенном» падеже.

3) Сочетание деепричастия с определяемым им атрибутивно существительным или субстантивированным числительным; деепричастие предшествует существительному (редкий тип). Примеры: *йыбжанархъата ахъызквâ (нашвырхъа)* «неоконченные имени» (докончите), *арат дрыуацта заджвй* «один из числа их».

4) Сочетание «посессивное» или сочетание дополнительного имени, в форме определенного падежа (или сочетания имени с притяжательным местоимением), с другим именем, так же оформленным местоименными морфемами. Это сочетание соответствует сочетанию «родительного» падежа русского и других языков, с именем, которое им определяется. Формальные признаки его: определяющее предшествует определяемому, а определяемое согласуется с определяющим в лице, числе и роде. Примеры: *тIанIанта ртаурйх* «история абазин» (ср. *тIанIантатаурых* «абазинская история»); *агънй ахъта* «холод зимы» (ср. *агънйхъта* «зимний холод»); *анхачвâ рсабйквâ* «дети крестьян», *ар рымгIва* «дорога войска», *агйвычйвгйвыс йынапIы* «рука человека», *ажвйджьма ачвâ* «шкура волка», *анхйвыс лхъабра* «коса женщины». Сюда же относятся сочетания личных местоимений с именем, снабженным соответствующим личному местоимению притяжательным местоимением, например: *сарâ стшы* «моя лошадь», *уарâ уыжакIва* «твоя борода», *йарâ йынхйвыс* «его жена» и т. п., тяготеющие к слиянию в одно слово, когда приведенные примеры звучат соответственно *сарастий* (или *састий*), *уаруужакIва*, *йарыйнхйвыс* и т. п.

Постановка в вышеперечисленных словосочетаниях «внешних» дополнений перед слогом, к которому они относятся, приводит к тому, что в большинстве случаев порядок абазинских слов диаметрально противоположен порядку соответствующих слов русского языка, ср. например: *ййныжсгIвара йыташвэх анхIвйсчегъа* «злая женщина, упавшая в берлогу великана» (букв. «великан берлога упавший женщина злая»); *ачсартасгъей ацIахъ ййцIаз агъыч ййкво йытаз ацIыдз* «блоха, находившаяся в штанах вора, сидевшего под кроватью» (букв. «кровать под находившийся внизу вор его штаны находившийся внутри блоха») (примеры взяты из сказок) и т. п.

Если определяемым словом, к которому относятся другие слова сочетания, служит причастие (или деепричастие), имеют место следующие типы сочетаний:

5) Сочетание наречия (или деепричастия) с причастием, причем наречие предшествует определяемому им причастию. Примеры: *бзый йызбау* «любящий», *гIешIчIвйракIта йалыу* «состоящий из двух слов», *дызгъыквымскIва йыгIанхъаз* «те, на которых он не напал» (букв. «он на которых не нападши оставшиеся»); *йыхIаумткIва йануум уазара* «если ты обязательно хочешь дать нам» (букв. «ты нам не давши, когда ты не допустишь»); *йырмъухуа йандлага* «когда они стали испытывать недостаток в том» (букв. «они то не находя более, когда они начали»); *рыцIа йыдыруацIта йаъаз* «более знающие» (собств. «более зная бывшие»); *хIквыч алыта хIацбъазауа* «мы, живущие своим общим трудом», *дйута йанхъауа* «громкочитающий», *бзыйта инхау* «хорошо работающий» и т. п.

6) Сочетание (атрибутивного) указательного местоимения с причастием; местоимение предшествует определяемому им причастию и согласуется с ним в числе. Например: *арый йыгIайуаш* «этот нижеследующий», *арат йыгIайкыуш* «эти нижеследующие» и т. п. Данное сочетание отличается от сходного сочетания причастия с указательным местоимением, выражающим грамматический субъект (подлежащее) предложения, обязательным присутствием в первом случае формальной характеристики причастий местоименного префикса *йы* в начале синтагмы причастного значения. Во втором случае префикс *йы* может отсутствовать.

7) Сочетание имени или местоимения (в значении дополнения) с причастием; имя предшествует причастию и выражено в глаголе соответствующим соотносительным местоименным показателем. Примеры: *амара йаблыз* «сожженный солнцем», *шкытыугъый йыраIау* «слышимое всеми», *уыхъа йазыумхыуш* «то, что ты себе не сделаешь»; *арат йырылуа* «то, что они могут», *швар* *йалашецIаз* «сложенное вами в одно место», *уар* *йыуапшыу* «похожий на тебя» и т. п. Дополнительная функция имени выражается здесь формой следующего за ним причастия, сохраняющей начальное (*йы*).

8) Сочетание имени с определяемым им причастием (деепричастием): *абъабышва зхIвау* «говорящие на абазинском языке», *алых амамкIва*

«без различия» (собств. «различие не имеется у него» (не разумн.), *ацтанчIв гIагсIв* «которого укусила змея», *ауьй аньйхIва* «когда он это сказал», *цIыдз дыукI тIа* «большая блоха, находясь внутри», *сыквейкI хьIмпауа* «ежегодно» (букв. «один год не перепрыгивая»), *арьй згыуи* «тот, который унесет этого», *ауьй анабI* «увидев это, он (неразумн.)» и т. п. Зависимость причастия от предшествующего имени выражается пропуском начального *йы*.

К законченным по значению и грамматическому составу приближается следующее:

9) Сочетание имени (или причастия) и наречия (или деепричастия) с глаголом служебного значения, образующее составное сказуемое; неглагольный элемент предшествует глаголу. Например: *йакьангьIшуа йIлагад* «они начали советоваться», *дIалмырбзIахуа дIалагад* «из-за нее ему стало более невозможно жить внутри» (букв. «она ему не давая более жить внутри, он начал»); *йылзIпшIауа йIлаган* «они начали ее искать», *дызбIа свIгьыйд* «я думаю, (что) я его видел» (букв. «мною оно виданное я думаю»); *йымдIруа дьIган* «он не знал», *арIса акIвыб* «так обстоит» (дело), *уарI уакIвын* «(это) был ты», *ауьй акIвын* «(это) был он», *йарцауIта йIлыд* «случается, что помораживает их» (т. е. растения — холод); сюда же должны быть отнесены случаи раздельного, сохраняющего ударение на каждом из элементов сочетания, произношения таких видовых форм, как: *йыгIайуа ркIвийд* «они продолжают идти» или *уьпхьI йауьйд* «(это) дает тебе возможность читать» и т. п.

Из других сочетаний с глаголом, также не имеющих в настоящее время значения вполне законченного [словосочетания, можно отметить:

10) Сочетание имени субъекта или объекта действия с относящимся к ним глаголом, когда глагол стоит в форме условно-сослагательного наклонения: *ауьй акIвызтынгьый* «хотя бы таки и было», *мачIв* (sic! *Ред.*) *цардыузтынгьый* «более или менее»; *амIаль амIатын* «если имеется возможность», *ахьI хьыхIгIварьквын* «если мы отрубим его голову» или в форме прошедшего зависимого (*аддIхтор сьйзцIан* «я пойдя к доктору», *ахьI хьыхIгIван* «мы, отрубив его голову» и т. п.).

Типы фраз. Высшей и основной единицей речи служит фраза. Под этим термином разумеется всякое отдельное слово или словосочетание, произнесенное с особой интонацией, называемой фразовой и показывающей, что говорящий закончил свое сообщение. Фразы, состоящие из одного слова, представляют собою довольно частое явление в повседневной речи, преимущественно в ответах на чужую речь, когда одного слова бывает достаточно, чтобы выразить свою мысль или отношение к тому, что говорит другой. Наиболее известным примером таких слов-фраз служат междометия и частичные слова, как *цта* «да», *мамIу* «нет» и т. п.

Определить максимальное количество слов, которое может входить в состав одной фразы, трудно. Возможные границы распространения

фразы определяются интересами как говорящего, так и слушающего: в интересах говорящего ограничить количество слов фразы, произносимой нормально одним выдохом, в интересах слушающего ограничение фразы дает возможность легче и яснее воспринимать внутреннее соотношение составляющих ее элементов-слов. Поскольку письменная речь, способствующая всегда развитию фраз до значительных размеров (в силу более легкой обозримости написанного, чем слышимого), до 1933 г. у абазин отсутствовала, в абазинском языке преобладают фразы, состоящие максимально из 8—10 отдельных слов.

Для того чтобы быть понятной вне связи с предыдущей речью, чужой или своей собственной, фраза, произнесенная говорящим, должна заключать в себе словесное указание минимально на два представления: представления предмета или лица и представление относящегося к нему признака или совокупности признаков, которые сочетаются в уме говорящего в предикативное сочетание, под которым разумеется такое сочетание двух представлений, когда одно мыслится, как зависящее в самом своем существовании от другого. Например, во фразах: *ларъ дгылаб* «она стоит», *абагъ гычкIвырыб* «лисица-воришка», *акIолахъз чвагъвахъд* «колхозники уже пахали» представления, выраженные словами *дгылаб*, *гычкIвырыб*, *чвагъвахъд* находятся в предикативной (зависимой) связи с представлениями, выраженными словами *ларъ*, *абагъ*, *акIолахъз* и мыслятся существующими лишь постольку, поскольку существуют эти последние.

Предложение. Фраза, содержащая в себе одно законченное, самостоятельное выражение предикативной связи двух представлений, называется предложением. Основным условием, предъявляемым в абазинском языке в громадном большинстве случаев к предложению, является наличие в нем глагола в форме повелительного, желательного, изъявительного или вопросительного наклонения или причастия в сочетании с вопросительным или вопросительно-относительным местоимением. В этом заключается характерное отличие абазинского языка от таких языков, в которых (как, например, в русском) глагол не обязателен в законченном предложении, как видно из примера: «лисица-воришка». Правда, существуют единичные примеры употребления в абазинском языке таких предложений, которые могут считаться законченными, не имея вышеуказанных формальных признаков; однако они ограничены определенной сферой применения — именно загадками и пословицами — и основаны на пропуске легко подразумеваемого глагольного слова (как например, *зачIвййа* «что такое?» и т. п.). Например, в загадке: *чымлъдъа лыгъеръ хъанал* «без лестницы прыгает (собств. «прыгающий») на матицу» подразумевается *зачIвййа* «что такое?» (или *уачIвы акIампал абагъ ацкIыс йахъчIвд акIампал бжа* «чем завтра целый хампал (род печенья), сегодня пол хампала» (подразумевается: *рыцIа йыбзыйб* «лучше») и т. п.

Вне этой специальной категории случаев можно отметить еще, как не требующие глагола: сочетания с указательной частицей *абар*, напри-

мер: *аб̄ар завод̄д* «вот завод!», *аб̄ар жь̄й̄йра* «вот кузница!», *аб̄ар уис* «вот дело!» и т. п.; сочетания, содержащие в себе ответ на вопрос об имени того или иного лица, например: *саба й̄злай̄й̄нх̄сауа — ц̄айк̄варг̄Iа нан̄й̄й̄н̄д̄ й̄ус̄уф̄* «Моего отца (как) зовут—Юсуф Нануевич Цейква» (здесь подразумевается *а̄кĪвыб* «есть»). За этими единичными исключениями остается подавляющее большинство предложений, определяемых, как таковые, наличием в них глагольной формы наклонения или указанного сочетания с причастием.

Члены предложения. В предложении следует различать образующие его слова, называемые членами предложения. Согласно данному выше определению предложения, в состав его входят минимально два члена: тот, который выражает собою представление предмета или лица и именуется подлежащим (субъектом) предложения, и тот, который выразит собой представление признака (или совокупности признаков), связываемого с подлежащим, именуется сказуемым и имеет, как мы только что видели, обязательную глагольную форму наклонения, выраженную, как таковую (за редкими исключениями), словесно. Грамматическим выразителем подлежащего могут быть только имена существительные, заменяющие их местоимения и приравняемые к ним по значению причастия.

Существеннейшей особенностью абазинского строя речи служит то, что обозначаемое в качестве грамматического подлежащего предложения слово не всегда соответствует тому представлению, которое мыслится сейчас говорящим в качестве логического (или реального) субъекта действия. Противоречие встречается там, где сказуемое, сочетаемое с подлежащим, обладает формой и значением переходного глагола, иначе говоря, там, где участниками действия, выражаемого сказуемым, мыслятся два предмета или лица: то, которое совершает действие, и то, которое непосредственно испытывает на себе действие. Как указывалось выше, основное, полуименное значение глагольных основ абазинского языка влечет за собой то последствие, что действие, как таковое, выразимо не иначе, как образным путем приписывания логическому (реальному) субъекту данного действия посесивного или притяжательного отношения к результату действия, выражаемому глаголом. Таким образом, произнося, например, *а̄нх̄Īвыс а̄чĪа̄х̄ва таб̄ала й̄ыр̄д̄зы̄д̄* «женщина печет хлеб на сковороде», говорящий на абазинском языке представляет себе, без сомнения, реальным субъектом признака, выражаемого сейчас глаголом, женщину, а не предмет, который печется — хлеб, между тем, как грамматическая форма глагола *й̄ыр̄д̄зы̄д̄* свидетельствует своим стоящим на первом месте местоименным показателем *й̄ы*, что грамматическим субъектом служит *а̄чĪа̄х̄ва*. Возникающая из подобных примеров необходимость различения реального (логического) субъекта от субъекта грамматического, отражает тот огромный сдвиг мышления, который привел к созданию логической категории переходного действия, выражаемой грамматической формой, недостаточно приспособленной для точного отображения тех логических отно-

шений, как их понимает сейчас говорящий на абазинском языке. Формальным выразителем совершившейся перемены служит *ныне* постанковка имени логического субъекта действия на первое место в предложениях, имеющих сказуемым переходный глагол.

Виды предложений. За основание для распределения в абазинском языке видов предложений по группам естественно взять различия в сказуемом, как слове, которое составляет самое существо предложения, как такового.

В зависимости от того, какова форма наклонения сказуемого предложения — предложения можно разделить на повелительные, желательные, изъявительные и вопросительные; каждая разновидность сопровождается своей особой фразовой интонацией. Примеры предложений:

1) Повелительные (запретительные): *йыуыжвхуаш адэи уытамджеджэан* «не плюй в ту воду, которую будешь пить», *уыхъа йазыумхуи датийа заджвы йызыумхан* «не делай другому того, чего не сделаешь самому себе», *уыхъаза уапийта уыцапIы рау* «смотря по своему одеялу протягивай свои ноги» и т. п.

2) Желательные: *лара дтарывында* «о, если бы она провалилась!», *ауый дымгылында* «о, если бы он не встал!», *сара сымпсында* «о, если бы я не умер!» и т. п.

3) Изъявительные (повествовательные): *къаранъага ашвхъыхьрта тагылаб* «в Карапаго (назв. сел.) имеется сыроварня», *аркъарц хIырхъийд* «Красная армия нас охраняет», *ажъыйкве жъыйыйд* «кузнецы куют», *арат цIма ларцIийд* «они сажают деревья» и т. п.

4) Вопросительные: *уыпъиква уырыцкыума (? Ред.)* «чистишь ли ты зубы?», *уынапIквд уыджвджэыума* «моешь ли ты руки?», *агрод хIцъыума* «пойдем ли мы в город?», *араъа даъыума* «находится ли он здесь?», *цIвъата йызынгъаха* «сколько яблок у него осталось?», *расцIвъата йылайа* «какие овощи растут в нем?», *йышпашвхIсауага* «как вы будете говорить?» и т. п.

В зависимости от того, каково значение сказуемого предложения, — предложения можно разделить на предложения с сказуемым непосредственного значения, сказуемым значения переходного и сказуемым значения вдвойне переходного. В первом случае предполагается непосредственное участие в действии одного, во втором — двух и в третьем — трех участников, что находит себе отражение, как в форме самого глагола (в количестве местоименных показателей в составе глагольной синтагмы), так и в количестве слов, необходимых для того, чтобы предложение могло считаться вполне законченным.

Порядок слов в предложении. Порядок слов в предложении бывает различен в зависимости от тех связей, которыми данное предложение соединяется с предложениями предшествующим и последующим. Взятое само по себе отдельное предложение имеет следующий нормальный порядок расположения составляющих его слов:

1) В предложении с непереходным глаголом на первом месте стоит слово, выражающее субъект действия (состояния), и на втором — сказуемое: *уарà уыдàггма* «ты глухой?», *сарà сыгъцарым* «я не пойду», *нйна дхыхыйд* «мать придет», *атийгъ гылаб* «лошадь стоит», *ауый зачI-вийа* «что это такое?», *хIыгтахъым дгIахIунылчмуаид* «наш враг будет нам завидовать». Нарушение этого порядка подчеркивает значение сказуемого, придает ему особо выразительный смысл: *йызгIвдахад аркъариц* «да здравствует Красная армия»; *нйна лакIвыб йысырхIвз* «сказавшая мне это — (именно) мать» (здесь *нйна лакIвыб* — составное сказуемое). Слова, атрибутивно характеризующие подлежащее, подчиняются установленным выше правилам постановки перед ним, если это атрибуты относительные, и за ним, если это атрибуты качественные; слова, составляющие сложное сказуемое, подчиняются особым правилам расстановки элементов сложного сказуемого. Например: *арый йыгIайуаш астайа ауыйаши акIвыб* «эта следующая статейка такого».

2) В предложении с переходным глаголом на первом месте стоит название логического субъекта действия, на втором — грамматического субъекта (логического объекта) действия и на третьем — глагол. Например: *аут хIарà хIырхыйд* «они нас охраняют», *хIарà абацаквæ хIыпхад* «мы наломали хворост», *гвыпыйпхадзæ заджвæджв пионер рымаб* «каждая группа имеет по одному пионеру». Постановка на первое место грамматического субъекта придает выражению нарочитый смысл, однако в степени менее отчетливой, чем постановка на первое место глагола в предложениях непереходного значения, например: *абацаквæ хIарà йыхIпхад акIолхдз йыршыыхд* «хворост-то мы наломали, а потом уже колхозники сплели» (из него плетень). В некоторых случаях постановка на первом месте грамматического субъекта обязательна, как, например, во фразе *дасыу йыквæч дарчæхб* «каждого его труд будет кормить», где *дасыу* стоит в двойной роли: субъекта глагола и дополнения имени (следовало бы точнее сказать неупотребительным образом: *дасыу йыквæч дасыу* или *йарà дарчæхб* букв. «каждого труд каждого (или его самого) будет кормить»). Логический субъект, преимущественно тот, который выражается личным местоимением, может нередко отсутствовать: *йыбызгIайхуа ббаб* «ты увидишь его приходящим к тебе» (недостаёт *барà*); несколько реже отсутствует, по тем же причинам выраженности местоимением, грамматический субъект: *сарà дызбæд* «я его видел» (отсутствует выраженное лишь в составе глагольной синтагмы, посредством *ð* указание на грамматический субъект: ожидалось бы *йарà* или *ауый* «его»).

3) В предложении с вдвойне переходным глаголом на первом месте стоит обычно логический субъект, на втором — косвенный объект, на третьем — грамматический субъект, например, *азæдд акIолхдз зланхауð амашйнаквæ гIарнæтыйд* «завод дает колхозникам рабочие машины», *дчIвкIвын æна хуы йырийтад* «мальчик все три отдал троим». Иногда порядок меняется: так, например, второе место занимает косвенный

объект, а третье — грамматический субъект: *атджэчІкІвын ауый гэы ндлтыд* «старушка обратила на это внимание» (букв. «старушка тому сердце дала»). И здесь, как и в предшествующей группе, имеет весьма часто место пропуск одного из элементов, в особенности личного местоимения; в примере *ауаса райхІед* «он так сказал им» (отсутствуют: *ауый ауат* «он им») отсутствуют даже два элемента.

Однородные члены предложения. При наличии в составе предложения двух или более субъектов, объектов или сказуемых, они называются однородными членами предложения. Например: *абагд къаз кІетыу свагвдц агъдчыйд* «лисица ворует гусей, кур и индеек» (три подлежащих при одном сказуемом), *апІиондрквә йыгъдйчехІуум йыгъдйсуам* «пионеры не бранятся, не ссорятся» (два сказуемых при одном подлежащем). Для абазинской речи характерно стремление устранить синтаксическое равноправие однородных членов сказуемого значения и поставить одно из них в зависимое положение от другого, что достигается:

1) Постановкой первых сказуемых в форме прошедшего зависимого, если сказуемые относятся к прошедшему времени, например: *ауат асагІандәкҭла йацхъемарын цайсын йабаццыхд* «они устроили состязание на луке, сразили и убили друг друга», *арт ауандыр йаныйпсәлхын, цІыдзцыга хъешы йыхІван тыйрә йыджвйквйгахд* «он положил их на арбу, назвал их средством от блох, и вывез (их) на продажу» (из сказок).

2) Присоединением к первым из них форманта наречий *та(цта)*, если сказуемое относится к настоящему или будущему времени: например: *шварә швацата швапшы* «вы пойдите и посмотрите», *уарә уыцдбта гІауцІеб* «ты пойдешь и скажешь», *дылшыйдта йыхІвйид* «он смотрит и говорит», *бацІацІкІвдн гІашедута, бацІкъачІкІвднта йышвишы, ауат гІәжвгта йпхгарта шиванахъ йыцтІашвцІа* «найдите мелкий хворост и сплетите в маленький плетень, принесите их (плетенки) и постелите перед дверью школы».

Наряду с основными членами предложения — субъектом (подлежащим), объектом (дополнением) и сказуемым, в состав предложения могут входить еще (помимо определений и дополнений, непосредственно связываемых с субъектом или объектом) относящиеся к сказуемому обстоятельственные слова и предложные дополнения (наречия) и постпозиционные сочетания, занимающие наиболее свободное положение в предложении (обычно они занимают или первое место, перед реальным или грамматическим субъектом, или же предпоследнее место перед сказуемым).

Обособленные члены предложения. Наречия, производные от причастий, т. е. деепричастия, играют особую роль так называемых обособленных членов предложения, под каковыми понимаются слова, по ритму и интонации уподобляющиеся целому предложению не составляя его, однако, по своим формально-грамматическим признакам. Деепричастия (вместе с причастиями) заменяют собою

в абазинском языке почти все виды придаточных предложений русского языка, за исключением условных и уступительных, выражаемых особыми формами наклонений. Обычным местом обособленных членов и связанных с ними слов служит начало предложения, в состав которого они входят: *дымцадзакIва* (деепртч.) *йыдырыйд* «он знает, (и) совершенно не ходивши»; *цардакI дымкъвауата* (деепртч.) *дгIайхд* «он пришел, не задерживаясь долго»; *ажвакIва ажванахта йырылцуата* (деепртч.) *йапыцылкIва* «связывайте слова так, чтобы получилось предложение»; *иквэтыгъый йырагIауа (та или цта* (деепртч.) *дбута шегIарыпхъа* «читайте громко так, чтобы слышали все», *уард уышыртахъыым* (распротр. прич.) *йысагIад* «я слышал, что они не хотят тебя больше»; *апхъара шваналгара* (распр. прич.) *агIрд шдлага* «когда вы кончите читать, начните писать»; *ацIкIвын арат ажвакIва нына йанлайхIвара* (распр. прич.) *нына дгIайыйд* «когда мальчик скажет эти слова матери, приходит мать»; *ауат йызлажъыйуа* (распр. прич.) *амачвакIва рэхъыкIва йышешвырдыр* «узнайте имена орудий, посредством которых они куют»; *ауат рсуратквей шшIырткIвауый* (распр. прич.) *жгIвы* «нарисуйте их и (напишите), как они кричат».

Наиболее сходства с русскими придаточными предложениями имеют помимо сочетаний форм изъявительного наклонения с морфемой *та* обороты со сказуемым в форме сослагательного наклонения; однако здесь разница в том, что, сохраняя свою форму, сказуемые придаточного предложения в русском языке могут встретиться и в независимом от другого предложения предложении, тогда как абазинское сказуемое вне такого «придаточного» предложения невозможно: например: *дгIайырквын уыйшыб* «если он придет, он убьет тебя», *дыубарыквын йызыухарыза* «если бы ты увидел его, что бы ты ему сделал?», *магъый йызбарыквын ахъа сцыцрын* «если бы я увидел хоть собаку их, я бы погладил ее по голове», *ауый абхъз бызшва йыздырыздхIва тIанIантабызшва гъыйдырам* «если даже он знает абхазский язык, то абазинского¹ языка он не знает» и т. п.

Сказуемое предложения. Как уже указывалось выше, сказуемым предложения может быть каждое слово абазинского языка, поставленное в предикативную связь с подлежащим предложения. Для того чтобы обратить в сказуемое какой-либо из членов предложения, соответствующее слово ставится в конце предложения в сочетании со сказуемостными формами вспомогательного глагола *ажIвызлара*, а предшествующие этому слову остальные слова предложения противопоставляются ему в форме сочетания с распространенным причастием. Например, фразы: *хIард уыгIбард хIтахъын* «мы хотели тебя видеть», *араса тIанIанта ртаурых рхIейд* «так рассказывают историю абазин», при желании обратить в сказуемое местоимение *уард* существительное — *ажалмых* или наречие — *араса*, могут быть превращены в следующий вид: *хIард йыгIбард йахIтахъыз уард*

¹ Точнее здесь — «тапантского». (Ред.).

уа́кIвын «тот, кого мы хотели видеть, был ты»; *тIанIанта ртаурьж йышърхIвауд ардса акIвыб* «историю абазин рассказывают так» и т. п.

Не только отдельные слова, но и целые сочетания слов легко превращаются в сказуемое, для чего достаточно сочетать их с глагольным и местоименными префиксами и формантами сказуемых форм глагола (наклонений). Например: *акыт а́рахъча* «пастух села», *хъа заджэ́кI* «одинокая голова», *аквайчIвара йыхъамыла* «не вмешивающийся в толпу» и т. п. превращаются в сказуемую синтагму, например: *джIтрахъчан* «он был сельским пастухом», *дхъазаджэ́кIын* «он был одиноким, одиночкой», *джвайчIварахъамыл* «он не вмешивается в толпу» и т. п. Глагол поглощает, таким образом, имя и становится все более и более тем центральным опорным пунктом, на котором держится структура и смысл предложения. Функция выражения целого ряда отношений, передаваемых обычно в других языках падежными формами имен, переходит к глаголу. Так, например, различие двух возможных значений формы неопределенного падежа (например, такой, как *аджэ́джэ́рта* «прачешная, в прачешной») достигается предпочтительно не сочетанием слова *аджэ́джэ́рта* с послелогом «в», как то: *аджэ́джэ́ртаннэ* и т. п., как это наблюдается в русском языке, а соответствующим изменением формы глагола (ср. *аджэ́джэ́рта цкъаб* «прачешная чистая», но *аджэ́джэ́рта йыцкъаб* «в прачешной чисто»).

В подавляющей массе случаев одна лишь глагольная форма дает возможность судить о синтаксических и смысловых взаимоотношениях других слов предложения, не достаточно характеризованных в этом смысле с формальной стороны; ср. еще например: *абагъ акыт гъычра йыгIайыд* «лиса приходит в селение воровать» (местное значение формы слова *акыт* определяется здесь значением глагола *гIайра* «приходить»), *хIара йбна заргард хIцыуид* «мы пойдем в лес за кизилом», *арымдза дъкечIваб* «он сидит на скамье» (но ср. *арымдза гылаб* «скамья стоит»), *асабыгIэ́рта анхачъ рсабы́кIва рыгIэ́йид* «крестьяне воспитывают своих детей в яслях» (ср. *асабыгIэ́рта бзы́б* «ясли хороши») и т. п. Глагол принимает на себя также часто функцию выражения и орудивных отношений, например: *арат амачвакIва дрълачвагъыуид* «он будет пахать этими орудиями» (взамен более естественного с точки зрения русского и ему подобных языков: *арат амачвакIвала дчагъыуид*); *ауы́й швапIквэ алашвры́цкъала* «вытирайте им (т. е. половником) свои ноги» (взамен *ауы́й йъла* (или *ауы́ла швапIквэ швры́цкъала*); *ауандыр йаланкъэ́йид* «посредством телеги ездят» (взамен *уандырла йыныкъэ́йид*) и т. п.

Глагол замещает и функцию выразителя притяжательных отношений, как явствует из таких примеров, как: *сард дарыкъэ́кыт сьруаб* «я принадлежу к жителям селения Псыж», *акIолхэ́з нартышьви́ыхъва рцардаб* «у колхоза много ломщиков кукурузы (вм. ожидаемого, но неупотребительного *акIолхэ́з рнартышьви́ыхъва цардаб*), *ауы́й акIолхэ́з*

ржъйраб «это кузница колхоза» (вм. неупотребительного *ауый акIолхдз йыржъйраб*) и т. д.

Втягивая в себя, таким образом, не только все основные члены предложения, путем включения в состав синтагмы сказуемого соотносительных с ними местоименных префиксов, но также и целый ряд формальных выразителей надежных отношений, глагольная синтагма приближается все более и более к тому, чтобы поглотить все предложение, уменьшенной копией которого она является; этот процесс подчеркивает еще раз основную синтаксическую особенность абазинского языка: доминирующую, определяющую смысл всего предложения роль синтагмы сказуемого.

Орфографические правила разделения слов. Нам остается сделать некоторые практические выводы, которые вытекают из рассмотренных нами грамматических отношений, регулирующих абазинскую речь. Основной вывод касается орфографической проблемы «отдельного» слова в условиях письменного оформления абазинского языка. Как мы видели выше, под понятие слова подходят в абазинском языке и целые словосочетания других языков и даже целые предложения. При всей условности определения понятия слова, как единицы речи, — а в основу определения абазинского слова целесообразнее всего класть понятие словесного ударения, — за словом всегда остается значение той эмпирической реальности, которую говорящий на данном языке стремится передать на письме, как отдельный комплекс буквенных начертаний. Учитывая в этом смысле ту практику писания на родном языке, которая развивается по отношению к абазинскому языку систематически с осени 1933 г., приходится констатировать, что большинство тех синтагм, которые подведены нами под категорию «слова», мыслятся, как таковые, действительным большинством пишущих на родном языке, и в этом смысле не возникает затруднений, что и как писать отдельно и что слитно. Единственным серьезным и сложным исключением из общего правила служат те синтагмы, которые названы нами аппозитивно-атрибутивными (см. выше), в отношении которых наблюдается значительный разнобой, вызванный без сомнения, с одной стороны, ассоциациями с русскими графическими навыками, с другой и главной стороны — отчетливой выделяемостью как прилагательных качественных (в силу их употребления самостоятельно и как наречий и как сказуемых), так и, в особенности, прилагательных относительных, в роли которых выступают обычно самостоятельно употребляемые существительные.

При решении вопроса, как быть с аппозитивно-атрибутивными синтагмами, следует учесть, что при всяком решении орфографических и связанных с ними орфоэпических вопросов возможны две противоположные точки зрения, в зависимости от той общей установки, которая кладется при этом в основу частных суждений. Одна точка зрения, которую можно назвать чисто утилитарной и сущность которой сводится к требованию возможной механизации процесса письма, опи-

рается на предположение широкого, массового, размноженного печатного распространения письменности, на ее роль культурного фактора, всесторонне обслуживающего повседневную жизнь. Вторая точка зрения, не отрицающая выгоды и даже практической неизбежности такой механизации графических навыков, стремится соблюсти при этом известные интересы педагогического и общеобразовательного порядка, вводя в правила орфографии некоторые элементы сознательного, вдумчивого отношения к орфографическим нормам языка. Она учитывает при этом, как опасно бывает прельщаться легким, простым и удобным правилом, позволяющим не думать, но тем более вредным, что оно схематизирует и искажает факты действительной жизни. Бесплезность ничему не учащей орфографии, в отношении особенностей своего родного языка, становится особенно очевидной, если принять во внимание, что не всегда и не везде имеются основания усматривать за национальной письменностью такую или только такую роль универсального фактора культуры. Не менее часто по отношению к составляющим предмет нашего ближайшего внимания абазинам, приходится думать, что роль национальной письменности заключается главным образом в ее исключительном, ничем другим в полной мере незаменимом значении общевоспитательного и общеобразовательного средства, неиспользование которого в условиях элементарной школы служит самым ярким и убедительным свидетельством культурного неравноправия по сравнению с народами, этим средством пользующимися.

Возвращаясь к вопросу об атрибутивно-апозитивных синтагмах, следует признать, что механическое решение вопроса говорит за единый способ передачи цельным словом всех разповидностей этих синтагм. При более аналитическом, педагогическом подходе представляется полезным выделять случаи: 1) полного смыслового слияния сочетания, как напр. в случаях: *алдыгажэ* «старик», *тыдздыу* «домище», *советвласт* «советская власть» и т. п., в отличие от случаев 2) лучшего сохранения отдельной значимости входящих в состав синтагмы слов, как например, в *адзы дыу* «большая река» (ср. *адздыу* «половодье»); *тыдзы чкыны* «маленький дом» (ср. *тыдзчкыны* «домик»). В первом случае можно рекомендовать слитное, во втором — раздельное написание.

Продолжая далее, можно разграничить правила написания сочетаний относительных атрибутов с определяемым — от правил сочетаний атрибутов качественного значения, как более тесно сливающихся с определяемым словом в представлении говорящих, чем атрибуты относительные, что отражается и в правилах расстановки определений в одних случаях — впереди, в других — позади определяемого слова. В последнем случае можно рекомендовать слитное написание, тогда как в первом допустимо раздельное написание. Словосочетания, имеющие в своем составе числительные свыше девятнадцати (противопоставленные словам, сочетающим имена с числительными первых двух десятков),

следует, не взирая на колеблющуюся в некоторых случаях практику, писать раздельно, в отличие от первых 19 числительных, где предпочтительнее слитное написание. Особо выделить следует правила написания слов и словосочетаний, служащих собственными названиями; здесь следует, наряду с выделительными кавычками, пользоваться дефисом, как напр. *йынджьыгь-чIкIгын* «Малый Зеленчук», *йынджьыгь-дыу* «Большой Зеленчук» и т. п.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>Глава I.</i> Введение	5
Общие сведения об абазинах и абазинском языке	5
Расселение абазин-тапанта	5
Расселение абазин-шкарава	6
Общая численность абазин	7
Различные наименования абазин	7
Взаимоотношения абазин и абхазцев	9
Историческое прошлое абазин	9
Родовой состав абазинских селений	10
История существующих селений	11
Классификация языков и наречий «абазин»	12
Примеры звуковых и морфологических соответствий	13
Различия в словаре	14
Различия в грамматике	15
Различия в фонетике	16
Общая характеристика взаимоотношений языков «абазин»	16
Дальнейшие задачи развития абазинского литературного языка	17
<i>Глава II.</i> Звуки абазинского языка	19
Звуки речи и звуки языка (фонемы)	19
Особенности звуковой (фонематической) системы абазинского языка	19
Ограниченное количество гласных звуков	19
Значительное количество согласных звуков	21
Кабардинское влияние на абазинскую фонетику	23
Абазинский алфавит	23
Гласные фонемы абазинского языка	24
Отличие гласных от согласных	24
Гласный <i>а</i>	25
Комбинаторные изменения гласного <i>а</i>	26
Дифтонги <i>эй</i> и <i>оу</i>	27
Влияние иноязычной фонетики на абазинский вокализм	28
Гласный <i>ы</i>	29
Комбинаторные изменения гласного <i>ы</i>	31
Влияние иноязычной фонетики на абазинский вокализм	32
Согласные фонемы абазинского языка	33
Классификация согласных звуков	33
Соворные фонемы абазинского языка	33

Общая характеристика сонорных согласных	33
Фонема й	34
Фонема у	35
Фонема л	35
Фонема р	36
Фонема м	36
Фонема н	36
Длигие сонанты	36
Спиратные фонемы абазинского языка	36
Классификация спиратных фонем	36
Губные спиранты	37
Зубные спиранты	37
Альвеолярные спиранты	39
Переднеязычные спиранты	40
Заднеязычные спиранты	41
Мягкоязычные спиранты	42
Гортанные спиранты	43
Взрывные (смычные) фонемы абазинского языка	44
Общая характеристика взрывных согласных	44
Губные взрывные	44
Зубные взрывные	45
Переднеязычные взрывные	45
Заднеязычные взрывные	46
Гортанный взрывной	47
Аффрикатные фонемы абазинского языка	47
Общая характеристика аффрикат	47
Зубные аффрикаты	47
Альвеолярные аффрикаты	48
Переднеязычные аффрикаты	49
Особенности смычногортанных фонем	49
Классификация фонем абазинского языка	49
Фонетические особенности наречия Шкарава	51
Сочетания звуков	52
Явление ассимиляции	52
Комбинаторные изменения звуков	53
Изменения систематические	53
Изменения спорадические	54
Частичное изменение звуков	54
Полное изменение звуков	55
Слог и виды его	55
Сущность слогообразования	55
Виды слогообразования	56
Колебания в количестве слогов	58
Колебания в границах слогораздела	59
Типы сочетания согласных в слове	59
Правила графического выражения количества слогов	60
Правила слогоразделения	61
Правила переноса слов	62
Ударение	62
Речевые такты	62
Сущность и смысловая роль ударения	63

Ударение словесное	64
Ударение неподвижное	64
Ударение подвижное	65
Ударение в сложносоставных словах	65
Ударение синтаксическое	66
Слияние слов в словосочетании	67
Ударение логическое	67
Необходимость обозначать в письме ударение	67
Интонация	68
Сущность интонации	68
Интонация предложения	68
Интонация частей предложения	69
Глава III. Формы слов абазинского языка (словообразование и словоиз-	
мение).	70
Значение отдельных звуков и простейших звукоочетаний	70
Омонимия	78
Морфемы и их виды в абазинском языке	78
Классификация морфем по значению	78
Значение глагольной основы	80
Употребление чистой глагольной основы	81
Особое замечание	83
Морфемы реальные и формальные	84
Классификация служебных морфем	85
Сочетание морфем и его виды	85
Понятие синтагмы	85
Классификация синтагм-слов по значению образующих их мор-	
фем	86
Синтагмы неразложимые в современном языке	86
Иноязычные слова	88
Морфемы колеблющегося значения	88
Классификация синтагм по звуковой форме морфем	88
Классификация синтагм по их синтаксической структуре	89
Классификация синтагм по их значению	92
Классификация синтагм по их роли во фразе	92
Части речи	92
Классификация частей речи	92
Междометия	93
Местоимения	93
Местоимения личные	94
Распространенная форма личных местоимений	95
Местоимения притяжательные	97
Особые формы притяжательных местоимений	99
Определенный член	101
Местоимения указательные	102
Местоименные наречия места и образа действия	104
Местоимения вопросительные	105
Простейшая форма вопросительных местоимений	106
Местоименные наречия относительные и вопросительные	107
Местоименные относительные	109
Местоимения определительные	111
Местоимения неопределенные	112
	201

Имена существительные	113
Образование существительных	113
Система склонения	118
Следы утраченных падежных форм	121
Множественное число	124
Деление существительных по значению	124
Имена прилагательные	125
Склонение прилагательных	125
Прилагательные качественные	126
Прилагательные относительные	126
Степени сравнения	127
Несамостоятельность прилагательных	127
Причастия	128
Глагольные категории причастий	128
Категория залоговости и ее виды	129
Дополнительные замечания	130
Формальные признаки залогов	131
Понудительный залог	133
Возвратный залог	134
Страдательный залог	134
Категория действия и состояния	135
Категория вида	138
Категория времени	141
Категория лица	144
Склонение причастий	147
Деспричастия	148
Распространенные причастия	149
I. Распространенные причастия предикативного значения	149
II. Распространенные причастия предикативного и полупредикативного значения	149
III. Распространенные причастия полупредикативного значения	151
IV. Суинв	152
Глагол	152
Глагол в узком смысле слова	152
Отглагольное ямя	153
Категория наклонения	153
Повелительное и уступительное наклонения	154
Отрицательные формы повелительного и уступительного наклонения	157
Наклонение желательное	159
Наклонение изъявительное	159
Формы глаголов действия	160
Формы глаголов состояния	164
Глаголы вспомогательные	165
Наклонение вопросительное	166
Наклонение сослагательное	167
Структура синтагм глагольного значения	169
Глагольные префиксы	170
Наречие	173
Послелоги	175
Числительные	177
Числительные количественные	177

Числительные порядковые	179
Прочие числительные	179
Правила орфографии числительных	181
Союзы и частицы	181
<i>Глава IV. Формы словосочетаний в абазинском языке</i>	<i>184</i>
Словосочетания и предложения (фразы)	184
Типы словосочетаний	185
Типы фраз	188
Предложение	189
Члены предложения	190
Виды предложений	191
Порядок слов в предложении	191
Однородные члены предложения	193
Обособленные члены предложения	193
Сказуемое предложения	194
Орфографические правила разделения слов	196

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. Г. Брянцева*
Технический редактор *Т. В. Полякова*
Корректор *Г. И. Длугач*

РИСО АН СССР № 34-3В. Сдано в набор 18/III-1955 г.
Подп. в печать 28/IX 1955 г. Формат бум. 70×108^{1/8}
Печ. л. 12,75=17,46. Уч.-изд. лист. 14,6
Тираж 1000. Т-07180. Изд. № 627. Тип. зак. 85
Цена 9 р. 75 к.

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Подосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строна	Напечатано	Следует читать
8	7 св.	абазинский	абазинского

А. Н. Генко. Абазинский язык

9 р. 75 к.